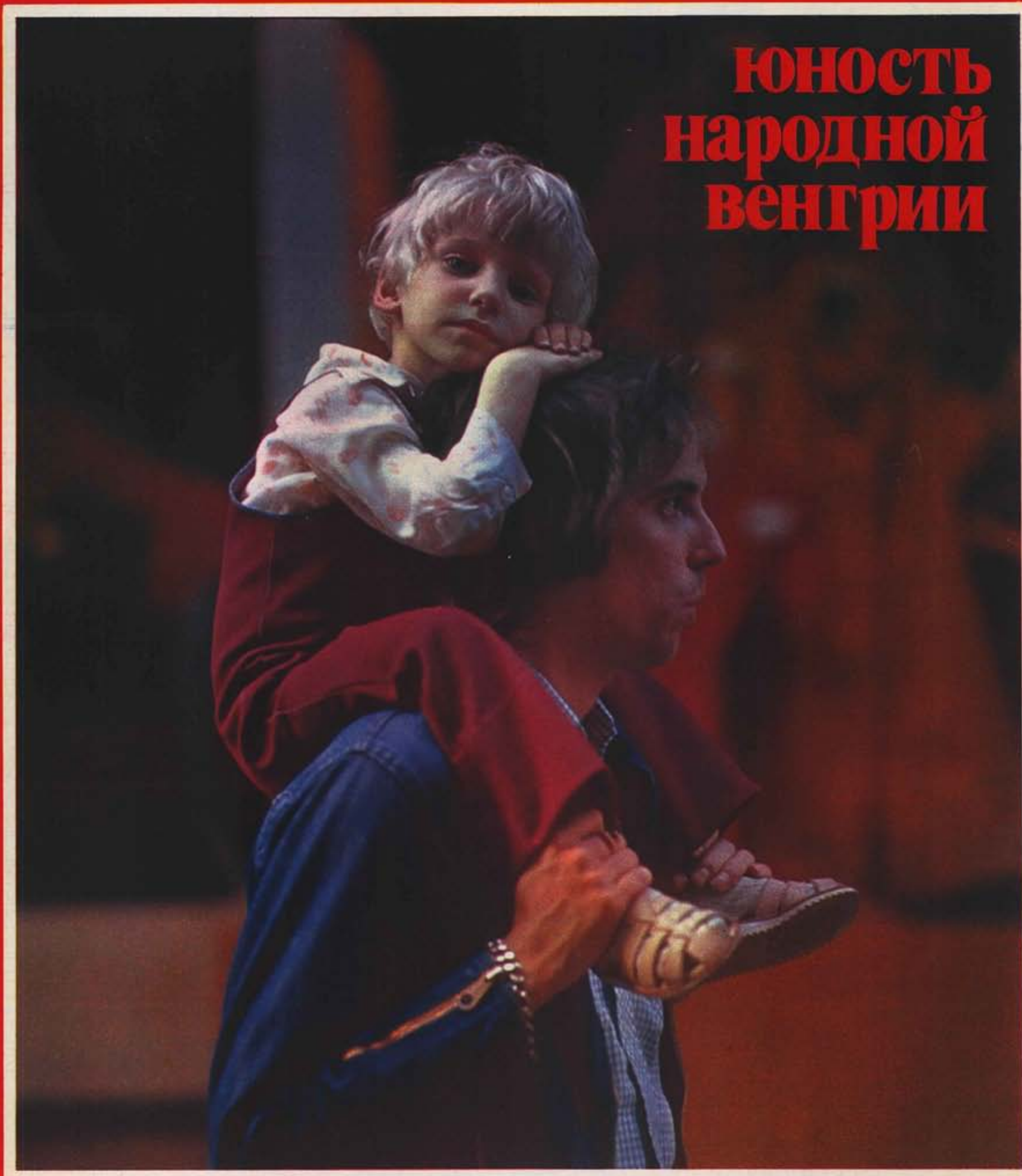

СМЕНА

№ 14 июль 1981

ЮНОСТЬ НАРОДНОЙ ВЕНГРИИ

Ленинская тема — главная в моем творчестве. Впервые я обратился к образу Владимира Ильича Ленина лет тридцать назад. Тогда я написал ряд полотен, посвященных юношеским годам Володи Ульянова. Эта работа потребовала скрупулезного изучения всех материалов, относящихся к детскому и юношескому периоду жизни вождя. Я штудировал книги, воспоминания современников, архивные документы, письма родственников и друзей семьи Ульяновых. И вот тогда-то обратил внимание на то, какое огромное влияние оказал на формирование характера Владимира Ильича его отец, Илья Николаевич Ульянов. Меня сразу же привлекла личность этого поистине необыкновенного человека. Человека недюжинного ума, доброй, благородной души, сумевшего воспитать своих детей мужественными борцами против несправедливости и насилия, стойкими, несгибаемыми революционерами.

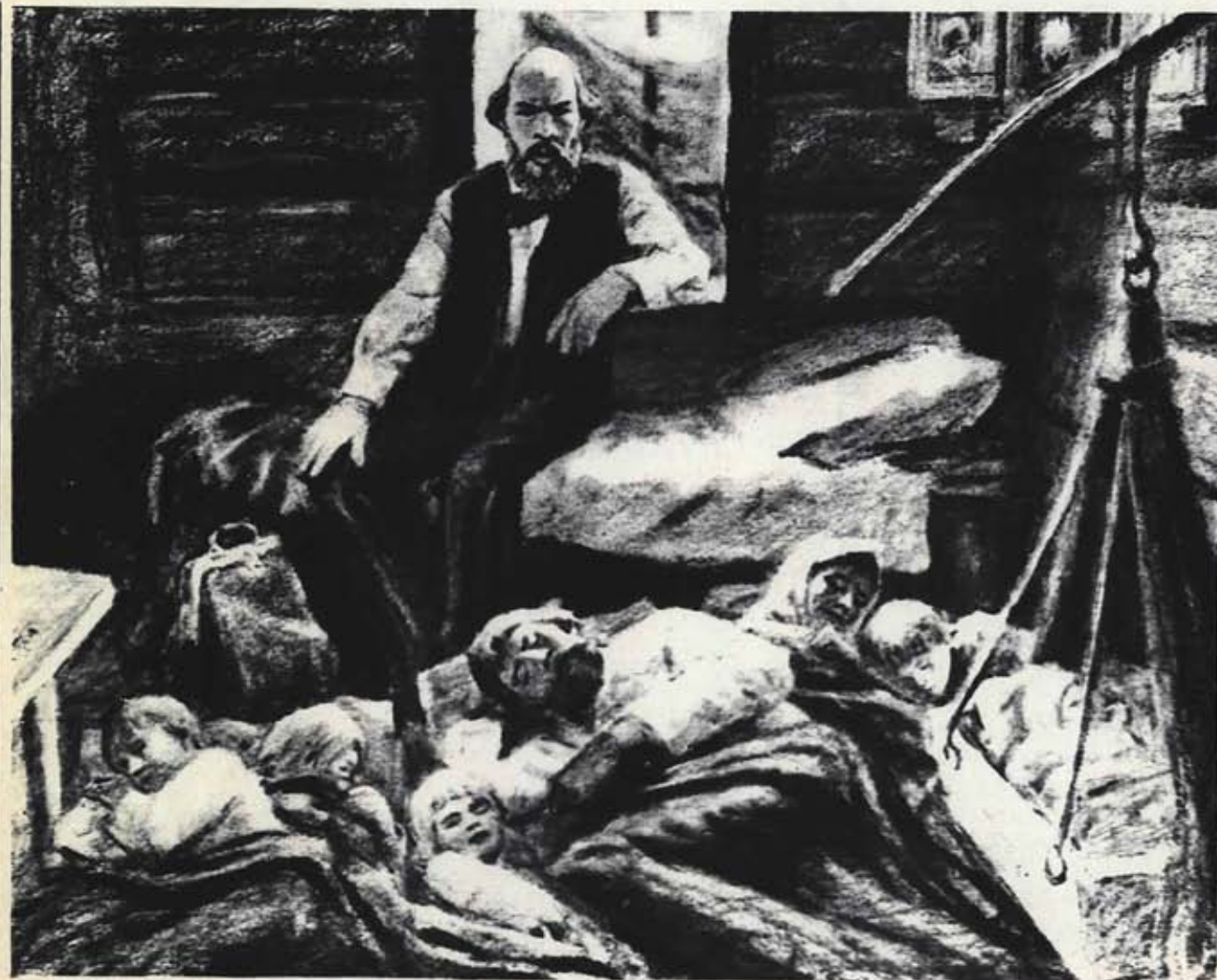
Облик Ильи Николаевича притягивал к себе необычайно, вызывая не только уважение, но даже преклонение. Жизнь и деятельность его удивительны. Удивительны своей целеустремленностью, жадной достигнуть вершин культуры и знаний и неутолимимым желанием передать весь опыт и знания людям. Цель и смысл жизни он видел в образовании и среди небыва-

К 150-летию со дня рождения И. Н. УЛЬЯНОВА

Борис ЛЕБЕДЕВ,
народный художник РСФСР

СЕРДЦЕ ОТДАННОЕ ЛЮДЯМ

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА
лого невежества того времени сеял «разумное, доброе, вечное», пробуждая в народе возвышенные, гражданские чувства, воспитывая и просвещая темных, неграмотных людей.

Он принимал самое непосредственное участие в создании народных школ, в которых учились дети крестьян. Долгое время был инспектором народных училищ, подготовил многих учителей. Он воспитал их как единомышленников, как продолжателей того доброго дела, которому всецело отдавал свое сердце.

Илья Николаевич имел огромное влияние на Володю Ульянова. Многие из тех замечательных качеств, которые отличали характер Ленина, были воспитаны его отцом, Ильей Николаевичем.

Чем больше я узнавал из изучаемых материалов об Илье Николаевиче Ульянове, тем сильнее меня притягивал этот образ. Отец и воспитатель великого Ленина — тема, все более увлекавшая меня. Я посвятил цикл работ Илье Николаевичу Ульянову. Все сюжеты картин взяты из жизни, из основных вех его биографии. Хотелось показать его живым и человеческим. Вот он в крестьянской избе. Картина так и называется. Отец Ленина был близко знаком со многими крестьянами, часто приходил к ним в избы, разговаривал о жизни, о крестьянском труде. Я хотел подчеркнуть демократичность, высоту его духа. Он никогда не отрывался от народных корней, ведь и сам Илья Николаевич вышел из этой среды. Хорошо знал цену труду. Его карьера досталась ему нелегко. И в другой картине — «Что ждет в столице Поволжья?» — я выбрал тот факт, когда И. Н. Ульянов оказался на распутье, после того как, окончив Астраханскую гимназию, он готовился поступать в Казанский императорский университет. Будучи простою званием, он никаких прав на это не имел и только огромнейшая трудоспособность и целеустремленность помогли ему достичь успеха. Стараясь запечатлеть самое существенное, важное из жизни и просветительской деятельности Ильи Николаевича Ульянова, я сосредотачивал внимание на показе того, каким он был человеком, старался раскрыть черты его характера, которые унаследовал человек, чье имя теперь известно всему миру.

В КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЕ.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС В ЖИЗНЬ!

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

ДЛЯ ЖИЗНИ ДОЛГОЙ И СЧАСТЛИВОЙ

Проводить эффективную демографическую политику, способствовать упрочению семьи как важнейшей ячейки социалистического общества, созданию лучших условий для сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности...

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

Одиннадцатая пятилетка, в которую мы вступили, открывает новый этап в жизни советской семьи. Прежде всего резко активизируется демографическая политика. Заметим, кстати, что любая демографическая политика направлена главным образом на семью. Особенность же нынешнего, нового этапа в том, что основной объект этой политики — молодая семья. Ибо именно она обеспечивает воспроизводство населения. Вот обнадеживающее явление: три четверти детей рождаются сегодня у матерей в возрасте до 30 лет. Это явление новое. Напомню, что еще в конце 30-х годов почти половина детей рождалась у матерей старше тридцати. И потому совершенно не случайно в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии сказано, что главный путь решения «обострившихся за последнее время проблем народонаселения» — это «усиление заботы о семье, молодоженах и прежде всего о женщине».

Но семья обеспечивает не только воспроизводство населения, то есть замещение родительского поколения детским, не меньшим по численности, чем родительское. Семейная жизнь, как известно, теснейшим образом связана с личным счастьем человека, составляет основу и стержень его эмоциональной жизни. Именно в семье формируется человеческая личность, закладываются ее основы и возводятся ее стены. С этой точки зрения нельзя переоценить семейный «климат», отношения в родительской семье. В молодые годы сильнейшие человеческие эмоции связаны с созданием собственной семьи. Вступление в брак — обычно завершающая стадия социализации человека, завершение его взросления. Рождение и воспитание детей, а затем отношения со взрослыми детьми — целый мир сложных и глубоких переживаний, наполняющих жизнь человека определенным смыслом, делающих ее богатой и полнокровной. Совсем не случайно все мировое искусство так часто обращается к сюжетам из любовно-брачно-семейной жизни: вспомним хоть величайшие образцы прошлого, скажем, Шекспира и Толстого, хоть наших современников. Бессспорно, эта сторона жизни очень важна и ценна для каждого человека.

Как известно, ЦК КПСС и Совет Министров СССР во исполнение решений XXVI съезда партии приняли недавно специальное постановление «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей», в котором намечены очень важные мероприятия, направленные на «создание наиболее благоприятных условий для роста населения и воспитания подрастающего поколения».

Намеченные меры создают очень важные объективные условия укрепления семьи, уменьшения числа разводов, повышения рождаемости. Однако укрепление семьи и другие благоприятные сдвиги в семейной жизни в немалой степени зависят и от субъективного фактора. Демографические проблемы относятся к таким проблемам, успешное решение которых невозможно без их широчайшего осознания и глубокого понимания народными массами, молодежью в первую очередь, ибо именно от нее, как уже говорилось, непосредственно зависит решение этих проблем.

Несколько лет назад в журнале «Смена» была опубликована статья «После свадьбы» (1977, № 5), посвященная главным образом вопросам устойчивости молодой семьи и разводам. Сегодня настало время продолжить и расширить этот разговор, ибо с тех пор положение здесь, к сожалению, еще более обострилось.

Вот как менялись число и интенсивность разводов в последние два десятилетия:

Годы	Разводов, тысяч	Разводов на 1000 браков
1960	270	104
1970	636	269
1973	679	270
1976	861	332
1979	951	330

Как видим, в 1960 году один развод приходился на десять заключенных в том же году браков, а в 1979-м — всего на три.

Однако такое сравнение еще недостаточно хорошо показывает происшедшие изменения. Читателю понятно, что разводятся не только (и даже не столько) те, кто вступил в брак в том же году. Средняя продолжительность существования распавшихся браков по официальной статистике — около восьми лет. Поэтому сравним число разводов в каждом данном году с числом браков за восемь лет до этого.

Годы	Число разводов	Число браков за 8 лет до этого	тысяч	
			На 1000 браков разводов	
1960	270	1934	140	
1970	636	2222	286	
1979	951	2460	387	

Как видим, во второй половине 70-х годов на тысячу браков, заключенных за 8 лет до того, приходилось около 400 разводов.

Разумеется, эти цифры еще не говорят о неустойчивости семьи вообще. Если число разводов поделить на число существовавших в то время брачных пар, то в 1979 году из-за развода распалось около 15 браков из тысячи, то есть всего полтора процента.

Однако все дело в том, что подавляющее число разводов приходится на совсем молодые браки, на только что сложившиеся семьи. Развод — это проблема молодых семей.

К сожалению, статистика в этом отношении очень неточна. Она основана на выдаче справок о разводах в загсах. Но эти справки обычно берут много позднее официального развода. А некоторые и вообще их не берут. Кроме того, обычно проходит много времени от фактического распада семьи до юридического развода. Поэтому между распадом брачной пары и получением справки о разводе обычно проходит несколько лет.

Специальное обследование, проведенное в Белорусской ССР, показало, что треть разводов падает на семьи, существовавшие менее года, еще треть — на семьи, жившие от года до пяти лет.

Получается, что одна из десяти начинающих семей распадается на первом году жизни, одна из пяти — не доживает до пяти лет.

Развод — всегда драма для его участников. Редко кто женится с намерением побыстрее развестись (о фиктивных браках ради получения определенных житейских благ говорить не будем). Нынешнее количество разводов — это миллионы несчастных супругов.

Однако нельзя забывать о том, что главная страдающая сторона при разводах, как правило, дети. Хотя не все разводящиеся успели завести потомство, хоть у многих из них — только по одному ребенку, при нынешнем количестве разводов ежегодно появляются многие сотни тысяч полусирот. Обычно дети остаются с матерью. Большинство разведенных женщин-матерей в повторные браки не вступает, то есть у их детей нет и отчимов. Это ведет к тому, что само собой возникают очень серьезные проблемы воспитания детей из распавшихся семей. Дети недополучают родительских забот, или заботы эти несколько односторонни, в социализации ребенка нередко возникают разного рода искривления — на горе им самим, близким людям и обществу в целом.

Наконец разводы чрезвычайно отрицательно сказываются на рождаемости а, следовательно, на воспроизводстве и росте населения.

Проблема рождаемости и воспроизводства населения стоит сейчас очень остро. Если в конце 50-х годов на смену тысяче человек родительского поколения по стране в целом приходилось около 1260 детей, то в конце 70-х — только около 1040. Воспроизводство населения по стране в целом, как видим, еще расширенное, однако оно уже очень близко к простому, и при продолжении тенденций последних лет быстро стало бы суженным, а это привело бы в дальнейшем к уменьшению численности населения страны. Кроме того, нынешнее слегка расширенное воспроизводство по стране в целом обеспечивается Средней Азией, где рождаемость еще высока, а в Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике воспроизводство суженное, то есть детей не хватает для простого количественного замещения родительского поколения.

С падением рождаемости связаны некоторые экономические трудности, которые придется пережить стране в этой и особенно в следующей пятилетках, в частности — резкое падение прироста трудовых ресурсов.

Теперь зададимся таким вопросом: сколько нужно детей? Собственно, тут два вопроса: сколько детей нужно семье и сколько стране?

Что касается первого, то это, понятно, дело самих супругов.

Для страны же нужна в среднем трехдетная семья. Почему именно трех-, а не двухдетная, как обычно думают неспециалисты?

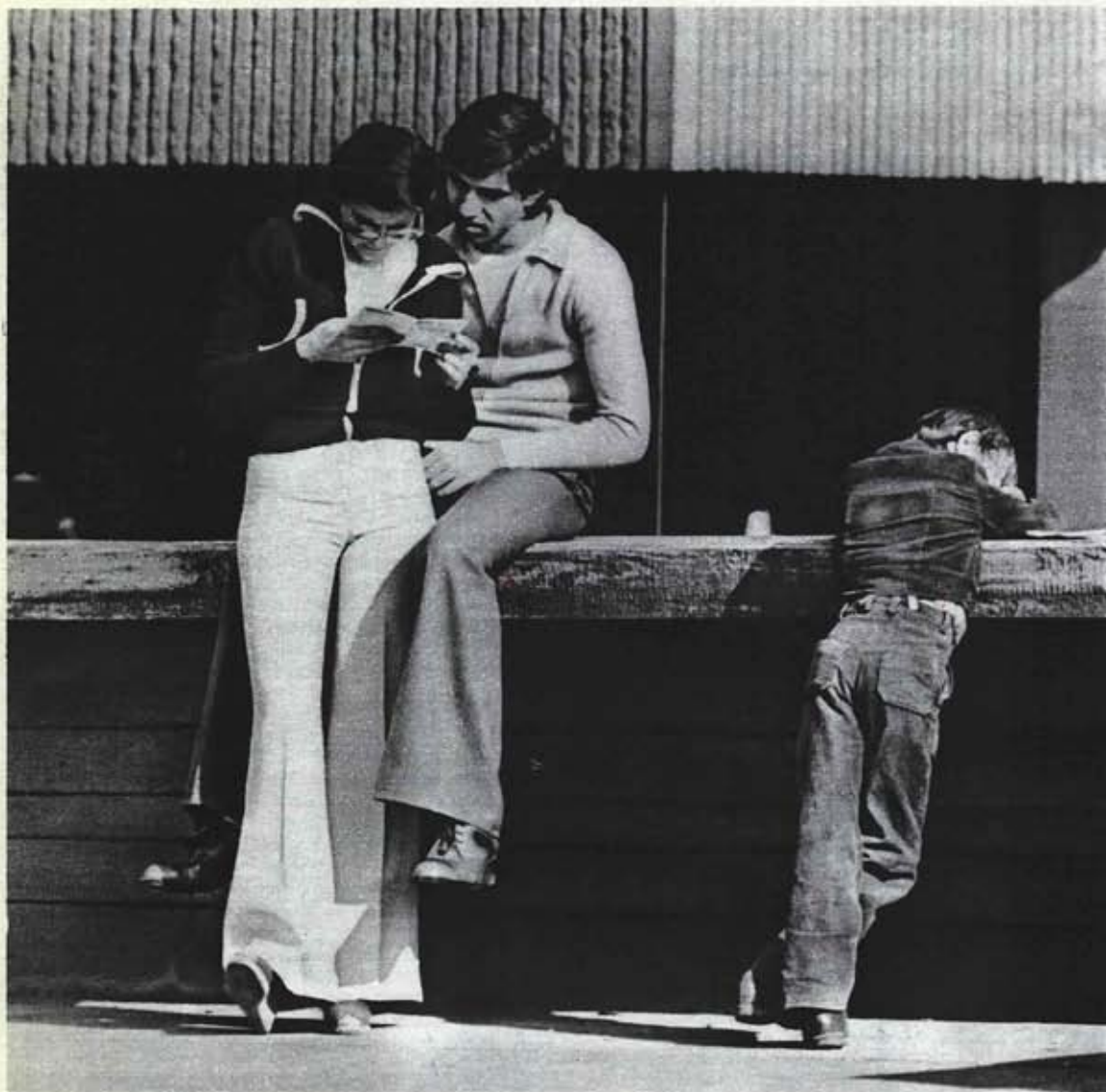
Потому что не все женщины выходят замуж, а у безмужних женщин детей мало; потому что не все женщины могут иметь детей; потому что не все дети доживают до родительского возраста, когда они, собственно, и замещают родителей. При нынешних условиях для простого воспроизводства населения страны нужно, чтобы у ста семей, которые могут иметь детей, было 260 рождений. Другими словами, если у 60 семей из 100 будет по трое детей, а у 40 — по двое, то простое воспроизводство будет обеспечено. Однако с экономической точки зрения более выгодно иметь несколько больше детей. Оптимальным был бы такой режим воспроизводства, при котором на смену 1000 родителей приходилось бы примерно 1200 детей. Тогда национальный доход и уровень благосостояния населения росли бы наиболее быстро (при прочих равных условиях). Именно с этой экономической точки зрения желательнее существенное повышение рождаемости (то есть среднего числа детей в семье) по сравнению с нынешним уровнем.

Того же требуют и интересы улучшения возрастной структуры населения страны. Дело в том, что для нашего населения характерно волнообразное возрастное строение. В нем постоянно перемежаются относительно малолетние и относительно многолюдные поколения. Так, многолюдно поколение, родившееся во второй половине 20-х годов, а также поколения, родившиеся во второй половине 30-х годов, в 50-е годы и во второй половине 70-х. А соседние с ними — относительно малолетние. Волны эти очень высоки. Так, если взять последнюю сформировавшуюся демографическую волну, то размах ее виден из того, что в 1958—1960 годах родилось в среднем по 5,3 миллиона детей, в 1967—1969-м — по 4,1 миллиона, в 1978—1979-м — по 4,8 миллиона.

Эти волны создают существенные демографические и экономические трудности.

На «брачном рынке» образуются определенные диспропорции между числом женихов и невест. На

ПАПА, МАМА И Я.

«восходящей» стороне волны, то есть тогда, когда в брачный возраст вступают все более многолюдные годовичные когорты, не хватает женихов; на «нисходящей» стороне — невест. Сейчас мы переживаем как раз переломный период перехода от избытка невест к их недостатку.

Именно с демографическими волнами связаны громадные перепады в приросте трудовых ресурсов между пятилетками. Так получается потому, что во второй половине 70-х годов в рабочий возраст вступало (пересекало границу двадцатилетия) многолюдное поколение родившихся во второй половине 50-х годов, а из рабочего возраста выходило (то есть переходило через 60 лет) малолюдное поколение родившихся в 1916—1920 годах. Это поколение, родившееся в годы первой мировой и гражданской войн, в период голода и разрухи, было относительно малолюдно изначально, а кроме того, оно понесло очень большие потери в Великой Отечественной войне. Во второй половине 80-х годов в рабочий возраст будет входить относительно малолюдное поколение родившихся во второй половине 60-х годов, а выходить из него будет очень многолюдное поколение появившихся на свет во второй половине 20-х. Вот откуда большой перепад в приросте трудовых ресурсов между десятой и двенадцатой пятилетками.

С любых точек зрения желательнее устранение демографических волн. А это возможно лишь путем сильного увеличения рождаемости в наступившие восьмидесятые годы.

Есть ли объективные возможности для повышения рождаемости в настоящее время? Да, есть. Будут ли они в должной мере использованы, зависит в громадной степени от молодежи, от молодой семьи, от ее реального демографического поведения.

Что же это за благоприятные предпосылки повышения рождаемости?

Прежде всего — тот самый перелом на «брачном рынке», о котором мы уже упоминали, — переход от избытка невест к их недостатку. Напомним, что в 1970 году на 100 неженатых мужчин в возрасте от 21 года до 45 лет приходилось 170 незамужних женщин в возрасте от 18 до 42 лет. Такие возрастные границы взяты по той причине, что средняя разница в возрасте мужей и жен составляет у нас около трех лет, а активно вступать в брак женщины начинают с восемнадцати лет, мужчины — с двадцати одного года. В

более же старших возрастах очень сильно сказывалось влияние войны, кроме того, старшие возрасты почти не дают детей.

Почему получалась эта громадная разница между числом женихов и невест?

Тут две причины. Первая — разница в среднем возрасте мужей и жен и постоянное возрастание числа рождений с 1943 по 1960 год. Поскольку на «брачном рынке» каждой годовичной когорте мужчин противостояла женская когорта на три года моложе мужской (скажем, мужчинам 1951 года рождения — женщины 1954 года и т. д.), то женщин всегда оказывалось ко времени вступления в брак несколько больше, чем мужчин. А поскольку разница падала на тех, кто не вступил в брак, то есть на меньшинство, то диспропорция сильно увеличивалась.

Вторая причина — повышенная смертность мужчин по сравнению с женщинами. Мальчиков всегда рождается несколько больше, чем девочек, но примерно к 25 годам мужской количественный перевес исчезает, а затем быстро нарастает женский перевес. В возрастах от 20 до 50 лет по возрастные коэффициенты смертности у мужчин значительно больше, чем у женщин, что и приводит к большим половым перекосам. По этой причине повторных браков у мужчин было значительно больше, чем у женщин, а вероятность вступления в брак для женщин после тридцати лет была невелика, после тридцати пяти — ничтожна. А мужчина и в 40 лет оставался желанным женихом и легко вступал в брак часто с женщиной на 10—15 лет моложе себя.

В 1981 году начали активно вступать в брак мужчины 1960 года рождения и женщины 1963 года. В 1960 году в стране появилось 5 миллионов 341 тысяча детей, а в 1963-м — 4 миллиона 758 тысяч, то есть почти на 600 тысяч меньше.

Однако теперь в самых молодых брачных возрастах уже существует недостаток невест, который будет быстро возрастать.

Как это скажется на браках, молодой семье, рождаемости?

Несомненно, в целом весьма положительно. В среднем женщины будут раньше вступать в брак, и доля замужних в сравнительно молодом возрасте повысится. Заметим, что эти процессы шли в нашем населении и раньше. Так, из каждых 100 женщин, рожденных в 1946—1948 годах, в брак вступало к 22 годам — 54, к 24 годам — 75 женщин, а среди рожден-

ных в 1952—1954 годах — уже соответственно 58 и 76. Этот процесс омоложения брака и увеличения доли замужних молодых женщин будет резко усиливаться.

Существует мнение, что теперь у нас очень много ранних браков. Думаю, что это ошибка или весьма субъективная оценка, при которой детьми считаются двадцатилетние. Мужчины начинают активно жениться только с 21 года, женщины выходить замуж — с 18 лет. Это время зрелости во всех отношениях. У нас, наоборот, слишком много поздних браков — четверть женщин еще не вступила в брак к 24 годам. В новых демографических условиях девушки будут вступать в брак гораздо активнее, а многим молодым мужчинам придется ожидать, когда подрастут более юные девушки. Средняя разница в возрасте впервые вступающих в брак мужчин и женщин увеличится. А вот у вступающих в брак повторно она, по всей видимости, сократится, поскольку у девушек будет больше молодых поклонников и претендентов. Легче станет вступить в повторные браки разведшимся женщинам и вдовам; изменение ситуации на «брачном рынке» весьма положительно скажется и на судьбе более зрелых женщин. Доля женщин, состоящих в браке, существенно увеличится, а это положительно скажется на числе рождений и на воспитании детей. У средней замужней женщины детей много больше, чем у незамужней. В полной семье дети воспитываются лучше, чем в неполной.

Думаю, что в новой брачной ситуации сильно увеличится число повторных браков, которых в последнее время стало очень мало сравнительно с числом тех, кто может в них вступить, то есть разведшихся и овдовевших. «Разведенцы» явно уклоняются от повторных официальных, зарегистрированных браков. По-видимому, этому сильно способствовала существовавшая в недавнем прошлом ситуация на «брачном рынке» — избыток невест.

В дополнение к отмеченным благоприятным с точки зрения рождаемости изменениям демографической ситуации существенно улучшаются условия жизни молодой семьи в результате осуществления намеченных XXVI съездом КПСС мер.

Читатель, разумеется, знает про постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей», в котором намечена целая система важных с демографической точки зрения мероприятий. Обращу здесь внимание лишь на главный пункт этого постановления, в котором «предусматривается: введение поэтапно по районам страны, начиная с 1981 года, для работающих матерей, имеющих общий трудовой стаж не менее одного года, а также женщин, обучающихся с отрывом от производства, частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. Оплата этого отпуска будет производиться в размере 50 рублей в месяц в районах Дальнего Востока, Сибири и северных районах страны и в размере 35 рублей в месяц в остальных районах; предоставление работающим женщинам одновременно с введением указанного отпуска права на получение дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, а в дальнейшем и двух лет, с сохранением непрерывного трудового стажа и стажа работы по специальности».

Хочу специально обратить внимание читателей на приравнение в этом постановлении студенток к работающим женщинам.

В настоящее время значительная часть молодых женщин учится с отрывом от производства. Часты стали студенческие семьи. Сочетать учебу с рождением и воспитанием ребенка нелегко. Трудности сохраняются и в первые годы работы после вуза: адаптация к новому коллективу, освоение профессии на практике, бытовые трудности и т. д. Поэтому молодые специалисты нередко поздно заводят первого ребенка и им же ограничиваются.

Далее, как видит читатель, в принципе признано желательным продление отпуска по уходу за ребенком до двух лет, и это несмотря на сложную ситуацию с трудовыми ресурсами. Это показывает, какое громадное значение придается на данном этапе партия и правительство «созданию наиболее благоприятных условий для роста населения и воспитания подрастающего поколения».

Одна из важнейших проблем молодой семьи — жилищная.

Страна ведет, как хорошо известно, громадное жилищное строительство. Средние жилищные условия быстро улучшаются. Каждую пятилетку, начиная с середины 50-х годов, на городского жителя добавляется по одному квадратному метру общей площади жилищ. Другими словами, средняя квартира семьи из четырех человек теперь на целых 20 квадратных метров просторнее, чем в 1955 году. Кроме того, подавляющее большинство семей живет теперь в отдельных благоустроенных квартирах. Это — громадное достижение нашего общества. Однако молодежи вообще и молодая семья в частности меньше других категорий населения была затронута этими

благодарными изменениями. Дело в том, что жилье предоставляется преимущественно по месту работы, а главный критерий определения места человека в жилищной очереди — стаж работы на данном предприятии, в данном учреждении. Поскольку у молодых людей большого стажа не может быть просто в силу их молодости, обычно молодежь получает жилье далеко не в первую очередь. Поэтому в новом постановлении «определен ряд мер по расширению для семей, имеющих детей, и молодоженам преимуществ при получении государственной жилой площади, а также при индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве».

Таким образом, как видит читатель, сложившаяся демографическая ситуация, «обострившиеся за последнее время проблемы народонаселения», как сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, требуют укрепления семьи и повышения рождаемости. Партия и правительство принимают ряд важных мер, которые должны существенно этому способствовать.

Очень важно для достижения этих целей преодолеть значительные трудности, решить проблемы развития самой семьи как социального института.

Непрочность нынешней молодой семьи, большое количество разводов с их сильным влиянием на рождаемость и воспитание детей связаны с переходным характером современной семьи.

От чего и к чему происходит переход?

От семьи патриархальной с резко выраженным главенством мужа — к семье «биархатной», с приблизительно равным равенством супругов.

От семьи большой, неразделенной, в которой жило несколько поколений, а то и боковые родотвенники, к семье малой, «нуклеарной», состоящей только из родителей с детьми.

От семьи многодетной — к малодетной.

От семьи с резко разграниченными семейными функциями супругов (муж — работник, добытчик, кормилец; жена — домохозяйка и воспитательница) — к семье без резкого разграничения функций.

В стране сейчас можно найти как большие патриар-

хальные семьи с традиционным разделением обязанностей в семье (особенно в Средней Азии), так и современные биархатные малодетные семьи, особенно характерные для больших городов европейской части страны. Однако большинство семей — явно переходного характера, в которых детей уже мало, жена-мать наравне с мужем работает в народном хозяйстве, но домашние заботы по-прежнему остались главным образом на плечах женщины. Последнее — очень важный для семьи, устойчивый и очень вредный в современных условиях пережиток, с которым современная женщина мириться не хочет и не может. Именно это, по моему мнению, и расшатывает прежде всего и больше всего молодую семью.

Вот какой была, например, недавно продолжительность домашнего труда у мужчин и женщин, работающих в промышленности большого города.

Семейное положение	Домашний труд в часах и минутах за неделю	
	мужчины	женщины
Одинокие	4.50	13.40
Не состоящие в браке, живущие с родственниками	4.20	10.30
Молодые супруги без детей	8.35	25.50
Родители несовершеннолетних детей в простых семьях	13.25	35.45

Как видим, домашний труд у начинающих мужей в три раза меньше, чем у их жен, а в семьях с детьми — меньше в два с половиной раза. У женщины-матери получается, как видим, 77-часовая рабочая неделя (41 час на работе плюс 36 часов дома). Это трудно выдержать физически, женщина не может мириться с этим объективно. Но она не расположена к этому и субъективно.

Как известно, наши женщины занимают очень высокое положение в обществе и в народном хозяйстве. Лучшее свидетельство этого — преобладание женщин среди интеллигенции. Из каждых десяти специалистов народного хозяйства (то есть людей с

дипломами вузов и техникумов) шестеро — женщины! Заметим еще, что молодые женщины очень сильно обогнали своих сверстников по уровню образования — это показала уже перепись 1970 года, а перепись 1979 года обнаружила большое усиление образовательных различий. Мужчины в этой области явно отстают.

Молодая, образованная, квалифицированная женщина, нередко занимающая более высокое положение в производстве, чем муж, иногда и зарабатывающая больше его, не может мириться с прежним положением внутри семьи, с положением «прислуги за всеми».

Замечу, что специальные исследования показывают более равномерное распределение домашнего труда между супругами в семьях передовиков производства. «У мужчин — ударников коммунистического труда почти в два раза выше удельный вес семей, где наблюдается семейная кооперация, чем у рабочих, не участвующих в движении (за коммунистический труд. — В. П.). Важная черта бытового поведения передовой части рабочего класса — установление отношений равенства между мужчиной и женщиной, основанного на коллективизме и взаимопомощи в семье».

Думаю, что у семьи нет иного пути, кроме пути к полному фактическому равенству супругов в семье. И чем быстрее мы этого равенства достигнем, тем лучше, слаженнее, счастливее будет семейная жизнь, тем лучше будут воспитываться дети. И детей этих будет достаточно для общества — основной станет трехдетная семья.

Перед нынешней семьей стоит много сложных проблем. Думаю, что эффективно решить их можно только на научной основе. Забота КПСС и Советского правительства о семье и вообще о демографических наших делах — порука тому, что в такой важной для общества, для развития народного хозяйства, для личного счастья человека области дела наши будут быстро улучшаться. Семья как одна из высших ценностей общества будет развиваться и укрепляться.

АНКЕТА «СМЕНЫ»: ЗЕРКАЛО СЕМЬИ

Уважаемые читатели!

Редакция предполагает продолжать публикации о молодой семье. Но для того, чтобы эти публикации были системными и приносили какую-то пользу, просим Вас ответить на вопросы следующей анонимной анкеты. Ваши ответы помогут лучше понять семейные проблемы молодежи и наметить пути их решения.

I. Если Вы состоите или состояли в зарегистрированном браке:

- а) в каком возрасте Вы вступили в первый брак? _____
- б) где Вы познакомились с будущим супругом (супругой) — на работе, в школе, другом учебном заведении, в местах отдыха и т. д. (подчеркнуть или дописать)? _____
- в) сколько времени Вы были знакомы до брака? _____
- г) имеете ли Вы детей, если да, то сколько? _____
- д) сколько детей Вы собираетесь иметь? _____
- е) какие основные трудности были у Вас в первые месяцы семейной жизни? _____
- ж) были ли Вы достаточно подготовлены к семейной жизни? _____
- з) как распределяется (распределялся) в Вашей семье домашний труд (поровну, домашними делами занимается преимущественно жена, преимущественно муж, примерная доля участия мужа, по времени)? _____
- и) были ли у Вас разногласия по поводу распределения семейных дел? Как Вы их разрешили? _____
- к) сколько времени Вашему браку (лет, месяцев)? _____
- л) как изменились Ваши с супругом отношения в сравнении с первыми месяцами брака? _____

II. Если Ваша семья распалась:

- а) сколько времени продолжался Ваш брак (от регистрации до развода)? _____
- б) сколько времени прошло от фактического распада семьи до развода (в суде или загсе)? _____
- в) есть ли у Вас дети от распавшегося брака? _____
- г) с кем остались дети после развода? _____
- д) в чем основные причины распада Вашей семьи? _____
- е) кто был инициатором развода? _____
- ж) собираетесь ли Вы вступить в новый брак? _____
- з) если нет, то почему (назовите важнейшие причины)? _____

III. Сообщите некоторые сведения о себе и своем супруге (фамилию, имя и отчество, если Вы не желаете, не указывайте)

- а) Ваш пол и возраст (лет), национальность, образование, место работы, должность _____
- б) родились в семье: рабочих, колхозников, служащих, интеллигентов (служащих с высшим образованием) _____
- в) возраст Вашего супруга (супруги) — для разведшихся — бывшего _____ его национальность, образование, место работы, должность _____
- г) Ваш супруг родился в семье: рабочих, колхозников, служащих, интеллигентов _____
- д) в каком населенном пункте Вы родились (большой город — более 100 тыс. жителей, небольшой город, поселок городского типа, сельское поселение)? — названия не нужны _____
- е) в каком населенном пункте родился Ваш супруг (большой город и т. д.)? _____
- ж) в каком населенном пункте живете Вы сейчас (большой город и т. д.)? _____

Можете сообщить, по Вашему желанию, любые дополнительные сведения и свои соображения по поводу жизни молодой семьи. Благодарим Вас и ждем откликов на эту публикацию.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1300) ИЮЛЬ 1981

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
НА УЛИЦАХ
БУДАПЕШТА.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
«Венгерские этюды»
читайте
на 12-й странице.

- 1** РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук.
«ДЛЯ ЖИЗНИ ДОЛГОЙ И СЧАСТЛИВОЙ».
- 4** РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
«БРИГАДИР». «Круглый стол «Смены».
- 8** Юрий НАГИБИН.
«ПЕВУЧАЯ ДУША РОССИИ».
- 11** Стихи Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО.
Конкурс одного стихотворения «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 12** «ВЕНГЕРСКИЕ ЭТЮДЫ».
Леонид ПЛЕШАКОВ и Сергей ПЕТРУХИН
рассказывают о братской стране
и ее молодежи.
- 18** Рассказ Виктора ПРОНИНА
«ОДИН ВЕЧЕР».
- 20** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«АВТОМАТ В ГРУДНОЙ КЛЕТКЕ».
- 22** ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 24** Илья ГЛАЗУНОВ, народный художник СССР:
«К ОТЕЧЕСТВУ С ЛЮБОВЬЮ».
- 27** НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР.
«ПЕРЕКЛИЧКА ВРЕМЕН».
- 28** Повесть Валерия ВИНОКУРОВА и Бориса ШУРДЕЛИНА
«СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕУЛКЕ».
- 31** Стихи Бердии БЕРИАШВИЛИ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1981 г.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

БР

В двенадцатом номере «Смены» мы вынесли на обсуждение читателей новую тему: «Бригадир. Должность? Призвание? Профессия?». Под этой рубрикой у нас выступили: известный строитель-ветеран; бригадир комсомольско-молодежной бригады; комсомольский журналист. С разных точек зрения они размышляли о том, что такое современный бригадир и современная бригада.

Можно без преувеличения сказать, что сегодня на бригаде замыкаются все основные проблемы экономики, управления, хозяйствования, судьба намеченных планов. Ибо все планы практически реализуются в бригаде. Скажем больше: по нашему мнению, бригада не просто первичный производственный коллектив — она становится первичной общественной ячейкой. Именно в бригаде рождается инициатива; здесь формируется характер, жизненная позиция молодежи. Об этом шла, в частности, речь в статье Героя Социалистического Труда В. СЕРИКОВА в № 12 «Смены».

Какие качества в связи со всем сказанным требуются от бригадира, каким он должен сегодня быть? Уметь хорошо работать — да. Но только ли это? Бригадир — организатор, хозяйственник, экономист, воспитатель — един во многих лицах. Он должен быть компетентен во

всех вопросах. И, самое главное, быть личностью в высшем смысле этого слова. От знаний и опыта бригадира зависит очень многое: микроклимат в бригаде, нормы поведения, стиль работы и жизни, производительность труда в бригаде.

Продолжая обсуждение проблем, связанных с бригадирским званием, редакция провела выездное заседание «Круглого стола «Смены», собрав за ним лучших бригадиров Череповца.

Выбор места проведения «Круглого стола» не случаен. Череповецкий металлургический и химический заводы — Всесоюзные ударные комсомольские стройки, значение металлургического подкреплено в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Металлургический завод вышел в число крупнейших в отрасли, и он продолжает строиться, набирать мощность; здесь работают сотни бригад. С какими проблемами сталкиваются сегодня бригадиры крупнейшего промышленного узла? Об этом говорят участники «Круглого стола»:

бригадир слесарей-сборщиков, председатель совета наставников Череповецкого металлургического завода имени 50-летия СССР А. КОЗЛОВ;

бригадир комплексной бригады, председатель совета бригадиров Всесоюзного объединения «Череповецметаллурхимстрой», лауреат премии Совета Министров СССР А. ГРЕКОВ;

бригадиры строителей В. БУХАЛОВ, В. РОЗОВ;

бригадиры монтажников треста «Череповецстальконструкция» Н. БОБРОВ и Герой Социалистического Труда Е. ВАЛУЕВ;

начальник управления «Заводстрой-1» С. ГЕНЕРАЛОВ;

заместитель начальника объединения «Череповецметаллурхимстрой» Э. МАСИОЛИК;

заместитель секретаря парткома объединения Н. ВАЛЮХ;

секретарь комитета комсомола И. КАКОТКИН;

первый секретарь Череповецкого горкома ВЛКСМ В. КУЛИКОВ.

смена Работа как дело жизни

УЧАСТНИКИ «КРУГЛОГО СТОЛА «СМЕНИ» В ЧЕРЕПОВЦЕ.

ИГДА ДМИР

КРУГЛЫЙ СТОЛ ЖУРНАЛА

ПОСЛЕ
ВЫСТУПЛЕНИЙ
«СМЕНИ»

Разговор начался с того, как складываются и от чего зависят в бригаде

ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Е. Валуев. Бригадир—лицо бригады. Каков он, такова и бригада...

А. Греков. Люди должны верить, что я всегда правильно организую их работу, не создаю лишних трудностей, все делаю строго по технологии, советуясь с бригадой. Как это Сериков написал: раньше бригадир почти генералом был? А ведь и для нас в чем-то верно! Недаром на стройке такое частое выражение — «фронт работ». Так же, как на фронте, вперед идут основные силы — допустим, в первую очередь я пускаю плотников; потом плотники уходят на фланги — вперед выдвигаются арматурщики... Нет-нет, да и подумаешь: а что, если бы это действительно был фронт и от твоего решения зависела жизнь людей?

Люди должны верить в меня, а я — в них. Вот тогда могу назвать себя бригадиром.

А. Козлов. Бригадир, он и по должности, и по призванию, и по профессии — наставник. Это — общее для всех, строители мы или слесари. И неважно, зачислены мы в «официальный» список наставников или нет. — бригадир больше, чем кому бы то ни было, приходится работать с молодым человеком, никуда мы от этого не денемся. Потому что бригадир отвечает за всю бригаду и за то, какие отношения в ней сложились.

Не секрет, что мы не всегда получаем идеально подготовленные кадры — как в профессиональном отношении, так и моральном. Я заметил, что часто современный молодой парень приходит на производство с излишним самомнением. Это, на мой взгляд, следствие насыщенности всевозможной информацией: дескать, все я знаю и умею. Он уже не смотрит на меня «снизу вверх». Одна только моя бригадирская «должность» для него еще не авторитет. Попробую пояснить это.

Мы не так давно приняли двух ребят, исключенных из профтехучилища. За недисциплинированностью. Я, конечно, поинтересовался, отчего да почему. Оказалось, их мастер был человеком не слишком умелым и вообще недалеким. Ребята быстро потеряли к нему уважение — отсюда все и пошло. С чем они столкнулись в нашей бригаде? С тем, что рабочие умеют и знают больше их, поэтому юношеский гонор быстро исчез. Ребята уважают старшего не за возраст или должность, а за знание дела. Были у них поначалу срывы, но сама бригада, сложившаяся нравственная атмосфера помогли понять новичкам, какие рабочие у

нас ценятся. Сейчас оба работают так — ни на каких отчислениях не променяю.

И. Какоткин. Мне рассказали: однажды Коля Бобров сам «выпросил» к себе в бригаду завязанного прогульщика, которого уже увольнять собирались, а теперь будто подменили парня.

Н. Бобров. Не столько подменили, сколько бригада дала ему возможность раскрыть свои способности... По-моему, человека воспитывает не только бригадир и коллектив, но и то, что этот человек делает. В прежней бригаде он монтажом почти не занимался, все на подхвате его держали. Мы сразу дали ему ответственное дело, он почувствовал себя равноправным членом бригады, а на этом растет и чувство ответственности. Не сразу, конечно, не в один день, но тут уж бригадир терпение и такт надо иметь. Я по себе знаю, что человек совершенствуется только на серьезном деле: когда был совсем начинающим бригадиром, наш начальник участка Кузьминых доверял мне сложные работы, самые ответственные подъемы.

Е. Валуев. И у меня был случай, похожий на тот, о которых здесь рассказывали: взял рабочего, от которого многие уже отказались. Ситуация, когда приходится возиться с «трудными», довольно распространенная. А вот выходы из этой ситуации всегда разные. Чтобы найти единственно правильный, бригадир должен знать не только каждого человека, но и его семью. Знаете, что в первую очередь мы сделали? Заставили... развестись с женой. И он через это дело пить бросил.

А. Греков. Хочу добавить: неверно, если бригадир всегда и во всем принимает решения сам. Как в рабочей, так и социальной жизни бригады. Поэтому по примеру Серикова я вышел из состава совета бригады. Сначала меня по инерции включали в список для голосования, но всегда давал самоотвод — дескать, и так дел хватает. А совет — он выше бригадира. Бригадир руководит бригадой, совет — бригадиром. Конечно, для создания активного совета требуется время, бригадир приходится ему помогать, утверждать авторитет совета. Бывало, урежут кому-то премию — идут ко мне жаловаться: «За что мне КТУ снизили?» Начинаешь разбираться. «А ты владеешь смежной специальностью, как другие? Нет, и не хочешь учиться». Или: «Ты то ушел, то отпросился, тебе все некогда — так почему требуешь такого же поощрения?» Совет — это верное дело: плохо только тогда, когда вдруг вмешивается администрация, — бывают случаи, что рабочего наказывают помимо бригады. Это, я считаю, совсем неправильно.

Е. Валуев. А вот мы отказались от коэффициента трудового участия. Был он у нас, да начались обиды. И как оценить труд каждого, если у меня одна часть монтажников где-то вверху работает, другая — на земле?

А. Греков. Возможно, у Валуева действительно трудно применить коэффициент, но это не значит, что его вообще отменить надо. КТУ имеет цель не ограбить, а воспитать человека. Он пришел с похмелья — какой из него работник? И почему я должен делиться с ним зарплатой? Вот мы подрядились втроем дом срубить. Ты день прогулял. За что тебе платить? И еще один момент. Коэффициент трудового участия обязывает человека совершенствоваться. Если не будешь постоянно расти — совет это моментально заметит и сделает свои выводы.

Е. Валуев. И все-таки жизнь бригады не из одних конфликтных ситуаций состоит. Обычно она идет спокойно, и вот тут перед бригадиром встает сложный вопрос: как сделать, чтобы это спокойствие не превратилось в монотонность, безрадостность? Надо уметь придумывать маленькие радости для бригады, изобретать нестандартные традиции, что-то интересное и необычное в обычных условиях. Что я имею в виду? Ну, вот, допустим, изобрели традицию... В Вологодской области мы смонтировали девять телевизек. Вышку собираем на земле, потом в готовом виде ставим вертикально. А перед подъемом привязываем на самом верху бутылку шампанского. Поставили, подняли символический тост. Пустяк, а приятно ребятам: что-то от морской романтики — как корабль на воду спустили... После организуем праздник, приглашаем как хозяева местных жителей.

У нас, монтажников, специфика такая: часто не

только работаем, но и живем вместе — длительные командировки по разным городам. Работа рискованная, с высотой связана. Тут дружба в бригаде — необходимое условие. Трудно работать на стометровой высоте с человеком, если не доверяешь ему.

Живем в командировках коммунально. Работаем и отдыхаем вместе; питаемся из общего котла... Утром дежурный встает, готовит завтрак, после будит бригаду, кормит ее. Ребята любят, когда я готовлю. Ну, стараюсь по воскресеньям что-то вкусное сделать... И, несмотря на то, что работаем вдали от руководства, никогда никаких нарушений в командировках. Это потому, мне кажется, что ребятам нравится такая общая жизнь, нравится разумная дисциплина.

А. Козлов. Думать о человеке надо не только тогда, когда вместе живешь и работаешь. Вот такой пример. Многие жалуются, что молодежь после армии на прежнее место не возвращается. А ведь и это зависит от бригады, бригадира. Человек не идет на старое место чаще не потому, что ему заработок не нравится, а потому, что коллектив забыл его. На коксохимическом производстве есть у нас комсомольско-молодежная бригада Алексея Загустина. Проводили они новичка в армию, но не забыли, что в Череповце его мать живет, нередко навещали ее дома. Как-то узнали, что она ремонт делать задумала. Посоветовались в бригаде и решили сами в свободное время сделать ремонт. Сын в армии, конечно, узнал об этом из писем матери. Как вы думаете, оставит ли он коллектив, который с такой заботой о его семье, о матери подумал?

И в нашей бригаде о людях стараются помнить, не только когда они рядом. Похожий случай — ушел молодой рабочий в армию. А нам стало известно, что его жена безуспешно места в яслях для ребенка добивается. Взглянул за это дело бригада. Пошли в завком — добились своего. Сейчас, как вы понимаете, наш товарищ снова у нас работает.

А. Греков. Словом, ни в какую инструкцию для бригадира многие вещи не напишешь. Если и попытаться это сделать — инструкция получится объемом с энциклопедию. Поэтому я хочу дополнить Серикова там, где он говорит, что бригадир — это профессия.

Как стал бригадиром? Я к этому не стремился, меня назначили. Старался оправдать свое назначение — сначала перед руководством. Для меня тогда бригадирство было всего лишь должностью. Со временем как «должность» это отходит на задний план, когда погружаешься в коллектив, когда ближе узнаешь каждого человека. Поневоле начинаешь интересоваться проблемами воспитания. А потом приходит призвание...

Знаю многих людей, умеющих отлично работать, любое дело сделает, а на бригадирство не пойдет. Почему? Нет призвания. Поэтому по своему характеру считаю бригадирство в основном призванием. Уметь работать с людьми, понять их характер, движение души...

Каждый бригадир, присутствовавший за «Круглым столом», нашел свою профессию по-своему: одного выбрали, другого назначили... Уровень образования тоже у всех оказался разным: от начального до специального технического. Поэтому мы не могли обойти такой вопрос, как

ПОДГОТОВКА БРИГАДИРА

Э. Масиолик. Сегодня роль бригадира в сравнении с недавним прошлым качественно изменилась, и это закономерно связано со вторым этапом научно-технической революции. На первом этапе, до семидесятых годов, главные вопросы производительности труда были решены за счет техники. Второй этап назван как организационно-экономический, то есть от техники мы взяли почти все, она близка к совершенству, и дальнейшее улучшение работы зависит теперь от организации управления. Что нового в связи с этим появилось в роли бригадира, какие сложности? Бригадир — это фокус, в котором должны преломляться все технические, экономические и, если хотите, политические решения. От фокуса зависит изображение...

Бригадир обязан иметь качества, которые требуются от любого руководителя. Не вообще строить, а управлять. Бригадир часто — первый человек, который дает молодому рабочему представление о трудовой жизни. Конечно, бригадир должен обладать незаурядными техническими знаниями. Но не менее важен социально-психологический аспект: создать условия для высокопроизводительного труда, а сюда входят и экономика, и технология, и психология. Бригадиров с такими знаниями пока очень не хватает.

В. Розов. Вообще-то положение бригадира не совсем четко определено — где-то между рабочим и инженером. Откуда берутся рабочие и инженеры, всем понятно — из ПТУ и институтов. А откуда берутся бригадиры? В системе их подготовки еще столько пробелов...

Е. Валуев. Есть курсы при учебном комбинате.

В. Розов. Я два раза принимал там экзамены у будущих бригадиров. Чему они могут научиться за два месяца? Срок слишком мал, да и преподают там не то. Один материал — что рабочему второго разряда, что пятого, что бригадиру. А работа бригадира сейчас, когда выросли объемы, количество рабочих, набор специальностей в бригаде, очень усложнилась.

А. Греков. Надо знать и множество смежных специальностей — электротехнику, вентиляцию, теплообеспечение и так далее. Иначе просто не сможешь работать со смежниками, не сумеешь вовремя привлечь их. Скажут: это работа прораба, мастера. Да, но они могут по незнанию или по молодости ошибиться. Бригадир ошибаться не имеет морального права.

Дальше. Сериков в своей статье не сказал об одной важной вещи — бригадиру надо свободно разбираться как в технологии строительства, так и в технологии того производства, которое ты строишь. Когда мы возводили кислородно-конверторный цех, так я еще до начала пошел в библиотеку, порылся в специальной литературе. Не мог начать работу, не разобравшись в технологии производства металла. Не владеешь технологией будущего производства — не организуешь нормально стройку. Мне, конечно, помогает то, что закончил техникум. Не знаю, смог бы самоучкой разобрататься во всех делах.

Не продуман у нас еще один важный вопрос: на тех же курсах готовят бригадиров плотников, бригадиров бетонщиков, а бригадиров комплексных бригад — нет. Учат только разбираться в чертежах, а в экономике многие бригадиры плавают. А бригадир без знания экономики — не бригадир. Я ведь должен объяснить рабочему, из чего складывается тот миллион, который нам надо освоить. Из чего складывается экономия, выработка. Возьмем самое простое: на каждой стройке всегда много мусора. Я и пытаюсь объяснить рабочему, что уборка мусора его выработку не увеличивает, значит, получается бесплатная работа. Переделки всякие при хозрасчете — тоже бессмысленное дело, поскольку фонд зарплаты неизменен. Привожу простой пример: если ты, скажем, строишь себе дачу, то постарайся сделать быстрее и дешевле. И беспорядка не устроишь. Так ведь и тут — все лишние затраты будут из бригадного кармана. Бригадир и бригада обязаны уметь считать каждый рубль. Но ведь даже и примитивных вещей, вроде того, что я привел, далеко не все еще понимают.

Э. Масиолик. Действительно, с бригадирами никто всерьез не занимается. Курсы? Преподаванием на них заняты, как правило, не лучшие кадры, а те, кто меньше занят. Занят же на стройке меньше тот, кто не ищет работу... А серьезно: курсы не выход из положения, они давно в принципе устарели.

В. Розов. Я вижу такой выход: нужен бригадир-мастер. Закончит молодой человек техникум — ставь его бригадиром.

И. Какоткин. У нас много молодых специалистов, начинающих работать именно с бригадирства. Мне кажется, бригада сама должна заинтересовать такого специалиста, чтобы он в бригаде остался. И второй путь: есть же способные люди в бригадах — надо направлять их в техникумы.

Н. Валуев. Я думаю, второй путь вернее. С бригадира должен начинаться рост человека, а мы хотим в бригады мастера поставить!

Нам необходимы квалифицированные руководители бригад, которые могли бы вести стройку. На прошлую пятилетку была запланирована огромная программа строительства. И так получилось, что, преследуя рост производства, мы не продумали до конца, как пополнять стройку кадрами. В частности, не было кандидатур на выдвижение в бригадиры — нас и сейчас из-за этого лихорадит: многие бригады не имеют квалифицированных руководителей.

Раньше была нехватка молодых специалистов — теперь поступило очень много. Это и хорошо и плохо. Знаю по себе, сам был молодым специалистом. Неплохо знал теорию, а руководить людьми не умел. Но у меня были хорошие учителя-бригадиры. Теперь же немало таких руководителей бригад, которые даже свою собственную работу организовать не могут, не то чтобы кого-то учить.

Мы готовим списки перспективных бригадиров, которые сумеют руководить комплексными бригадами и знать специальные работы. Будем направлять их в техникум. Да, сейчас многие не хотят учиться, зная, что на их место нет претендентов. Но заниматься этим необходимо, так как современные сооружения требуют применения всех достижений науки.

А. Козлов. И еще одно: необходимо предусмотреть в планах учебных занятий в техникумах такой предмет, как психология или социология. А то что же получается: будущих инженеров еще учат в этом плане, а бригадир, непосредственно работающий с людьми, таких знаний не имеет.

Э. Масиолик. Я думаю, с получением диплома техникума обучение бригадира не должно кончатся. Известно, что у инженеров «обесценивание» технических знаний происходит через 5—7 лет. Наверное, подобное происходит и с бригадиром. Значит, через каждые пять лет бригадиру надо на месяц усаживать за учебный стол — освежить его знания.

И еще я хочу напомнить одно место из материалов «Смены»: каждый бригадир обязан подготовить себе замену. И не одного, а нескольких бригадиров.

В. Бухалов. Допустим, я такую программу выполнил, имею учеников-бригадиров. Но это было давно. С 1973 года я не принял в бригаду ни одного молодого человека. Не потому, что я не хочу — не идут они на стройку, и все. А те из молодых, кто в бригаде пока есть, не хотят идти в бригадиры. Вот хотя бы недавний случай. Подготовили молодого парня, принял он бригаду, а через неделю запросился обратно.

В. Розов. К слову сказать, такой житейский вопрос, как об отпуске бригадиру. Инженер в отделе бумажки перебирает, у него отпуск 24 дня. У меня — 18. Хотя я с утра до ночи в любую погоду по площадке кручусь и бегаю.

В. Бухалов. Вот-вот, бегаешь и крутишься, а другие, на тебя глядя, не очень-то в бригады рвутся.

Здесь разговор подходит к новой проблеме:

МОЛОДЕЖЬ И СТРОЙКА

И. Какоткин. Нельзя сказать, что молодежь совсем не идет на стройку — у нас в городе работает 148 комсомольско-молодежных бригад. Нельзя сказать, что все молодые не хотят идти в бригадиры. Даже больше: именно по инициативе комсомольцев молодые бригадиры стали переходить в отстающие коллективы. Вы, наверное, знаете имена Марии Гайдай, Нины Спириковой — они одними из первых перешли в слабые бригады, в короткий срок вывели их в число передовых. Я считаю, нужны настоящее гражданское мужество, политическая зрелость, чтобы решиться на такой нелегкий шаг — возглавить и обучить неопытный коллектив.

А. Греков. Мне один товарищ пытался доказать, что с комсомольско-молодежными бригадами якобы труднее работать, чем с обычными, — дескать, там больше нарушений, ниже квалификация рабочих. Насчет квалификации не спорю — действительно, опыта молодым часто не хватает. Зато в молодежных бригадах больше инициативы, фантазии, энтузиазма. Молодежь — сила, но ее нужно направить по верному пути, а это уже от бригадира зависит. Нет опыта? Зато она не умеет ловчить. Старый рабочий — есть такие — всегда сумеет вывернуться, найти причину для невыполнения задания. А кто больше всех стоял за комплексные бригады? Снова молодежь. Она не отказывалась ни от какой работы.

И. Какоткин. Тем более мы не должны делать вид, будто проблемы, названной Бухаловым, не существует. Она есть: комсомольско-молодежных бригад могло бы быть намного больше. Тут, конечно, изрядно факторов, я бы хотел остановиться на одном: безразличном отношении к таким коллективам.

Мы ежегодно проводим переаттестацию комсомольско-молодежных бригад: подводим итоги работы, принимаем новые обязательства, оцениваем общественную активность членов бригады. Большинство молодежных коллективов этот экзамен выдерживают с честью. Но вот какие трудности у нас возникают.

Оказывается, многие хозяйственные руководители, не считаясь с мнением комсомольских органов, перебрасывают бригады с места на место, произвольно разбирают их на звенья, перемещают бригадиров, не советуясь при решении кадровых и производственных вопросов, то есть нарушают нормальную, ритмичную жизнь бригад. Все это не дает возможности наладить комсомольскую работу в бригадах, увеличивает текучесть среди молодых строителей. В связи с

этим у нас есть такое предложение: необходимо юридически оформить права комсомольско-молодежных бригад и единое положение об их организации.

В. Куликов. Предложение резонное, вызванное самой жизнью. Но к этому надо добавить еще одно соображение. Действительно, у нас, чего греха таить, нередко смотрят на такие коллективы как на простую формальность. Не следят за их формированием, ростом. Вот пример: десять из восемнадцати комсомольско-молодежных коллективов швейной фабрики мы недавно лишили этого звания. Выяснилось, что они в течение года не выполняли план. Почему же целый год на это никто не обращал внимания? Мы можем создавать комсомольско-молодежные бригады, но чтобы они успешно работали и хорошо жили, нужна заинтересованная поддержка и администрации и парткома.

И еще одно обстоятельство. Надо подумать, как поднять авторитет комсоров таких бригад. Может, выбирать в состав комитетов комсомола? Комсорг должен стать активным помощником бригадира, уметь заменить его во многих вопросах — как производственных, так и воспитательных.

Н. Валуев. С нашей стороны, конечно, помощь должна быть. Но для поддержки молодежных коллективов далеко не все еще делается самими комсомольскими органами. Обычно их деятельность ограничивается подведением итогов по бригадам. За повседневной жизнью бригад: ростом, перемещениями — следят мало.

Теперь о том, почему уменьшился приток молодежи на стройку. Мы во многом сами виноваты, что вовремя не спохватились: формальная работа в школах; непродуманная комплектация в ГПТУ — когда в одних группах явный избыток учеников, а в других, с важнейшими профессиями, — недобор. Теперь поневоле пришли к выводу, что начинать работу с будущими строителями надо уже где-то с шестого класса. Кое-какие сдвиги намечаются. В объединении ежемесячно рассматриваются проблемы профориентации, на всех хозяйственных руководителях возложена ответственность за комплектование ГПТУ. Второе направление — работа с родителями. Выяснилось, что они приходят и забирают заявления, поданные их детьми в училище. Таких случаев примерно 15 процентов от числа заявлений.

Что их отпугивает? Я думаю, недостатки в организации рабочего места на стройках. Очень рад был прочесть в «Основных направлениях» строки о механизированном инструменте для строителей. Вопрос этот назрел и требует решения. Ведь и сейчас все еще царствуют примитивные инструменты — ножовка, молоток. Механизированный инструмент пока еще в редкость.

В. Бухалов. Дело не только в этом. Организация рабочего места — одна сторона дела. Другая, еще более важная, — организация труда бригады. Нормальную организацию бригадир все еще не может создать. Посмотрите сами. У нас есть мощная техника для любой работы, а мы что делаем? Строили кислородно-конверторный цех — сначала возвели коробку, закрыли ее, а потом бетонные детали кое-как затаскивали. Не редкость и такое: полгода идет спокойная работа, потом начинаются штурмы, авралы. Кто бы в чем ни ошибся — за все расплачивается бригада. И это отпугивает молодежь. Я уверен, что многие молодые пошли бы и на стройку и в бригадиры, если бы были уверены, что здесь хорошо организован труд — так, чтобы работать, как говорил Греков, по технологии, ритмично, при помощи техники, а не вручную.

Мнение участников «Круглого стола»: чтобы хорошо организовать работу бригады, бригадир обязан

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ!

Н. Бобров. Я бы и рад быть хозяином, работать строго по технологии, но ведь не получается! Приезжает начальник, приказывает срочно закрыть проем в стене. Я объясняю, что через день дойду до этого места и спокойно все сделаю. Нет, говорит, надо сегодня: завтра какая-то комиссия приезжает. Что мне остается? Снимаю леса, переставляю их, потом все в обратном порядке. Потеря времени огромная. А зачем? Чтобы «показаться» кому-то? Как-то наше управление семь месяцев подряд «гнало» металлоконструкции, вырывало объемы, получало премии, а вышел конфуз. После нас столько мелких недоделок осталось, столько еще людей за нас дорабатывали! Бригадир говорит: «Давай быстрее, потом доделаем». А потом крутись, как знаешь, без техники, без механизмов... Оттого из четырех суббот в месяц три работаем.

В. Бухалов. Выходит, что бригадир — не хозяин стройки, поэтому и авторитет его пока невелик. Сериков пишет о самоорганизации и о том, что

выдавал звеньевым задание на целый год. Конечно, при такой перспективе хорошо работать, есть время все обмозговать как следует. Бригадир необходимо знать и то, каким будет следующий объект, заранее иметь техдокументацию. Но так почти не бывает. Что получилось в прошлом году? Мы закончили подряд на складе известняка, а на другой день неожиданно оказались на стане «2000». Пока изучали чертежи, осваивались — время-то и ушло. Нам нужна непрерывная работа по подряду, чтобы знать предстоящий фронт работ. А для этого — перевести на подряд все управление. В одиночку хозрасчетной бригаде трудно работать. Нужен сквозной подряд; он объединит всех участников стройки.

В. Розов. Мы все знакомы с бригадиром смежников, но договориться между собой никак не можем. Еще на стадии планирования соответствующие управления должны определить, куда какая бригада пойдет, чтобы работать в едином потоке.

А. Греков. Действительно, в отличие от заводских все строительные бригады работают как бы только для себя. Взаимосвязи почти нет.

В бригаде всегда существует рабочая эстафета, когда каждый готовит фронт работ для другого: плотник — для арматурщика, арматурщик — для бетонщика и так далее. Из часа в час, как на конвейере. Мы предложили распространить такую эстафету по всей стройплощадке. Ведь сколько еще неурядиц из-за несогласованных действий смежников! Они уносят время, приводят к затратам ручного труда, переделкам. Вот мы и хотели составить совмещенный график работы с монтажниками, транспортниками, научиться уважать друг друга, соблюдать порядок на объекте. Простой пример: отделы сбыта заводов-поставщиков работают только в одну смену; к нам с утра столько машин понаедет — ни пройти, ни проехать. Неразбериха, механизмы загружены через край. Все психуют, шоферы отказываются везти материалы в бригаду... А во вторую смену пусто. Потом придут монтажники, завалят площадку деталями — сам черт ногу сломит.

У соседей кран простаивает, а дать его другой бригаде запрещается. Явная нелепость. Надо бы изменить ведомственный подход к использованию механизмов: кому он выгоден? По всем этим причинам соревнование по принципу рабочей эстафеты никак не пробьет себе дорогу. Видимо, тут инициативы одной бригады мало. Надо наконец сделать так, чтобы на площадке был один хозяин — генподрядная бригада. Возможно ли представить, чтобы на одном заводе было несколько директоров различных ведомств? На стройке такое — сплошь и рядом: разные бригады разных управлений. Изменим этот порядок, вернее беспорядок, тогда и рабочая эстафета станет реальным делом.

В. Розов. Бригаде трудно быть хозяином стройки, пока ее дергают, перебрасывают с места на место. Приходит начальник участка: «Бросай, Володя, все, давай на прорыв». Погрязем, но согласимся. Знаем, если будем спорить — ни там, ни там не сделаем. Идем, значит, на компромисс. Психологически это давит на человека, да и в материальном отношении убытки. Мы сейчас чувствуем повышенный интерес к экономике. Начинаем считать, сколько стоит куб бетона, из чего зарплата складывается. Надо, чтобы и товарищи повыше бригадира экономикой строительства побольше интересовались. Пока бригада — между небом и землей, расплачивается за чью-то неорганизованность. У нас-то еще относительно хорошо, Генералов, начальник управления, прислушивается к рабочим, не кричит: «Давай-давай, потом разберемся». А как у других?

А. Греков. И мне приходилось сталкиваться со многими вещами, о которых здесь говорилось. Скажем, с нарушениями технологии: нет сегодня какого-то элемента — я лучше подожду до завтра, займусь подсобными работами. А с меня требуют: «Гони вверх, потом вернешься и доделаешь». Но ведь если я буду гнать, то потом потеряю уже не одну, а пять смен — это слепому ясно. Пытались также и срывать нашу бригаду с незавершенного объекта. Что же, вышестоящее руководство так неразумно? Нет, оно тоже все понимает, но с него спрашивают выработку за день, а в завтрашний день не заглядывают. Спрашивают в первую очередь за выполнение плана, а не за сдачу сооружений. Да, у бригады в какой-то период может быть снижена выработка — но это уже моя, бригадирская тактика: основательно подготовиться для последующего рывка. Мне же часто мешают быть настоящим хозяином объекта.

Тем не менее: бригада уже три года ни разу не перебрасывали с объекта на объект; серьезных нарушений технологии тоже не припомню; перспективу знаем на год вперед; выработка в целом по году — самая высокая в объединении. Что здесь зависит от бригадира? Если считаешь, что прав, что действуешь в интересах общего дела, а не какого-то ведомства — надо твердо стоять на своем.

Это, конечно, очень нелегко. Приходится спорить, ругаться, влезать не в свои вроды бы дела. Поговари-

вают, что стал неуправляемым: «Чего ты хочешь? Как Сериков, героем быть?» Я хочу быть человеком. Делать план по сдаче, а не по «валу», не вырывать выгодных объемов, а работать на совесть. Я коммунист и считаю, что действую в духе решений двадцать шестого съезда, в духе постановлений партии по нашей отрасли. Хочу сдавать готовую продукцию, а не бумажную цифирь. И если мне в этом мешают — не могу не сопротивляться. Любыми способами.

Надо учить бригадиров, как бороться с разными неурядицами. Особенно молодых, которые не имеют такого опыта. Мне рассказывали, что комитет комсомола создал школу бригадиров комсомольско-молодежных бригад, организует обмен опытом на базе лучших бригад. Да, помню, как только создалась наша бригада, как пошла «волна» по подряду — к нам однажды привозили группу бригадиров. Но больше их что-то не видел.

В. Розов. Здесь собрались наиболее активные бригадиры, умеющие постоять за бригаду. Будем открывены — чтобы работать нормально, пользуемся иногда и запрещенными приемами. Но как сделать так, чтобы забыть о них? Чтобы выработать такую «технологию» бригадирской работы, которой мог бы пользоваться и начинающий бригадир? Чтобы не надо было спорить, ругаться, лезть в чужие дела, а заниматься только своим, бригадирским делом?

Мнение участников «Круглого стола» — такие условия создаст

БРИГАДНЫЙ ПОДРЯД

В. Бухалов. Я помню, как первый наш подряд пробудил коллективную инициативу. Например, сами рабочие предложили вместо шестидесятитонных кранов использовать двадцатитонные — дешевле вышло. Или другой случай. Работали в смазочном подвале, там нужно было соорудить монолитные стены. А мы подумали и предложили заменить монолит универсальными блоками — для них не нужна опалубка. Не проявил бригада инициативы — потребовалось бы вдвое больше людей.

Н. Бобров. А мы еще по-настоящему не знаем силу своей бригады: негде было развернуться.

В. Розов. Рабочие сначала заинтересовались подрядом, поверили в него. А сейчас, я вижу, наступило охлаждение, если не сказать — разочарование. Неудивительно, если мы занимаемся мелкими объектами, ни один не берем от начала до конца, перспективу не знаем. Это уже не подряд, а фикция, подделка. Виноваты в этом и инженеры и бригадиры: надо тверже добиваться своего. Мы, бригадиры, еще пытаемся работать по настоящему подряду, но многие инженеры от этого дела устали. Рассуждают примерно так: «У тебя есть договор? Вот и работай». То есть всю ответственность свалили на бригадира — решай свои проблемы, как хочешь. Сначала хоть помощь и контроль были, а теперь нам частично приходится брать на себя обязанности мастера, прораба, снабженца.

Сейчас много говорится о внедрении бригадного подряда. Хотя уже давно пора перестать «внедрять» его, а просто работать по подряду. И работать всем службам, а не одной бригаде. Но если в самом начале, лет семь назад, еще было настоящее внимание к подрядным бригадам, то сейчас этого не чувствуется.

С. Генералов. Хотел бы остановиться на таком вопросе: что такое подряд, как мы его начинали в 1973 году, и как сейчас работаем. Вначале нам было подчинено все. Мы пришли на стан «2000» — были определены сроки, объемы. Составили график поступления материалов и оборудования, раскрытия фронтов работы. И хорошо работали. В чем причина сниженного качества работы сегодня? Почему подряды срываются? Очень просто. Мы, зная силу бригад, не можем ошибиться. Хотим заключить подряд. И тут возникает стена — как увязать его с субподрядными бригадами? Я приезжаю к монтажникам — как быть? Мы пошли по пути наименьшего сопротивления: подходим к бригадиром смежников в роли просителей: «Ваня, сделай в неурочное время». Договариваемся с бригадиром путем личных контактов, знакомства.

Вот сейчас дали подряд, и вроде бы никто не мешает. Графики составили. Но у смежников силы освободились. Несмотря на все наши графики, нам меняют планы. Что я делаю? Бросаю на узкие участки дополнительно людей. Все, моральные устои бригадного подряда подорваны.

А. Греков. Мы много об этом думали. И вот к каким выводам приходим. Чтобы заинтересовать всех в одном общем деле, надо создавать бригады-участки и переводить все стройуправление в целом на подряд. В большой бригаде повысится сменность, занятость механизмов, бригада сможет работать по скользящему графику. Конечно, полностью всем обеспечить бригаду в пятьдесят и более человек трудно, но простаивать она не будет. Надо планировать бригаде работу на весь год и примерно за полгода до

окончания строительства знать программу на следующем объекте. Подчеркнуть хочу — планировать надо не вообще, а на бригаду! И еще. Подряд должен быть комплексным: чтобы все смежники на объекте в договоре участвовали. Вот тогда мы внедрим наконец рабочую эстафету, начнем уважать друг друга, работать ритмично и спокойно. Тогда и стройка и профессия бригадира станут более привлекательными для молодежи.

Э. Маслюк. Много из сказанного здесь справедливо. Действительно, комплексный подряд не вышел пока из стадии эксперимента. Оказалось, мы не готовы все строить укрупненными бригадами, не решили многих вопросов в работе с такими коллективами — все это бригадиры чувствуют на себе.

Произошел парадокс: за последние годы наша энерговооруженность возросла, а выработка в бригадах упала. Это не значит, что люди стали хуже. Просто затянулся период поиска новых форм управления и организации труда. Здесь подсказывают, что решение проблемы в такой форме управления и организации, как бригадный подряд. Да, он наиболее полно сочетает общие интересы. Вывод ясный: надо подтягивать инженерную подготовку производства, подключать к подряду специалистов.

...Обсуждение за «Круглым столом» темы, поднятой «Сменной», выявило много самых разных проблем, но вряд ли дало ответы на все стоящие перед бригадиром вопросы. Слишком много сложностей приходится преодолевать бригадиром, чтобы выполнять свои многочисленные обязанности организатора производства, воспитателя людей, экономиста и хозяйственника.

Некоторым это удается за счет природных данных, таланта. Но бригадиров в стране много тысяч, и будет нереальным требовать от каждого особого таланта. Таланту научиться невозможно; но можно научить профессионально делать свое дело, дать элементарные знания экономики, технологии, психологии. Отсутствие сегодня такой единой для всех подготовки заставляет бригадира часто учиться на собственных ошибках — а это непроизвольная трата времени. В любом деле есть своя, проверенная технология; нет ее только у бригадира: каждый принимает решение на основе собственного опыта и интуиции. То есть изобретает велосипед, на котором давно «ездыт» на соседней стройплощадке. Один из путей подготовки бригадиров предложен за «Круглым столом». Но техникум — это, возможно, лишь тот минимум, который понадобится бригадиром завтрашнего дня. А что дальше?

Как видно, самый большой вопрос сегодня у бригадиров — организация труда. Они сами и указывают путь, как лучше организовать свою работу — на принципах бригадного подряда. Это предложение поддерживают все, но... начинают выдвигать объективные причины: дескать, существуют недостатки в снабжении, в инженерной подготовке производства и т. п. Интересно отметить, что любой специалист вполне грамотно объясняет, почему нельзя работать по подряду, но дальше этих объяснений не идет — то есть нет конструктивных предложений, что сделать, чтобы стало можно. Тем временем, пока идут дебаты, многие бригады и целые управления, где есть энтузиасты, перешли на подряд и показывают, как можно и нужно работать. Они же развеяли и миф о нехватке материалов: дело в том, что каждая стройка в целом материалами обеспечена, другой вопрос — как ими распоряжаются? Подрядные коллективы распоряжаются разумно. Маневренно!

Видимо, суть в том, что некоторые руководители, инженеры считают, что подряд — это инициатива, движение рабочих коллективов, и ставят себя как бы вне этой инициативы. Но подряд — не просто инициатива «снизу», а новая форма производственных отношений, «вне» которой быть уже невозможно.

...Средний возраст бригадиров увеличивается; молодежь не привлекает эта должность, утверждают череповецкие строители, и сами же дают ответ, почему это происходит: далеко не у каждого хватит сил и желания воевать со смежниками, ругаться с прорабом, заниматься снабжением, исправлять чужие ошибки и при этом полностью отвечать за сложный объект и за бригаду. Молодежь не хочет работать по старинке. А работать по-новому пока не дают сложившиеся условия. Но новое неизбежно пробьет себе дорогу; здесь, наверное, самое время задуматься над строчками из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду, где прямо ставится одна из актуальных задач нашего хозяйства: «...совершенствование организационных структур управления не терпит косности. Нельзя приспособлять живой, развивающийся организм управления хозяйством к устоявшимся, привычным формам. Наоборот, формы должны приводиться в соответствие с изменяющимися хозяйственными задачами. Только так может ставиться вопрос».

Беседу за «Круглым столом» записал Владимир АНИСИМОВ.

ПЕВУЧАЯ ДУША РОССИИ

Юрий НАГИБИН

Довольный собой, Г. Ансимов сообщает, что, расшевелив таким образом Лемешева, он заставил его играть, хотя и не добился полного понимания своих режиссерских принципов. Да, при всей своей бытвой покладистости Лемешев был тверд и стоек в вопросах искусства. Опера «Фра-Дьяволо» имела громадный успех благодаря блистательному исполнению Лемешевым главной роли, на все остальное публика и внимания не обратила, добродушно списав молодому постановщику замусоренность ансамблевых сцен. Понимая это, режиссер-новатор довольно сурово расстается с Лемешевым на страницах своей книги, не забыв при этом поместить страничную фотографию певца с теплым посвящением ему, Ансиму. Это выглядит неподобающе, но ловко. Если же говорить серьезно: тем, как написал Ансимов о Лемешеве, он лишил себя права помещать в книгу его снимок да еще с такой надписью... Это с его стороны беспринципно. И последнее: одно дело писать о живых, они могут ответить, защититься, сами перейти в наступление, другое — о мертвых, тут необходимы бережность и деликатность, — ведь они немые.

Но что сделаешь с Г. Ансимовым — судебному преследованию он не подлежит. Быть может, ради такого случая стоит вернуться к старинному способу наказания: лишить его еще одной буквы в фамилии...

III

Но вернусь к основной теме. От оперы Лемешев повел меня к романсу и песне. Казалось бы, естественней назвать песню раньше, она и доходчивей, да и как пел Лемешев русские народные песни! Но, утверждаясь на сцене Большого театра, Лемешев и в концертах пел арии из опер и первоклассные романсы Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Листа, Шуберта, Бизе. А русские песни, как и неаполитанские, появились в его репертуаре позже, и, если не ошибаюсь, сперва на пластинках, в радиопередачах, затем в концертах, преимущественно сборных. Лишь после «Музыкальной истории» русские песни прочно утвердились в его концертном репертуаре, нередко занимая целое отделение, а затем он уже стал давать концерты целиком из русских песен в сопровождении оркестра народных инструментов.

Если живопись помогла мне проникнуть в красочный мир оперы, то к романсу я, наверное, пришел от литературы, которая с юности завладела мной все сильнее, хотя до поры скрывала, что станет судьбой. И опять же не случайно в страну романса должен был ввести меня Лемешев. Дело не только в том, что Лемешев той поры пел романсы, прекрасные по словам, находившим во мне живой отклик, но он всегда глубоко души знал, о чем поет, каждое слово было напоено смыслом, каждая нота — переживанием. Последнее становится особенно важным, когда широко известны обстоятельства, породившие тот или иной поэтический выплеск, ставший затем достоянием музыки. Так, в «Зимнем вечере» представляется совершенно неоправданным всякое форсирование звука, допускаемое иными певцами, ибо это идет вразрез с тихим, печальным настроением Пушкина, коротавшим в михайловском изгнании долгие зимние вечера в обществе своей няни Арины Родионовны и кружки, веселив-

шей тоскующее молодое сердце одного и старое соболезующее барину-затворнику сердце другой. Зимнее, тихое одиночество владели Пушкиным, и это тонко почувствовал его лицейский товарищ М. Яковлев, переложивший стихи на музыку. Но иные певцы начинают истошно кричать на словах «Спой мне песню», быть может, желая показать, что содержимое кружки уже подействовало. Напрасно. Вопреки всем своим вакхическим песням, Пушкин был человеком трезвым, вот Арина Родионова любила-таки пропустить лишнюю рюмочку, но романс вовсе не о том...

Я не могу без слез слушать «Я встретил вас» в исполнении И. С. Козловского. Мгновенно в памяти всплывает чудесная страховская зарисовка Ф. И. Тютчева той поры, когда он написал это стихотворение (1870 год). У меня нет под рукой текста Страхова, поэтому я передам его своими словами. Заснеженным Невским проспектом, волоча по тротуару длинный рукав шубы, накинутой на плечи — так тогда носили, — рассеянно бредет невеселый худой старик с длинными седыми волосами, под меховой шапкой. Он погружен в свой печальный внутренний мир — эллизум милых и тревожных теней, не отпускающих ему давних обид и вин. Дальше я фантазирую: вдруг что-то дрогнуло в старой груди — в окне проезжающей мимо кареты мелькнуло увидевшее, некогда прелестное, любимое лицо, и пробудилась сохранившаяся под слоем пепла душа величайшего любовника русской поэзии. Воспоминания тридцатипятилетней давности охватили его, и «время золотое» явилось ему из стихов, написанных в той сказочной дали, когда его покорила и бросила к своим ногам несравненная баронесса Крюднер-Адлерберг. И само собой сказало: «Я встретил вас, и все былое в отжившем сердце ожило»... А может, и не так: стихи не сразу облеклись в слова, но та музыка, что предшествует им, зазвучала в сердце поэта...

Знатоки тютчевской поэзии утверждают, что он написал знаменитое стихотворение не по следам свидания, а позже, в Карлсбаде, обращаясь к своей бывшей любви через «сотни разъединяющих верст». Это не важно. Тютчев не раз встречался в обществе за эти три с половиной десятка лет с баронессой Адлерберг, но смотрел на нее чужим, холодным взглядом, а тут снова увидел жарким взором бывшую любовь, и свершилось чудо рождения поэзии. «Я встретил вас» — стихи ожившей памяти, так их и понял переложивший на музыку неизвестный композитор. Так понимает их наш прославленный певец до того рокового момента, когда в любовном перевозбуждении терлет над собой контроль: «И то же в Вас очарованье!» — «И то же в Вас очарованье!»... Много прекрасного голоса, но при чем тут Тютчев?

Надо уметь порой наступать на горло собственной песне, это правило не только для поэтов. Недаром же лучший из молодых теноров Соловьяненко, обладающий поистине безграничными верхами, выступая по телевидению, неизменно убеждает аудиторию, что не надо петь громко, не в этом искусство и «счастье рая». После чего поет — очень громко...

Я помню, как Лемешев пел песенку на слова Беранже о старушке, которая, хмелея, рассказывает в звукам историю своей жизни. Он пел ее почти шепотом, но этот шепот никому не переключать, так был он человечен, безмерно трогателен, добр и мудр. И как лился, струился мягкий, доведенный до

последней нежности голос, который оставался при этом голосом мужчины, не подражающего доброй подвыпившей старушке, а повествующего о ней проникновенно, не без слиянности, что было бы дурным тоном.

Лемешев всегда умел сохранять известную дистанцию между собой-исполнителем и героями песен, чтобы при максимальном сближении с чужим внутренним миром не скатиться в имитацию. Когда один из лучших довоенных камерных певцов пел бетховенскую «Застольную», он придавал словам «Да жаль, что с воды меня рвет» почти физиологическое правдоподобие. Соблазн удивить публику «химией», будь это фантастически звучащая верхняя нота или... имитация рвоты, велик у певцов. Нужна не просто честность, но некая бесхитрость очарованной музыкой души, чтобы никогда не прибегать к подобным эффектам. Язык не поворачивается ставить это Лемешеву в заслугу, он ничего не преодолел в себе, просто оставался таким, каким был задуман природой.

Из этого вовсе не следует, что Лемешев пел всегда тихо и, подобно гамсуновскому страннику, играл только под сурдинку. Да ничуть! Сколько сдержанной страсти вкладывал он в романс Ф. Листа «Как наяву ждал Лауру Петрарка», где гений европейского романтизма, возгоревшийся от чистого, светлого, но не обжигающего пламени гения раннего Возрождения, создал странную тайну, прочитанную одним Лемешевым. Я не помню этого эмоционально сложного романса в репертуаре других наших певцов. А как разливно, лукаво и широко пел Лемешев очаровательный романс Бизе «День вешний сыял!» А рахманинские «Весенние воды», которые в отличие от породившего их чисто пейзажного стихотворения Тютчева обрели на сломе века бурлящую мощь общественной надежды и протеста, он пел неистово, вдохновенно, во весь голос, но без малейшего самолюбования.

Музыка, как и все искусства, — что стало особенно ясно после краха модернизма, — это разговор человека с человеком, средство общения, преодоление мировой немоты. С. Я. Лемешев был замечательным, редким собеседником, он научил меня слушать вокальную музыку глубже, дальше, порой вне слов, и будто вручил ключи от новой Вселенной. Словесный ряд был устранен, как прежде изобразительный, и я остался с музыкой один на один.

Теперь я уже знал, что музыка и исполнение могут чудесно вознести весьма посредственные, даже ничтожные слова. Вот почему П. И. Чайковский был столь нетребователен к текстам своих романсов и равнодушно выслушивал упреки доброго и безжалостного друга Лароша, что он «самый некультурный композитор в мире». А ведь и в самом деле удивительно: Чайковский создал свои лучшие оперы по пушкинским произведениям: «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Мазепа», а из ста (!) его романсов широко известен лишь один на слова Пушкина — «Соловей». Но композитор охотно писал на слова второстепенного поэта А. К. Толстого, совсем небольшого — Апухтина и вовсе слабого К. Р. Но если «Средь шумного бала» — один из лучших романсов Петра Ильича — обладает несомненными достоинствами поэзии, то другой знаменитый романс «Страшная минута» по тексту ниже всякой критики. А как поет Лемешев эти ничтожные слова — аж мороз по коже! Музыка и певец превращают стекляшки в алмазы. Может быть, Чайковский утверждал таким способом примат музыки над словом, доказывал ее превосходство над бедной человеческой речью? Сильные, яркие, самодовлеющие слова ему просто мешали. Будем честны: лучшее, высшее у Пушкина, как лучшее у Тютчева, Лермонтова, Фета, так и не стало музыкой. «Второй ряд» поэзии этих гигантов обрел музыкальную жизнь, но вы не найдете там «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Ангела», «Я, мать божия», «В душе измученной годами» и многое другое. Но как щедро «озвучен» мало продуктивный Дельвиг, сколько романсов и песен на слова А. Толстого, Полонского, Плещеева, Апухтина, Миная и поэтов вовсе канувших.

Но я отклонился в сторону. Самым сильным художественным впечатлением за последнее время стало для меня исполнение С. Лемешевым романса Глинки «Желание». То ли я каким-то образом пропустил его прежде, то ли не сумел услышать. На недавно выпущенной пластинке в скобках указано: «подражание Романью». Установить личность вдохновителя Глинки мне не удалось, автора слов — тоже. Но такая любовь, тоска, боль, тревога, трепет и что-то еще, чисто лемешевское, неопределимое в словах, надрывает грудь певца, что, слушая раз за разом этот романс — а он был для меня душевным и даже физическим подспорьем в минувшую, трудную, слякотную, но давнишнюю зиму (помоему, я выжил лишь благодаря глинковско-лемешевскому «Желанию»), — естественно, не сомневался в высоком качестве стихотворного текста. И

вдруг, проборматавая про себя навязшие в зубах слова, я поразился набору красивых банальностей, хотя и слаженных не без ловкости. Противодать было в одном: еще раз поставить пластинку и прослушать романс — все разом вернулось: красота, печаль, тайна.

Лемешев возносит не только слова, но и музыку. Кто относился серьезно к коротенькому романсуполушутке А. Титова «Я знал ее милым ребенком» на слова Д. Минаева? Крупный поэт-сатирик и видный переводчик Минаев отличался завидной легкостью пера и мог сыпать поэтическими шуточками, альбомными стихиками, улыбочивыми миниатюрами. Опытного и одаренного поэта выдает в этом романсе лишь умелая «драматургия» стихотворения, где в два куплета вложена целая жизнь. Но когда уже пожилой Лемешев пел этот коротенький романс, в зале плакали. И я, тоже пожилой и седой, слушая наедине романс-вздых, плачу о так незаметно промелькнувшей жизни. Но запой это кто-то другой, в лучшем случае усмехнешься, в худшем — плюнешь. Истинный шедевр Лемешев сделал из детского «Лизочка», да ведь это не уступает сказочной поэзии Андерсена. Лемешев превращал в золото все, к чему прикасался.

Можно написать исследование о том, как пел Лемешев ямщицкие песни. Целая эпоха нашей жизни была окрашена трагическим взрыдом: «Когда я на почте служил ямщиком», после фильма-концерта полилась нежной радостью «Еду, еду, еду к ней», и по контрасту тем сильнее ударили в душу «Воронье удалые». Затем прозвучали песни лихача Кудрявича, и, по-моему, уже после войны он запел — и как запел! — гурилевскую: «Знать, уж мне не видать прежней светлой доли». Какое богатство интонаций было во всех этих, столь разных песнях! Как чувствовал Лемешев русскую дорогу, ее призыв и ее тоску, надежду и отчаяние слишком долго находящегося в пути, горячее потное тело коня, слипаясь земли и неба. Но чему же тут удивляться, коли речь идет о бывшем крестьянине и звонком кавалеристе?!

Не в силах выразить своего ошеломления перед тем или иным явлением искусства, мы охотно прибегаем к таким словам, как «волшебство», «кол-

довство», «маг», «кудесник» и т. п. Но совестно применять все эти слова к Лемешеву, поющему русские песни. Тут плеяет не чудодейство, а полная естественность; кажется, что неслышные нашему уху песни, разлитые в бескрайнем российском пространстве, проходят сквозь грудь певца и без всякого усилия с его стороны возвращаются назад, очищенные и озвонченные. Конечно, это не так, за каждой песней скрывался огромный профессиональный труд. Но есть и другое: зачинались все эти песни на завалинке крайнего дома деревни Старое Князево, где Лемешев певал их со своей матерью Акулиной Сергеевной и удивительно голосистой теткой по отцу Анисой, прожившей до восьмидесяти лет и до последнего дня певшей. Здесь закладывалось основное, то, что сделало Лемешева богом русской народной песни, а уж потом начиналась работа, долгая, изнурительная, выматывающая певца и ничуть не ощущавшаяся слушателями. Лемешев никогда не замучивал песню, сохранял в ней первоначальную естественность деревенских вечерних посиделок.

Но сколько бы ни говорил я о впечатлении, которое производили те или иные арии, романсы, песни в исполнении С. Я. Лемешева на мою сперва детскую, потом юношескую, потом зрелую и, наконец, старую душу, сколько бы ни распинался по поводу того, что он открыл мне музыку, намертво привязал к Чайковскому (это сыграло впоследствии заметную роль в моей литературной жизни), даже если я скажу, что им, Лемешевым, возвращено и укреплено во мне святое чувство Родины, о которой он пел с такой проникновенной любовью, я все же не исчерпаю темы влияния певца на мою жизнь, ибо что-то тонкое и важное останется недосказанным. Это принадлежит державе нравственности. В Лемешеве — я говорю о его главным, художественном образе — было нечто столь благородное, очищающее, естественное, — что находившийся постоянно возле его искусства человек становился и сам лучше, добрее, духовнее, светлее. Его сияющий голос изгонял из моей души бесов зла, обиды, житейской мелкоты, вырывал из тины обыденщины, открывал новые ресурсы сострадания, прощения, готовности поступиться своим благом ради

других. Если б не Лемешев, я и сам был бы хуже, и хуже было бы со мной другим людям.

Не случайно С. Я. Лемешев породил культ, его нет, а «сыры», так испуганно раскатившиеся во время оно из страха перед гневом кумира, теперь, когда его не стало, скатились вновь, объединенные святой памятью о нем. Насчет «сыров» Лемешев хорошо сострил, но повторять его шутку я больше не буду, ибо, узнав очень разных, очень непохожих друг на друга людей, столь бескорыстно и высоко служащих его памяти, столь ревностно оберегающих его честь от сплетен и слухов, от которых не защищен никто, я хотел бы сравняться с ними в преданности дорогой тени, стать членом их службы памяти.

IV

Мне все чаще с умилением думается о том далеком дне, когда после шлепка повитухи младенца, еще не нареченный Сергеем, издал первый жалкий крик. «Подало голосок чадушко, теперь раздвигается», — сказала опытная бабка, и успокоилась мать-батрачка, взяла сынишку на руки и приложила к своей груди. А потом завернула в какое-то тряпье и вместе с мужем, отцом младенца, таким же батраком, как она, пошла из сельской больницы домой, в свою бедную избу на другом конце деревни Ст. Князево. Могли ли хоть на миг вообразить эти незаможные, безземельные, крестьяне, всю жизнь гнувшие спины на чужих людей, что жалобный голосок их сыночка, окрепнув и налившись соками родной земли, зазвонит над всей страной, и услышат его в Европе, Азии, Америке, Австралии, и он станет безмерным счастьем, душевной опорой и даже спасителем для миллионов людей. Многие, наверное, читали о том обезноженном войной человеке, который, возвращаясь ползком в свою деревню, уже в виду родных крыш понял, что не может явиться на глаза жены и детей обрубком, и решил утопиться в омуте. И вдруг услышал из-за деревьев льющуюся с пластинки песню Лемешева «Это русская сторонка, это родина моя». И захотел бедолага жить, смахнул слезу, пробормотал: «Спасибо, Сергей Яковлевич!» — и, помогая себе деревянными утюгами, «вошел» в свою деревню не жалким калекой, а солдатом-победителем. Это крайний случай, а ведь бывают и малые самоубийства: потеря гордости, чести, веры в себя и верности себе или другому человеку — от скольких таких малых гибелей спас людей дивный мальчик, родившийся в Твери в начале века.

В стиранных ветوشках, прижимая к груди худенькое, непрочное тельце, крестьянка со строгим лицом несла по рытвинам и колдобинам деревенской улицы нового сына России, будущую ее радость, несла царя Берендея, герцога Мантуанского, князей Синодала и Владимира Игоревича, графа Альмавиву, Ромео...

В который раз перечитываю я чудесный своей наивностью, полуграмотностью и достоинством документ, которым заповелю кавполка Лемешева сняли с коня и отправили в музыку. Письмо послано из Тверского губернского подотдела искусства военному Тверских курсов: «Губ п/Отдел Искусств доводит до Вашего сведения, что курсант Вверенных Вам Курсов тов. Сергей Лемешев, состоящий учеником 1-й Государственной Музыкальной школы, действительно является одаренным голосом (тенор) и музыкальностью и безусловно представляет из себя с музыкально-вокальной стороны большую ценность, а потому п/Отдел искусств просит оказать ему содействие, т. е. предоставить ему возможность развить его природное дарование, дабы в будущем он имел возможность проявить себя на концертной эстраде, в оперном театре».

Составлено коряво, а стоит любой сегодняшней бюрократически безупречной бумажки (уж в чем, в чем, а в этом мы преуспели). Но во главе молодого советского искусства (документ подан января 29 дня 1921 г.) стояли тоже своего рода Лемешевы, самородки организационно-управленческой работы, которые строили новую культуру. И пусть они не болно ловко составляли бумажки, да видели зорко, да слышали чутко, да решали умно и крепко. И командование кавчасти — тоже молодое, и тоже талантливое, не стало препятствовать «одаренному голосом» — хотя кому приятно лишиться такого заповалы! — ласково подтолкнуло чуть заробешего паренька навстречу судьбе.

Нужно ли повторять общеизвестное? Жизнь Лемешева была блестящей, но сколько же в ней было и трудного и даже губительного, если не для физического его существования, то для творчества. А без этого стоит ли жить? Он унаследовал по отцовской линии больные легки: от чахотки умерли его отец и старший брат, чахоткой болел младший брат. В начале войны туберкулез уложил на лопатки и самого Сергея Яковлевича. Пневмоторакс навсегда отключил одно легкое. Оперный

певец с одним легким?.. Лечивший и любивший его профессор, глотая слезы, думал почти по В. Гусеву: «Жить будете, петь никогда». Он не знал, на какое великое усилие способен этот деликатный, нежный и больной человек, когда дело касалось его искусства. Силы вспоявшей его земли и жизнестойкость материнского рода пришли ему на помощь, нечеловеческое упорство, трудолюбие и мужество довершили остальное. Он вновь запел, да еще как запел! Величайший триумф его оперной жизни, столь богатой успехами, выпал Лемешеву уже после болезни, когда он спел Ромео. Слушая недавно его записи в серии посвященных ему радиоконцертов и восхищаясь чистым, свободным, молодым звучанием великолепного голоса, с прекрасными верхами в оперных ариях, я был уверен, что это записи из фондов радиоконцертов доверенной поры, оказывается, все они — послевоенные.

Конечно, через годы, уже в старости — а Лемешев пел чуть не до самой кончины — это не могло не сказаться: перетрудились связки, устал дыхательный аппарат (добавьте — дважды пробитое инфарктами сердце), но выручали не только мастерство, умно подобранный репертуар, учитывающий сузившиеся возможности певца, чуть изменившийся, но все еще чарующий тембр и та просветленная мудрость, которую порой ощущала тонкая и умная Максакова. В иных давних своих романах Лемешев стал трогать еще сильнее, чем прежде, например, в шубертовском «Как на душе мне легко и умная Максакова». В иных давних своих романах Лемешев стал трогать еще сильнее, чем прежде, например, в шубертовском «Как на душе мне легко и спокойно» — это звучало, как интимное признание, — или в упоминавшемся «Я знал ее милым ребенком», в некоторых романах Чайковского.

Но это на закате дней. Лемешев уже знал, что победа одержана. А что должен был чувствовать он в самом расцвете лет признания, елавы, на пороге сорока, когда понял, что медицина приговаривает его к молчанию? В ту пору я часто встречал его на Тверском бульваре, где он «выгуливал» себя, порой обтирая платком слабый пот со лба, хотя время было зимнее, по обыкновению элегантно, стройный, спокойно-задумчивый. Близкие Лемешеву люди говорили, что он никогда не жаловался, не изменял своей приветливости и вниманию к окружающим, но кто знает, что творилось у него внутри? Зато мы знаем, что он совершил, казалось бы, невозможное и вернулся на сцену во всем блеске.

И началась пора высших оперных успехов, ибо ко всему он обрел постоянную — молодую, красивую, с прелестным голосом партнершу — Ирину Масленникову. Наконец-то любители оперы без всякого насилия над сознанием поверили в страсть Альмавивы к Розине, в увлеченность Герцога Джильдой, в мучительную любовь Альфреда к Виолетте и во все прочие условные оперные страсти. На сцене была пара, как будто созданная друг для друга, и в голосах — редчайшее сродство. Вершиной этого союза явились «Ромео и Джульетта».

Как все тогда удалось театру! И как то помнят москвичи! Начну с мелочи — с коричневой шапочки Ромео, которая так шла Лемешеву. Она словно взята с «Портрета юноши» Пинтуриккио, который мы видели во время гостевания Дрезденской галереи в Москве. Этому юноше, на самом деле подростку с детски округлым, мягким овалом, с глазами несравненной чистоты, года через четыре предстоит стать Ромео. Пинтуриккио был влюблен в Рафаэля, почти во всех значительных работах мастера можно обнаружить портрет Рафаэля, даже на чернотельных фресках, по которым вы ступаете в Сиенском соборе. Мне кажется, что и на дрезденском портрете изображен подросток Рафаэль. Лемешев в Ромео был похож на гениального красавца из Урбино. Равно прекрасна была Джульетта. И словно замороженная этой парой, музыка Гуно утратила слащавость и стала светло-трагичной, такой, как мечталось самому Гуно, когда он еще считал, что на свете были лишь два композитора: Моцарт и Гуно. В старости Гуно скажет, что был лишь один Моцарт. Как звучали арии и дуэты, — мы услышали голос самой любви и увидели любовь, а не ее грубую имитацию. Даже удар шпаги Ромео, пронзившей заносчивого Тибальда, вызвал овацию зала. Это был настоящий праздник оперы!..

Мелькнули годы, и новая кручина подстерегала певца. В опере убитые, когда опускается занавес, встают с грязного пола и, взявшись за руки с убитыми, выходят раскланиваться. В жизни так не бывает, за все ошибки, за непонимание себя и близких, за игру малого и большого самолюбия, за неверный жест расплачиваются черной кровью невозможных утрат. Распался дуэт, не стало навсегда Ромео и Джульетты, не сойдутся так больше звезды на небе.

Лемешев спасся и на этот раз, он продолжал много и очень интересно работать, по-прежнему пел в Большом театре, иногда и в Малом оперном в Ленинграде, где встретил свою будущую жену певицу В. Н. Кудрявцеву. С ней он пел потом в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, в

нескольких юбилейных спектаклях «Евгения Онегина», а также во многих концертах. Он выступал и как постановщик опер, возглавлял Оперную студию при Московской консерватории и выпустил целую плеяду отличных певцов, украшающих ныне сцену Большого театра. Но обо всем этом пусть поведают другие.

Мне же куда интереснее рассказать, как вернулся молодой Лемешев в родную деревню после годичных гастролей на сцене Харбинской оперы. Это было в канун событий на КВЖД, в 1929 году, Харбин был тогда огромным и очень богатым городом, куда съезжались гастролеры со всего мира. Лемешев петь в опере пригласил знаменитый дирижер Пазовский.

В один из дней деревенской страды на пустынных улицах Старого Князево появился обоз. Его сопровождал великолепный иностранец, изнемогая в драповом пальто с начесом, фетровой шляпе, роскошном кашне и серых тетрах поверх ослепительных «шимми». Иностранец завернул обоз к крайней избе, но никто не выбежал навстречу — и стар и млад были в поле. Иностранец велел внести в незапертую по деревенскому обычаю избу кладь, упакованную в картон и бумагу (похоже, мебель) и чемоданы крокодиловой кожи, расплатился с возчиками, щедро дав на водку, и присел на лавку к окну, чтобы дожидаться возвращения хозяев. Улица была пустынная и залита жаром, бродили сонные куры, расклеивая какие-то кишки, спали, высунув потные языки, собаки, теленок на веревке пощипывал траву. Приезжий не снял, лишь растегнул пальто, чуть сдвинул на затылок шляпу, открыв на лбу красную нательность, распустил кашне и стянул одну лайковую перчатку.

Вдруг послышались чьи-то легкие шаги. Иностранец поспешно застегнулся, лихо нахлобучил шляпу, выхватил из нагрудного кармана пиджака длинную гавайскую сигару, прикурил от зажигалки и стал пускать голубые кольца дыма. Вошла босяк, с выгоревшими волосами девочка, исподлобья недоверчиво оглядела роскошного гостя.

— В чем дело? — строго и одновременно обижено спросил иностранец.

— А ты в чем дело? — в тон ему отозвалась девочка и, помолчав, добавила: — Я тетки Марьяны... — Она посмотрела на нераспакованные вещи, роскошные чемоданы, и тревога жгала маленькое сердце. — Ходят тут всякие!..

— А я не всякий, — еще пуще обиделся приезжий. — Я — Акулинин сын...

Девочка не поверила и уселась на пороге сторожить, чтобы приезжий ничего не слямзил. Так она досидела до прихода Лемешевых с поля.

— Сынок! — поразила Акулина Сергеевна. — Чтой-то ты чудной какой?..

Лемешев не был ни честолюбив, ни тщеславен, я читал сохранившееся в архиве Большого театра письмо, в котором он отказывается от соблазнительных зарубежных гастролей. Он очень любил своих друзей: Н. Ханаева, А. Пирогова, А. Мелик-Пашаева, Б. Хайкина, но именитых знакомых у него было мало, он крайне неохотно и редко ходил на торжественные приемы и вообще никогда не высывался. Немногочисленные друзья его, особенно последние лет, были люди незнатные, но милые и привлекательные. И лишь об одном мечталось ему всю жизнь — чтоб мать признала его «величие». Ему казалось, что это окрасит мировосприятие старой крестьянки, чья жизнь вначале была просто нищенской, затем — скудной, наконец, его заботами, достаточной, хотя она решительно отвергала всякую «никчемную» помощь, наотрез отказалась переехать к знаменитому сыну в Москву и, похоже, отдавала некоторое предпочтение его брату, такому же, как она сама, колхознику. О Сергее мать понимала так: коли уж не выпшло из него хлебороба, пусть зарабатывает на жизнь пенсией, стыда в этом нет, а людям нравится.

Акулина Сергеевна до старости не бывала в Москве. Наконец Сергей Яковлевич уговорил мать съездить в столицу. От Старого Князево до Калининграда добираться сложнее, нежели от Калининграда до Москвы. Но был подряжен тягач — добрались. Лемешев нарочно взял билеты на «Стрелу», которая в ту пору останавливалась в Калининне, в купе «международного» вагона. После Акулина Сергеевна все удивлялась, почему князевских мужиков так часто обчищают в поездах. «К нам никто и не сунулся, — говорила она, — только утром принесли в круглых стаканах чай с сухарями, а подстаканники — серебряные».

Сводили Акулину Сергеевну на «Евгения Онегина» в Большой театр. О своих впечатлениях она особо не распространялась, сказала лишь: «Нашто, конечно, был лучше всех». «А где ты сидела?» — интересовались односельчане. «Не знаю, как сказать. Вообще-то в кресле, прямо против этого, который руками размахивает. А все дамочки — сзади меня». Она горячо любила сына, но не хваста-

лась и не восхищалась им. Зато горазда была попеть с ним на завалинке, когда он приезжал в Князево. А приезжал туда Сергей Яковлевич до своей болезни почти каждое лето. Потом ему это стало труднее. В Князево и сейчас нелегко добраться — дочери Лемешева Марии Сергеевне, певице московского Камерного музыкального театра, этого сделать не удалось, когда она минувшей весной захотела навестить родные места отца.

Бросив машину на непролазной лесной дороге, километрах в шести от деревни, Мария Сергеевна с тринадцатилетним Федей — внуком Сергея Яковлевича — попыталась одолеть разверзшиеся хляби. Они так и не смогли дойти до изб Старого Князево — грязь была выше пояса. Но до кладбища, до могилы Акулины Сергеевны — а умерла она в 94 года — внучка и правнук все же добрались. И поклонились ей...

Лемешевы — мудреные люди. Да иначе и быть не могло, иначе откуда возникло бы такое дивное, как Сергей Яковлевич. Конечно, он обобрал свой род, так обычно и бывает. Мать была человеком с характером, умная, значительная, но жизнь не позволила ей раскрыться, отец остался в тени, унесенный ранней смертью, отблеск даровитости достался одному. Поразительную вещь рассказали мне об одном из братьев Сергея Яковлевича, не в меру развитом, странном мальчике, который словно не захотел жить: почти спровоцировал болезнь, он не оказал ей никакого сопротивления, оплавился, будто елочная свечечка, и погас. Младший брат обладал неплохим голосом и музыкальностью, но его невозможно было заставить петь в присутствии знаменитого брата, он даже в застольном хоре не участвовал. А попытку Сергея Яковлевича устроить его для начала в миманс Большого театра он сознательно провалил. Самое удивительное, что Лемешев, чья скромность порой даже огорчала его друзей (он так представлялся по телефону): «Говорит Лемешев — из Большого театра!», распускал хвост только перед земляками. В родных местах он начинал смотреть на себя как бы со стороны: вот, мол, наш князевский парень, а куда вознесся! Знай, наших, не такие уж мы серенькие, маленькие! Он был патриотом своей малой родины — калининской глубинки.

Однажды я видел, как он выстаивал длинную очередь в магазине бывшего Елисея, чей пышно-безвкусный интерьер напоминал подводное царство из оперы «Садко». Все чудеса далекой Индии, алмазы каменных пещер, жемчужины полуденного моря не могли помочь чрезвычайно медленному продвижению Индийского гостя к телячьей колбасе. Но когда увидевшая певца продавщица захотела обслужить его вне очереди, смущение и растерянность «Лемешева из Большого театра» были так велики и неподдельны, что всем нам стало неловко.

Он был дерзким Альмавивой, бесстрашным Фра-Дьяволо, чарующим и беспутным герцогом Мантуанским, смелым Левко, мудрым Берендеем на сцене, он был прославленным народным артистом СССР, а в жизни оставался простым народным человеком, не признающим за собой права на какие-либо преимущества. Недаром его любил Андрей Платонов, но любил бы еще больше, если б знал, что Лемешев выстаивал все очереди. Для Платонова это было проверкой человека. Умеющих получать блага в обход он презирал не меньше, чем тех, кто, по его выражению, «уткнулся мордой в кормушку».

Скромность украшает девицу — большой певец может и не обладать этим привлекательным качеством, и все-таки мы предпочтем слушать его, а не скромнягу, примерного гражданина, видного общественника и редкого семьянина, лишенного одной лишь малости — голоса. Но как хорошо и радостно, когда человеческое и творческое совпадают! Этим судьба наградила Лемешева, при всей своей многогранности он был на редкость цельной натурой. А уж если причинял кому вред, то лишь самому себе — в трудную минуту. Ничего не потеряв в своем народном, почвенном начале, он стал человеком большой и широкой культуры, не только музыкальной, он любил живопись и литературу, поэзия была его неизменной спутницей. Он часто повторял стихи Ронсара:

*Ведь старый человек на много лет моложе,
Когда не хочет быть у старости в плену.*

И он не поддавался старости, до последнего дня жизни оставался молод, светел душой и удивительно красив. А трудолюбив он был, как настоящий пахарь. И вот в чем я окончательно убедился, пока писал эти свои заметки: тембр — это не окраска голоса, это окраска души. Нам пела прекрасная душа Лемешева. О нем нельзя говорить «тенор» и даже «певец» — это сердце России, ставшее песней, и в этом его бессмертие.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Надпись на прозе

Две школы — женская, мужская...
Две школы — проза и стихи...
Зачем их различать? — не знаю.
Я пел хоралы и хиты.

Исследователь скрупулезный,
Поди, попробуй, разними —
Стихами были или прозой
Поэтом прожитые дни?

Театральная рыцарская баллада

О БЕЛОМ ШИПОВНИКЕ

Белый шиповник, дикий шиповник
краше садовых роз.
Белую ветку юный любовник
графской жене принес.

Белый шиповник, дерзкий поклонник,
он ей, смеясь, отдал.
Ветка упала на подоконник.
На пол упала шаль.

Белый шиповник, страсти виновник,
разум отнять готов.
Только известно — графский садовник
против чужих цветов.

Что он наделал, бедный разбойник?
Выстрел раздался вдруг.
Красный от крови — красный шиповник
выпал из мертвых рук.

Их схоронили в разных могилах,
там, где садовый вал.
Как тебя звали, юноша милый,
только шиповник знал.

Тот, кто фискалил, тот, кто шпионил,
будет наказан тот.
Белый шиповник, вольный шиповник,
в память любви цветет.

Кепочка

Когда ты забираешь вверх под кепку
волосы —
как подтыкают юбку, когда моют пол —
какой незащищенной незагорелой
вольностью
восходит твоя шея к камням
римских школ!

И все что я успею — запомнить эту шею
и завиток щекотный и поблагодарить,
за то, что жизнь прекрасна,
что рядом на скамейке
московская камешка в кепарике парит.

Прованс. Апрель 1981 г.

Деревянная звонница

О чем говорит мне колхозный отрок,
облокотясь на велосипед, как на перила —
в вечернем поле, в северном округе,
вою синеву в небеса вперивши?

«Когда я гляжу на силуэт часовни —
в небе три столба с перекладиной —
вижу: три битла несут четвертого,
убитого влюбленной гадиной...»

Солнце спускается за четвертым,
фигуры окутывая червонным...
Он говорит: не «четвертого», а «товарища».
И, не досказав, отворачивается.

Новая природа

Красные коровы
лежат на асфальте,
млеют на асфальтовой сковородке.
Мы их объезжаем —
коровы святы!
Стали патриотками шоссе
коровы.

«Доложите истину, долгожитель в сванке,
почему коровий народ сдурел?»
«Потому что мухи не любят асфальта».
Мудрые коровы НТР!

Поняли, хитрюги! Рогатые гении!
Мухам незадачливим не в пример.
«Просто мухи знают —
асфальт канцерогенный».
Мудрые мухи НТР!

Идиллия

Кровь моя пела, в истории странствуя —
полудуховная, полукрестьянская.

Я ли повинен за жизнь неизбежную —
полуполынную, полуневесную?

Вдруг разблокированной генетикой,
что-то проснется некабинетное —

под кнутовищем в полях полотняных
вой крепостного инопланетянина!

Доноры

Секунду от каждого,
секунду от каждого,
все человечество обложить —
ну кто же откажется? —
великий останется жить.

По часу от каждого,
по часу от каждого
все человечество обложить —
ну кто же откажется? —
тогда все Великие
и кто ими кажутся
останутся жить.

По жизни от каждого,
по жизни от каждого
все человечество обложить —
тогда все живое,
все звери, коровы и пастбища
останутся жить.

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

Конкурс одного стихотворения ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Владимир ХОМЯКОВ,
рабочий,
г. Сасово
Рязанской области

Вечер

Мой вечер веет разноцветьем.
Мой сад застенчив и белес.
Как врач, прослушивает ветер
Сердцебиение берез.
И в тишине, такой бездонной,
Густую синью налитой,
Окно родительского дома
Горит звездой золотой.
И вновь душа о счастье просит,
И снова дышится полней,
И я желаю долгих весен
Приокской родине моей.

Владимир ГРЕВЦЕВ,
аспирант,
Москва

Деревья

Деревья, осень не игра:
Она измучает дождем,
Обтреплет ветром догола.
Пора лететь!
Чего же ждем?!
Деревья, приподзвонились вы,
Скорее в теплые края,
С густыми перьями листья,
Чем ваши ветви — не крыла?!

И зашумят они в ответ:
— Дружок, мы остаемся здесь
Не потому, что крыльев нет,
А потому, что корни есть.

Петр КАТИН,
архитектор,
Москва

Из армейского дневника

Когда-нибудь вспомнится это:
Февральская ночь за окном,
Четыре часа до рассвета,
Короткое: «Рота, подъем».

Тревога. Казарма. Шинели.
Холодная мутная высь.
Тяжелые темные ели;
Команда: «Расчет, становись»...

Над полем снежинок круженье,
А ветер по-доброму свеж.
Команда опять... Выдвиженья
К реке, на исходный рубеж.

Висит дымовая завеса
Вдали и вблизи, за спиной.
И где-то у самого леса
Последнее: «Рота, отбой».

И будут когда-нибудь сниться
Деревни на том берегу.
Товарищей юные лица,
Следы на глубоком снегу.

Машины вдоль поля бегут... Ни
Войны, ни тревоги... Огни.
Армейские строгие будни...
Последние зимние дни...

ВЕНГЕР Эт

Леонид ПЛЕШАКОВ,
фото Сергея ПЕТРУШИНА
Специальные корреспонденты
«Смена»

В шуточной беседе венгры любят упомянуть, что их страна — среднее государство. Оно, мол, и расположено как раз посередине Европы: отсюда что до седого Урала, что до атлантического побережья Португалии — почти одинаковое расстояние, как, впрочем, одинаково далеко до Северного полюса и до экватора. Но когда разговор переходит на серьезный тон, они, конечно, признают, что Венгрия — маленькая страна: всего один процент территории континента. По размерам она только в два раза больше Московской области.

По венгерской земле течет в своем среднем течении одна из великих рек мира — Дунай. Есть тут месторождения нефти, природного газа, каменного угля, бокситов, марганца, урана, железных руд, цветных металлов. Правда, запасы этих полезных ископаемых, за исключением бокситов, не столь значительны, чтобы полностью обеспечить потребности страны, и она вынуждена закупать за рубежом много сырья и энергоносителей для своей промышленности. Зато Венгрия повезло в другом отношении. Обилие солнечного света и мягкий климат позволяют ей получать высокие урожаи многих сельскохозяйственных культур и занимать одно из первых мест в Европе по производству овощей, фруктов, винограда.

Поэтому неудивительно, что, хотя во всей мировой торговле на долю Венгрии приходится всего около полпроцента, в мировой торговле продукцией сельского хозяйства и пищевой промышленности ей принадлежит 1,2—1,3 процента. По некоторым же статьям этот показатель значительно выше. На долю страны приходится 22,4 процента мирового экспорта колбасных изделий, 15 процентов битой птицы, 11 процентов экспорта яблок.

Вместе с тем Венгрия — страна с высокоразвитой промышленностью, многие изделия которой также идут за рубеж. Главные партнеры торговли — социалистические страны.

Эта особенность — необходимость покупать на мировом рынке многие необходимые товары и возможность продавать значительную часть собственной продукции — наложила своеобразный отпечаток на всю экономику Венгрии, заставляет ее решать свои хозяйственные, производственные и иные проблемы с учетом международных факторов.

Вместе со всей страной решением этих проблем занято и молодое поколение венгерского народа. В конце мая этого года в Будапеште прошел X съезд Венгерского Коммунистического Союза Молодежи, который в принятой резолюции наметил главные направления и цели деятельности ВКСМ как помощника партии в построении развитого социалистического общества. Участие в хозяйственном строительстве признано первостепенной задачей комсомола и молодежи.

В июле в Будапеште пройдет III фестиваль дружбы венгерской и советской молодежи, на который прибудет около 900 посланцев Ленинского комсомола. Это будет не только праздник молодости двух братских стран. Представители городов и сел Советского Союза будут обсуждать со своими венгерскими коллегами опыт строительства общества развитого социализма, расскажут об успехах в труде, учебе, организации досуга. Этому фестивалю «Смена» посвящает публикуемый сегодня очерк, который знакомит с некоторыми сторонами жизни венгерской молодежи.

РУКОПОЖАТИЕ НА ДУНАЕ

До недавнего времени Пакш был венгерской глубинкой. С непривычки в это трудно поверить: городок расположен на Дунае всего в 115 километрах к югу от Будапешта, и если вскользь бросить взгляд на карту страны, окажется он чуть ли не рядом с географическим центром Венгрии. И тем не менее глубинка. Разумеется, по здешним масшта-

бам, правда, знавал он и лучшие времена. В прошлом веке через пакшский речной порт шла бойкая торговля пшеницей, возвращенной в областях Тольна и Бач — Кишкун. Корабли с хлебом отсюда шли вверх и вниз по Дунаю, способствуя дальнейшему обогащению зажиточных крестьян и перекупщиков зерна, насколько не улучшая долю малоземельных и

**ИНЖЕНЕР ЯНОШ ТОТ ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ МОСКОВСКОГО
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
РАБОТАЕТ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ПАКШСКОЙ АЭС.**

СКИЕ ЮДЫ

батраков. Развитие железнодорожного транспорта постепенно вело к тому, что Пакш стал терять значение крупного транспортно-перевалочного узла. Развитие промышленности в других городах способствовало росту новых экономических центров, а он незаметно сдавал свои экономические позиции, пока не превратился в большое село, которое и славилось разве что консервным заводом.

Вот таким предстал Пакш перед Аттилой Чакоти, когда пять лет назад по заданию ЦК ВКСМ он прибыл сюда создавать комсомоль-

КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ — ОДНА ИЗ СТАТЕЙ ВЕНГЕРСКОГО ЭКСПОРТА.

ЗАВОД «ВИДЕОТОН» В ГОРОДЕ СЕКЕШФЕХЕРВАР ВЫПУСКАЕТ СОВРЕМЕННУЮ ЭЛЕКТРОННУЮ АППАРАТУРУ.

ГОРОД-МУЗЕЙ СЕНТЕНДРА.

СТОЛИЦА ВЕНГРИИ СЛАВИТСЯ СВОИМИ МОСТАМИ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ.

ОКОНЧАНИЕ УЧЕБНОГО ГОДА ВЕНГЕРСКИЕ ШКОЛЬНИКИ ОТМЕЧАЮТ УЛИЧНЫМИ ШЕСТВИЯМИ.

скую организацию на строительстве первой в Венгрии атомной электростанции.

Время и место рождения Пакшской АЭС были выбраны не случайно.

Дело в том, что в Венгрии пиковая нагрузка энергосистемы с 1950 по 1977 год увеличилась почти в десять раз, достигнув 4700 мегаватт. Расчеты показывают, что в будущем темпы роста потребления электроэнергетики в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в быту сохраняются, и к 1990 году пиковая нагрузка достигнет 12—14 тысяч мегаватт. Анализ отечественных ресурсов энергоносителей показал, что даже максимальное их использование не сможет обеспечить полное покрытие потребностей страны. Выход: развитие во все более возрастающих масштабах атомной энергетики.

Такова общая первопричина, породившая саму идею строительства АЭС в Пакше, общая мощность которой достигнет со временем 5000 мегаватт. Была своя логика и в том, что лучшей площадкой для нее было признано место у этого села. При выборе ее (в этой ответственной работе приняли участие и советские специалисты) нужно было учесть много различных факторов. И из всех предложенных точек на территории Венгрии эта больше других отвечала предъявленным жестким требованиям. Рядом с будущей АЭС протекает Дунай, водная магистраль, по которой легко доставить крупнотоннажное и крупногабаритное оборудование, неподъемное для железнодорожного транспорта. Дунай мог дать воду, необходимую для охлаждения агрегатов и выработки пара. Здесь отличная роза ветров и подходящие для крупного строительства почвы. Рядом с будущей станцией проходят железная дорога и линии электропередач, так что строительство заранее было обеспечено устойчивым транспортом, а энергоемкий монтаж — электроэнергией. Наконец, поблизости нет больших городов, которые могли попасть в зону санитарной защиты будущей АЭС, в то же время рядом со старым селом удалось подыскать удобную площадку, где мог разместиться новый жилой массив для строителей станции и будущих эксплуатационников.

Строительство Пакшской АЭС было объявлено ударной комсомольской стройкой. Подписанное в начале 1977 года соглашение между правительством ВНР и ЦК ВКСМ официально перечислило и зафиксировало основные пункты комсомольского шефства над стройкой.

Главная задача — привлечение сюда молодых специалистов из других областей страны: каменщиков, сварщиков, бетонщиков, плотников.

В январе 1978 года в Пакш приехали первые сто парней и девушек с комсомольскими путевками. Теперь в этом отряде трудятся двести человек. А всего из десяти с половиной тысяч человек, занятых на стройке, больше половины молодежь, 1280 — комсомольцы.

Все это рассказывает мне ответственный работник ЦК ВКСМ Аттіла Чакут, секретарь комитета ВКСМ строительства Немец Шамуэль и Леонид Борисов, секретарь комсомольской организации советских специалистов. У советского читателя, привыкшего к грандиозным масштабам наших сибирских строек, цифры, наверное, не вызовут особого удивления. И, чтобы они «заиграли», я должен дать некоторые дополнительные пояснения.

До «Пакша» Венгрия не имела строек подобного размаха. Даже Тисайский нефтеочистительный комбинат, даже первый социалистический город Дунайварош с его металлургическим производством не могут сравниться с гигантом атомной энергетики.

В возведении АЭС принимает участие более ста венгерских и зарубежных предприятий и организаций. Свести воедино усилия всех — задача довольно сложная, особенно если недостает опыта подобной работы.

Для венгерского комсомола «Пакш» — первая ударная стройка, поэтому здесь, помимо всего прочего, отрабатываются методы шефства молодежи над подобными стройками будущего, обретается опыт активного участия в делах такого масштаба.

Жизнь порой выдвигает проблемы, над решением которых ранее не приходилось задумываться, потому что они не возникали. «Пакш» — престижная стройка. Энтузиазм подкрепляется хорошими заработками, постоянно улучшающимися бытовыми условиями: в жилом микрорайоне выросли кварталы современных домов, общежития, отличный Дворец культуры, магазины, столовая. В 1979 году Пакш снова стал городом. Так что едут сюда охотно. Местные жители, неожиданно вовлеченные в круговорот большой стройки, тоже не остались в стороне, и почти каждая семья имеет там своего представителя. Но вот загвоздка: ребята, которые приехали сюда с промышленных предприятий, никак не могут освоиться со сложной спецификой стройки. У себя на заводах они привыкли к размеренной, выверенной годами системе снабжения материалами и инструментом, к вовремя подготовленному фронту работ. Тут же, на «Пакше», на ходу приходится увязывать в единое целое усилия множества подрядных и субподрядных организаций, отнюдь не всегда удается достигнуть полного взаимопонимания.

Размеры «Пакша» впечатляют. Представления об атомной электростанции почему-то всегда не совпадают с реальными ее габаритами. Видно, человеческое воображение никак не может смириться с тем, что относительно крошечное сердце АЭС — реактор — требует возведения вокруг себя такого циклопического сооружения. Даже если знаешь об этом заранее, все равно поражаешься, будто столкнулся с таким несоответствием впервые.

— Хотите посмотреть все поближе? — спрашивает Лайош Херенди, заместитель командира ударного комсомольского отряда. Он принесит пластиковые защитные каски и уверенно ведет к огромному бетонному корпусу АЭС.

Лучшего провожатого для такой экскурсии трудно представить. Лайош не просто хорошо знает весь объект, он в курсе того, как все это будет выглядеть после завершения строительства. Сложная начинка станции — все эти бесконечные трубопроводы первого и второго контура, реакторный зал, щиты управления, оборудование для загрузки топлива — ему хорошо знакома, и он ведет по незаконченным, искрящимся вспышками электросварки переходам с уверенностью человека, который все это не просто знает, но еще и сам строил. Когда мы выбрались на крышу главного корпуса, невольно захватил дух от высоты и от панорамы раскинувшейся стройки. Как ни внушительно она выглядела с земли, с птичьего полета ее масштабы стали еще грандиознее. Отсюда как на ладони был виден Дунай и рукав подводного канала. Первые два блока станции уже упрятаны в бетон (один находится в стадии монтажа, второй строится), под вторые два сооружается фундамент, выводятся металлические фермы стен и перекрытий. А дальше ровное поле — туда станция станет расти в будущем, может быть, там и будут установлены реакторы-миллионники.

— Ну как? — спрашивает Лайош о впечатлении.

— Большая стройка!

— Только поэтому и поехал сюда после Усть-Илима: уже не мог без масштабов.

Еще пять лет назад Лайош Херенди работал куратором в дирекции городского строительства в Секешфехерваре. Работа двадцатипятилетнему парню казалась скучноватой. Короче, когда стало известно, что на строительство Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, сооружаемого странами СЭВ, должны отправиться венгерские комсомольцы, Лайош добился, чтобы его включили в их число. На Ангаре венгры принимали участие в строительстве древесно-подготовительного цеха, автобазы, жилого девятиэтажного дома и столовой. Что дали ему и его товарищам три года сибирской стройки?

— Самое главное: ангарская стройка стала для всех нас школой международного коллективизма.

В Усть-Илиме я поступил на заочное отделение индустриального института. Сейчас уже учусь на четвертом курсе, регулярно езжу сдавать сессии. Знакомых там осталось много. Встречаемся, все время вспоминаем, как вместе работали. Друзья — понятное дело. А тут вот в прошлый раз прилетел, еду по городу на автобусе, а шофер объявляет:

— Следующая остановка «Венгерское общежитие».

Понимаете? Когда мы там работали, в доме, рядом с автобусной остановкой, жил наш венгерский отряд. Так и родилось название «Венгерское общежитие». Уже два года там нет венгров, но остановку не переименовали, нас помнят.

Лайош и его товарищи по отряду тоже навсегда запомнили Усть-Илимск. Пятьдесят два человека из этого отряда приехали с Ангары на Дунай строить «Пакш». Когда самым молодым из них пришлось время служить в армии, они стали солдатами. А оставшиеся семь сибиряков живут в одной квартире общежития: Лайош Херенди, Янош Чордаш, Иштван Сюч, Антал Силюшки, Лорант Шнейдер, Йозеф Шилош и Иштван Тот.

Семеро дунайских строителей, о которых помнят на Ангаре.

ПОБЫВАЙТЕ В БАЙЕ

Нынешняя весна выдалась в Венгрии необычной. В начале и середине апреля было по-летнему жарко. Быстро отцвели фруктовые сады, выбросили свои белые свечи каштаны, но в конце месяца похолодало, пошел дождь. Было довольно прохладно и первую неделю мая, а потом снова нахлынуло тепло, и весна начала отрабатывать свою пору как бы по второму кругу. Но все равно весна была уже на исходе, и природа, хотя и с задержкой, вкатывалась в знойное лето.

Это обстоятельство несколько смущало. В сельском хозяйстве наступила та пора затишья, когда все, что нужно, посеяно, а до горячей уборочной поры вон еще сколько времени.

Байя — небольшой придунайский городок на юге области Бач-Кишкун, всего километрах в тридцати от югославской границы. Угодья комбината раскинулись на площади в 16,5 тысячи гектаров вокруг города и двенадцати близлежащих деревень в междуречье Тисы и Дуная. Земли тут не самые плодородные, много из них не выжмешь.

Но выжимают, и немало. В минувшей пятилетке урожай пшеницы составил тут 55 центнеров с гектара, кукурузы — пятьдесят.

Но здесь таким, на наш взгляд, высоким результатом недовольны.

— Понимаете, — объясняет секретарь парткома комбината Йозеф Шейд, — у нас тут такие сорняки, что ни одним химикатом их нельзя уничтожить. Только меня полевые культуры, можно кое-чего достигнуть. Мы, кажется, нашли свой «подход» и в этом году планируем получить уже по шестьдесят центнеров кукурузы с гектара.

Мы беседуем с Йозефом Шейдом в правле-

нии комбината, в самом центре города. На эту встречу он пригласил нескольких членов комитета комсомола — не только потому, что молодежь составляет значительную долю почти трехтысячного рабочего коллектива комбината, но потому, что из ста с лишним специалистов с высшим образованием, что здесь трудятся, большинство составляют люди до тридцати пяти. Они носители знаний и новых идей, которые внедряются в сельскохозяйственный производственный процесс. Кстати, отлив молодежи из села в город — явление, характерное ныне не только для Венгрии, — здесь ощущается не так остро. Видимо, держит на месте не просто земля пращуров, но и то, что молодые могут тут применить свои силы и знания, найти, как говорится, себя, свое место в интересном общем деле.

Чем же занято одно из крупнейших сельскохозяйственных предприятий страны?

Из общей площади угодий двенадцать тысяч гектаров отдано под пашню, примерно по тысяче гектаров — виноградники и сады, остальное — леса, пастбища, необрабатываемые неудобья. Комбинат имеет ферму на 1300 высокопродуктивных коров, дающих в среднем более чем по пять тысяч литров молока в год. Есть тут и свиноводческий комплекс с четырьмя тысячами породистых свиноматок, что позволяет получать и выращивать в год по 75 тысяч поросят на убой.

Короче: на первый взгляд это обычное высокоотарное многоотраслевое хозяйство, которых и у нас в стране найдется немало. Его нестандартность постигаешь постепенно, когда начинаешь более подробно знакомиться с тем, КАК тут ведется производство сельскохозяйственной продукции и КАКОВ ее дальнейший путь к потребителю.

Гордость комбината — индустриальная система выращивания кукурузы, разработанная здесь в 1972 году и получившая название «Байя». Сейчас по этой системе только в Венгрии выращиваются, кроме кукурузы, пшеницы, люцерны, подсолнечник и различные сочетания растений на площади 200 тысяч гектаров примерно в 160 хозяйствах страны.

В чем суть этого метода? Образно говоря, в том, что от посева до уборки урожая, даже переработки его кукуруза минует человеческие руки. Система «Байя» не только рекомендует наиболее оптимальный подбор сельскохозяйственных машин, последовательно проводящих все операции по выращиванию и уборке кукурузы, но и разрабатывает в зависимости от качества и особенностей полей технологические графики ведения работ. В них труд механизаторов расписан не по неделям, даже не по дням, а по часам. В них все выверено, взвешено, учтено. Точно соблюдай советы — будешь с урожаем.

Понятно, что важную роль система «Байя» отводит семенам. Кукурузе комбинат отдал половину зернового клина (другая — под озимой и яровой пшеницей), причем выращивается она на фуражное зерно и гибридные семена. Те хозяйства, что внедряли у себя систему «Байя», могут купить у комбината высококачественный посевной материал. Ежегодно он поставляет на венгерский и иностранный рынки более десяти тысяч тонн семян зерновых культур.

Так что комбинат не ограничивается просто рекомендациями, как растить кукурузу, но подкрепляет их семенным фондом, за который несет ответственность.

Впрочем, понятие «рекомендация» в данном случае не совсем точно. Это скорее вошедший ныне в моду и силу вид услуг, который во внешнеотроговых отношениях называется «ноу-хау»: «знаю, как».

Байский комбинат знает, как выращивать кукурузу индустриальным методом, и его знания являются таким же товаром (без кавычек), как и другая его продукция, которую покупает потребитель.

Разумеется, делает это комбинат не бескорыстно. Но, как говорят англичане, хороший учитель дорого стоит. В педагогических же способностях и знаниях «Байи» сомневаться не приходится. Некоторые хозяйства, используя его систему, вдвое увеличили урожай кукурузы, доведя его до девяноста — ста, даже ста десяти центнеров с гектара. За такое не грех хорошо уплатить. Метод перешагнул границы Венгрии, с успехом опробован

и внедрен в отдельных хозяйствах Молдавии, Болгарии, сейчас его осваивают Мексика и некоторые другие страны.

Таким образом, выращенная на продажу семенная кукуруза часто не становится для комбината товаром в чистом виде. Вместе с отработанным технологией выращивания этой культуры зерно превращается в средство производства, которым торговать гораздо выгоднее, чем простым сельскохозяйственным сырьем.

Да и фуражное зерно не уходит с комбината, а «работает» тут же. Из него на собственном заводе, добавив необходимые компоненты, изготовят сбалансированные комбикорма для своих же животноводческих ферм.

Солидный доход приносит комбинату виноградарство и садоводство.

В течение многих лет здесь подбирали и выращивали такие винные сорта винограда, которые дают высокий урожай и вместе с тем позволяют применять современную технику при обработке плантаций и комбайны при уборке зрелых ягод. Виноград на своем же заводе перерабатывается на белые и красные вина, которые пользуются спросом и в Венгрии и за рубежом.

Садоводство комбината также отпрофилировано с учетом рыночного спроса. На поливных землях здесь выращивают хорошо известные у нас зимние сорта яблок «Джонатан», «Гольден», «Старкен», а также грецкие орехи, абрикосы, сливы, зимние груши. После сбора они хранятся в холодильнике, вмещающем двести вагонов. Отсюда они в течение осени, зимы и весны будут постепенно отгружаться потребителю, который таким образом в течение всего года сможет иметь свежие фрукты.

Область Бач-Кишкун — побратим Крыма. А побратим Байского комбината — один из крымских совхозов. Делегации обоих хозяйств регулярно посещают друг друга, поэтому хорошо осведомлены о взаимных успехах и проблемах, и мои собеседники отлично понимали, почему именно к животноводству приезжающие из Советского Союза гости проявляют столь повышенный интерес. Не удивились они, когда и наш разговор, изрядно потоптавшись по смежным темам, в конце концов пришел к тому же.

— В прошлом году, — сказал Йозеф Шейд, — в Венгрии было выращено на убой более одиннадцати миллионов свиней: больше, чем по одной свинье на каждого венгра. Так что хватило мяса и себе и на экспорт осталось.

Дополню слова партorgа статистикой. Кроме свиней, в тот же год венгры вырастили много крупного рогатого скота, кур, гусей, индюшек, уток. Производство мяса в убойном весе достигло 186,5 килограмма на душу населения. Потребила же за год эта «среднестатистическая душа» только 70. Кроме этого, были еще молоко, яйца, масло и молочные продукты. Естественно, избытки были реализованы на внешнем рынке, и вырученная валюта пошла на оплату товаров, в которых Венгрия испытывает нужду.

Но это, так сказать, общая, глобальная картина. Комбинат в Байе является ее крошечным фрагментом, который можно внимательно рассмотреть, «пощупать», понять, как и откуда начинается валютный поток, идущий в государственную казну, где рождаются высококачественные животноводческие продукты, которые на венгерском прилавке не являются дефицитом.

А начинается мясной конвейер в поле.

Йозеф Шейд сказал:

— Мы гордимся, что в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС Леонид Ильич Брежнев дал высокую оценку опыту венгерских сельских тружеников в производстве продовольственных продуктов. Мы в Байе уверены, что Генеральный секретарь ЦК КПСС имел в виду и наш комбинат. Честно говоря, особых секретов у нас нет: успехи животноводства — в кормах. А у нас их достаточно.

Опять обращаюсь за помощью к статистике. В 1978 году, когда в нашей стране был получен самый высокий за всю историю урожай зерновых (237,4 миллиона тонн), производство зерна на душу населения у нас составило 865 килограммов, в США — 1165, в Венгрии — 1249. Причем в структуре зерновых

фуражным культурам здесь отдано предпочтение. Так что базис у животноводства прочный.

Свинина в Байском комбинате, как и кукуруза, выращивается индустриальным методом, на современном животноводческом комплексе, где высокий уровень механизации, подбор кормов и так далее позволяют получить наибольшую продукцию на затраченные труд и средства. В том, насколько рационально и эффективно ведется здесь и эта отрасль хозяйства, убеждали, между прочим, не сводные гигантские цифры, а мелочи, детали.

Мы побывали в гостях у комсомольцев мясокомбината, который расположен на окраине города. Небольшое, опрятное, просто с иголочки предприятие совершенно не походило на привычную бойню: ни огромных загонных для скота, ожидающего своего печального конца, ни специфического запаха. Со стороны оно походило, пожалуй, на небольшой машиностроительный заводик.

Но внутри эта крошка так плотно набита разнообразной (венгерской и импортной) техникой, что за год успевают перерабатывать на мясо, сосиски, окорока, ветчину, корейку, колбасу 220 тысяч свиней по 110—120 килограммов каждая. Предприятие вступило в строй всего два года назад. Большинство из его 800 работников — молодежь. Главная особенность мясокомбината — это первое в Венгрии предприятие подобного типа, построенное на кооперативных началах. Его акционерами (воспользуемся этим термином, хотя в Байе говорят: кооператорами) стали близлежащие четыре госхоза, двенадцать сельскохозяйственных кооперативов и мясной трест. Каждый внес свой денежный пай, согласно которому в конце года получает свою долю в подлежащих разделе сорока процентах прибыли.

Однако не только ради этой прибыли акционеры решились на строительство завода. Все они в той или иной степени занимаются свиноводством. Раньше выращенных животных сдавали на государственный мясокомбинат, мощностей которого не хватало для их быстрой и своевременной переработки. Хозяйства да и предприятия много теряли оттого, что скот переставал в ожидании своей очереди, снижал оптимальные кондиции, что, естественно, отражалось на себестоимости вырабатываемой продукции.

Теперь решение этих проблем упростилось. Текущей работой завода руководит администрация, а общую стратегию вырабатывает совет директоров, куда входят представители акционеров. Такая тесная связь производства свинины с ее переработкой позволяет быстро, гибко и, главное, квалифицированно и эффективно решать все возникающие вопросы. А их немало. Продукция завода идет на внешний и внутренний рынок. Хотя импорт осуществляется через внешнеторговую организацию «Теримпекс», совет директоров постоянно знает о конъюнктуре, складывающейся на рынке мясных товаров, колебания цен на тот или иной вид продукции и реагирует на это очень оперативно.

Но возможны и более радикальные меры. Когда завод решает резко изменить структуру выпускаемой продукции, он может изменить состав выращиваемого на забой поголовья. Достигают этого скрещиванием, подбором кормов и другими мерами, в чем венграм опыта не занимать. Сделать все это позволяют все те же предельно упрощенные взаимоотношения между теми, кто выращивает свинину, и теми, кто ее перерабатывает, предельно сокращенные расстояния между фермами и мясокомбинатом. И, разумеется, взаимная заинтересованность в конечном результате.

Мой рассказ о Байском сельскохозяйственном комбинате совсем не случайно вдруг свернул в сторону мясокомбината: десятую часть тех семисот миллионов форинтов, что ушли на строительство завода, предоставил сельхозкомбинат, он же выращивает и третью часть свиней, что тут перерабатываются.

Вот ведь где закончилось свой трудовой путь кукурузное зернышко, брошенное по весне в землю механизатором комбината. Ухоженное, взращенное, оно превратилось сначала в корм, потом в свинину, а под конец в натертый огненной паприкой шпиг, ветчину со слезой, салами, сосиски, к которым уже ничего ни

прибавить, ни убавить, — остается потреблять.

Каждого, кто знакомится с животноводством Венгрии, поражает высокая товарность личных крестьянских хозяйств. На приусадебных участках выращивается половина свиней, сорок процентов кур, получается семьдесят процентов яиц. Зная размеры приусадебной земли, этим результатам поражаешься, и сам собой напрашивается вопрос: как это делается? Как частники ухитряются успешно конкурировать с высокомеханизированными госхозами и кооперативами?

— Но они не конкурируют друг с другом — сотрудничают, — объяснили в Байе. — К тому же не совсем правильно называть такого крестьянина частником.

Хотелось посмотреть своими глазами.

— Нет ничего проще, — ответил все тот же Йозеф Шейд. — 15 тысяч комбинатских свиней выращивается в приусадебных хозяйствах окрестных сел. Давайте заглянем к кому-нибудь, кто живет поближе.

Минут через пять наша машина остановилась перед калиткой обычной крестьянской усадьбы с небольшим садом, огородом, но без дома. Практически мы даже не выехали из Байи. В последние годы город чуть-чуть разросся и слился с соседним селом, так что на прежней «нейтральной» полосе образовалось нечто сельско-городское: высокая трава у обочин, в земле копошатся куры, за заборами хрюкают свиньи, наливаются соком черешни и совсем рядом стоят городские панельные пятиэтажки.

Нас встречает хозяйка усадьбы Иштвана Шарош, еще довольно молодая и приветливая женщина. Оказывается, она здесь не живет. Ее муж, шоферу комбината, на производстве дали квартиру в том панельном доме метрах в четырехстах отсюда — видите? — а на этой чьей-то бывшей усадьбе у них свиноводческая «ферма». В двух легких загончиках с крышей спали, ели, пили воду, играли пятьдесят два розовых, чистеньких, ухоженных подсосунка пуда по два. И поросят и комбикорма для их откорма Шарошам предоставил сельхозкомбинат. В его бухгалтерии в специальной карточке указана стоимость этого молодняка и полученных кормов. Когда животные достигнут убойного веса и комбинат пришлет за ними грузовик, приемщик подсчитает, сколько теперь стоят эти свиньи. Из полученной суммы будут вычтены деньги за корма и молодняка, а остаток и составит заработок Иштвана Шарош. За теплые времена года она успеет откормить две группы животных, примерно 100—105 голов. В прошлом году с каждой головы она получила по 520 форинтов, в этом надеется выручить по 620—670.

— Выгодно?

— Конечно, выгодно. Но это дело требует труда и любви. Так просто ничего не получится. Муж много помогает после работы. Он и автокормушки заправит с вечера и загончики почистит. Ну, а мне и днем хватает хлопот. Свинья уход любит. Чуть замечу, у кого-то из подопечных аппетит пропал, сразу изолирую, начинаю лечить, если надо, укол антибиотиков сделаю.

Приусадебным хозяйством Иштвана занялась не случайно. У нее неважное здоровье (даже получает небольшую пенсию по болезни), и работать на производстве с жестким графиком полный рабочий день ей не по силам. А вот ковыряться в своем хозяйстве, не особенно перегружаясь, задавая приемлемый ритм, она может. Тем более что тяжелые операции выполняет муж.

В общем, выгодно ей, комбинату, стране.

Частник она? По-моему, нет. Это скорее рабочий-надомник. Комбинат предоставляет средства производства и оплачивает труд согласно количеству и качеству выработанного продукта. Может быть, тут не совсем точно использованы политэкономические термины, но смысл передан верно.

Такой метод ведения приусадебного хозяйства способствует более полной трудовой занятости населения, позволяет вовлечь в общественное производство и использовать такие ресурсы рабочей силы, которые при другом способе не могут быть освоены. У молодой матери, пенсионера, домашней хозяйки за день всегда наберется несколько свободных часов, которые можно таким обра-

зом использовать в общественном производстве.

Еще одна деталь, которая произвела впечатление при знакомстве с Байским сельскохозяйственным комбинатом. Сложная, многоотраслевая конгломерация этого предприятия включает, помимо всего прочего, еще и ресторан с винным погребком. Город посещает масса туристов, и, естественно, комбинат захотел получить свой доход и с этого обстоятельства. Но я не о том. В ресторане и погребке подают вина, фрукты и все, что положено для закуски, только своего собственного производства, причем сработанное не специально для такого случая, а самое обычное, что поступает в продажу и в соседний магазин. Это ли не лучшая иллюстрация того, сколь законченной, готовой к потреблению становится вырабатываемая здесь сельхозпродукция!

А в завершение несколько цифр: в прошлом году коллектив комбината произвел продукции на 1 миллиард 350 миллионов форинтов. Чистая прибыль составила сто десять миллионов. Чтобы получить примерный эквивалент в наших рублях, разделите эти суммы на пятнадцать. Как видите, хорошо работать выгодно.

На центральной площади Байи стоит памятник уроженцу этого города, который в прошлые времена совершил пешее кругосветное путешествие: каменный пилигрим с посохом в руках шагает по каменной полусфере, обозначающей земной шар. Байский комбинат превратил стилизованный рисунок памятника в свой товарный знак, и теперь шагающий человечек на этикетках винных бутылок, консервов, ветчины, на мешках с семенами отправляется в свои очередные путешествия по планете. Его змялкам, конечно, виднее. Но, на мой взгляд, не ходок на сверхдлинные дистанции, а труженик-крестьянин лучше всего олицетворяет этот район Южной Венгрии.

ВЫ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ? У ВАС ЕСТЬ ДЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ? ПОМОЖЕМ!

Решение о создании Объединения творческой молодежи ЦК ВКСМ принял 4 декабря прошлого года. Функционировать оно начало 1 февраля 1981 года. Так что, какую дату ни прими за день рождения, возраст у организации все равно младенческий. И как положено в таком возрасте, сейчас она переживает период становления, поиск самой себя, определяет, так сказать, свое место в окружающем мире, свои задачи, круг прав и обязанностей во взаимоотношениях с другими организациями, ищет пути к более полной реализации возможностей, которые в ней заложены, чтобы оправдать надежды не только ее учредителей, но, главное, тех молодых талантов, которые нуждаются в помощи.

Мне показалось закономерным, что директором объединения стал тридцатидвулетний инженер Дьердь Мароши. Семь лет назад он окончил факультет автоматики Московского института химического машиностроения. Молодым специалистом работал на монтаже венгерского оборудования на химическом заводе в западногерманском городе Зигель. Потом трудился в одной из венгерских организаций, занимавшейся закупкой оборудования для газопровода Оренбург — Западная граница. Это была работа не столько инженерного, сколько экономического характера, так как каждый день приходилось сравнивать технические параметры оборудования с ценой, высчитывать его эффективность и на этой основе давать рекомендации о закупках.

Когда строительство газопровода было завершено, Дьердь перешел в систему Госкино, где в отделе внешних сношений ему приходилось заниматься решением ряда экономических вопросов, а также пробовать свои силы в литературном творчестве. Короче говоря, шесть лет самостоятельной работы были для Мароши поиском своего призвания. Когда настал момент сделать окончательный выбор профессии, Дьердь решил, что лучшим применением его знаний и опыта будет труд патентного адвоката, специальность, требовавшая

экономических, юридических и технических навыков, а также понимания движущихся пружин творческого поиска. Все это ему было знакомо, оставалось только сменить место работы. В это время ЦК ВКСМ как раз приступил к созданию Объединения творческой молодежи и подыскивал подходящую кандидатуру на должность директора. Друзья Мароши, работавшие в комсомоле, порекомендовали его. Так Дьердь стал директором новой организации со штатом в двенадцать человек и капиталом в десять миллионов форинтов, которые поровну были предоставлены Венгерским госбанком развития и Центральным Комитетом ВКСМ.

Создание Объединения творческой молодежи не было случайным делом. Жизнь подсказывала, что необходима организация, которая могла бы стать заинтересованным посредником между молодыми талантами и производством, организация, способствующая реализации новых технических идей, внедрению изобретений, рационализаторских предложений, разработанных молодыми рабочими, инженерами, служащими. Другими словами, нужна была организация, которая способствовала бы более полному раскрытию каждой творческой личности и вносила свой вклад в решение каких-то конкретных задач, стоящих перед народным хозяйством страны. С самого начала было решено, что объединение должно быть в известных пределах хозяйственной организацией, которая, не гоняясь за максимальной прибылью, тем не менее должна покрывать свои собственные расходы, дабы не становиться нахлебником ни у государства, ни у комсомола.

Полгода для такого нового, выросшего почти на голом месте дела — срок, конечно, небольшой. Даже предварительные итоги подводить рано. Но некоторые реальные результаты уже есть, и они позволяют судить если не о стратегии будущей работы, то хотя бы о тактике.

— Первым делом, — рассказывает Дьердь Мароши, — мы решили заявить о себе, то есть сообщить предприятиям, которые имели «узкие» места, и талантливым молодым ребятам, которые могли бы в этом деле помочь, что существует организация, которая согласна стать квалифицированным посредником между «спросом» и «предложением». Выступили по радио, телевидению, опубликовали соответствующие статьи в печати. И вскоре к нам стали поступать не только конкретные предложения о каких-то новых конструкциях, разработках и прочем, но и не менее конкретно сформулированные просьбы помочь в том или ином вопросе.

— Например, какие, Дьердь?

— Поначалу мы предлагали, что домо-рошенные Эдисоны завалят нас фантастическими проектами вечных двигателей. Оказалось, что большинство людей мыслит вполне практично и здраво. А один из первых сделанных нам «заказов на идею» выглядел вообще до предела заземленным. Дирекция завода молочных продуктов из города Вац попросила разработать оптимальную схему снабжения молоком и молочными продуктами города и его окрестностей, чтобы можно было с наименьшими затратами на автотранспорт добиться наиболее быстрого и бесперебойного снабжения покупателей свежим молоком и молочными продуктами.

Для решения этой задачи мы объявили конкурс, в котором пригласили участвовать нашу творческую молодежь. Наиболее экономичное эффективное решение предложила группа из пяти инженеров. Оно было принято заводом, который обязался выплачивать разработчикам в течение трех лет по восемь процентов от годового экономии, полученной в результате внедрения их предложения.

Честно говоря, премия эта оказалась не столь уж значительной — тридцать тысяч форинтов, но для самих разработчиков важны были не столько деньги, сколько сознание того, что их работа дала реальный, осязаемый результат. Для нашего же объединения эта работа означала конкретный выход на рынок технических идей.

— Как вы поступаете, когда требуется (или

**ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ПОБЕДЫ
В БУДАПЕШТЕ.**

**НАРОДНАЯ ХУДОЖНИЦА
СВЕТЕК АНТОЛНЕ
ПРОДОЛЖАЕТ ТРАДИЦИИ
КАЛАЧСКИХ МАСТЕРИЦ.**

предлагается) не решение какой-то проблемы, а осязаемая конструкция, изобретение, так сказать, материального порядка?

— Снова приведу конкретный пример. Индустриальный кооператив из города Сорваш попросил разработать игрушку, которую он мог поставить на производство.

нии всяких юридических вопросов. Только после этого предложили игрушку со всей необходимой документацией кооперативу, который ее принял и уже приступил к производству.

— Следовательно, объединение творческой молодежи не просто познакомило автора изобретения с теми, кто в дальнейшем будет выпускать это изделие, но и вложило немало труда и сил в доведение идеи до нужных

— Вы рассказали о случаях, когда спрос рождал предложения. Бывает наоборот?

— Чаще всего как раз так и получается. Нам шлют массу разных предложений — только успевай разбираться с ними, посылай на экспертизу. Явную чепуху отвергаем. Дельное либо просим доработать, либо сразу ищем, кому предложить для производства. Нынешний год Организация Объединенных Наций объявила Годом ин-

валидов. Мы предложили молодым изобретателям откликнуться на этот гуманный призыв. Комсомольско-молодежная бригада одного из машиностроительных заводов предложила идею: нужно наладить выпуск инвалидной коляски, в которой можно было бы подниматься по ступенькам лестницы. И вскоре Иштван Краус, молодой слесарь из Дунайвароша, прислал нам чертежи сконструированной им оригинальной коляски. Сейчас ищем изготовителей.

— Как ведется такой поиск?

— Раз в две недели Центральное телевидение Венгрии ведет получасовую молодежную передачу под рубрикой «Предлагаем на внедрение». Говоря откровенно, это рекламная передача, к которой мы прибегаем в тех случаях, когда, с нашей точки зрения, достойная внимания, испытанная специалистами и экономически обдуманная новинка так и не нашла изготовителей. Мы представляем новинку в готовом виде, объясняем ее устройство, назначение, примерную цену, стараясь одним махом убить двух зайцев: заинтересовать в ней потенциального изготовителя и потенциального покупателя. И часто после таких передач к нам приходят заявки с желанием произвести эту вещь и купить ее.

Спросил я Дьердя Мароши и о ближайших планах объединения.

— В Будапеште пройдет традиционная международная ярмарка, в рамках которой нашему объединению будет предоставлен целый павильон. Мы решили представить там самые разнообразные конструкции, модели машин, различные устройства и приспособления, разработанные, изобретенные, изготовленные молодыми умельцами Венгрии. (Некоторые из них, между прочим, были представлены на выставке

При этом кооператив выдвинул довольно жесткие требования: чтобы игрушка имела хороший спрос, чтобы ее можно было производить на том оборудовании, что уже имелось у кооператива, чтобы чистая прибыль составляла не менее 20 процентов, а само производство заняло образовавшийся в том округе избыток рабочей силы.

Мы ознакомили с этим запросом известных конструкторов игрушек, художников-дизайнеров, работающих в этой области, и из всех их поступивших предложений выбрали детский ткацкий станок, потому что торговые организации гарантировали ему хороший сбыт. Приняв конструкцию, наше объединение запатентовало ее, чтобы защитить авторские права создателей и не потерять возможность выгодного экспорта. Наши специалисты разработали технические условия изделия и технологию производства, а также подготовили чертежи.

Затем мы заключили договор с изобретателями о том, что мы выступаем от их имени и защищаем их интересы при реше-

**ПОТОЧНАЯ ЛИНИЯ
ЗАВОДА «РАБО».**

**БОЛЬШИНСТВО СТРОИТЕЛЕЙ
ПАКШСКОЙ АЭС —
МОЛОДЕЖЬ.**

производственных кондиций. Наверное, все это потребовало расходов?

— Разумеется. Чего стоила нам только реклама будущей игрушки!

— Ну и?..

— Наш труд и затраты являются как бы нашим взносом в общее дело. Тут мы выступаем в качестве заинтересованного лица наравне с автором-конструктором и будущим изготовителем. Интерес этот отнюдь не платонический — шесть процентов от оптовой цены поступит на счет нашей организации (кстати, столько же получают и авторы). Мы подсчитали, что при продаже десяти тысяч ткацких станков в год мы сумеем полностью окупить все наши затраты. Сверх этого пойдет уже чистая прибыль.

**В ДРЕВНЕЙ БУДЕ СТАРИНА
СОСЕДСТВУЕТ С МОДЕРНОМ.**

**ЗАНЯТИЯ
В БАЙСКОМ ИНСТИТУТЕ
ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.**

НТТМ в Москве.) Мы хотим выставить не какие-то эффектные, красивые, но не имеющие практического применения безделушки, а изделия, которые можно внедрить в производство, изготовить и сбыть.

На эту ярмарку придут руководители многих венгерских заводов, а также представители иностранных фирм. Мы надеемся, что наши экспонаты заинтересуют их и они захотят заключить договоры на их производство. Времени осталось мало, и сейчас мы заняты только этим.

— Понятно, Дьердь, что полгода — слишком маленький срок, чтобы полностью отладить работу, за которую взялось объединение. Думаю, у вас есть немало проблем, которые еще предстоит решить. Какие из них вы считаете главными?

— Наше объединение — молодая организация, и опыта решения тех вопросов, которыми она занимается, у нас нет.

Например, в каком направлении должна развиваться наша будущая деятельность? К чему мы должны стремиться в конечном итоге? Творческих, интересных идей к нам приходит много, но не всегда их можно реализовать теми способами, которые мы сейчас практикуем. Где искать новые каналы для их выхода в практику? Не ясно нам, каким кругом предлагаемых идей мы должны ограничиться. Понятно, что не все предложения «молодых гениев» мы можем «купить». Некоторые из них могут оказаться столь сложными, что у нас не хватит ни сил, ни знаний, чтобы их оценить, довести до ума, доработать, передать производству. А где граница, указывающая, в каком

виде мы можем принять предложения, а какой для нас уже непосилен?

И еще. Пока что мы ведем разговор только о сфере производства, а как быть с теми идеями, которые не имеют отношения к материальной стороне жизни людей: оригинальные предложения из области экономики, истории, других гуманитарных наук? Понятно, мы должны помочь молодому ученому, который решил, допустим, проверить какую-то историческую гипотезу. Но из каких средств мы оплатим это исследо-

В этом деле нам очень бы пригодился опыт подобных организаций, которые работали или работают в Советском Союзе.

Шестой пятилетний план, который сейчас осуществляется в Венгерской Народной Республике, предусматривает повышение эффективности народного хозяйства, превращение его в еще более экономичное, экспортно способное, точно реагирующее на изменения внешних и внутренних условий. Решение этой задачи требует от каждого члена венгерского общества личной инициативы, ответственности и гибкости в работе. Вместе со всем народом в достижении поставленных партией целей активное участие принимают комсомольцы и молодежь братской народной Венгрии.

ВЕЧЕРНИЕ СВИДАНИЯ.

вание, если даже успешное его завершение не принесет ни форинта, а только повысит уровень знаний общества в целом?

Но это, как говорится, проблемы отдаленного будущего. Есть у нас и более близкие, насущные. Главная: как можно быстрее доказать нашему обществу, что Объединение творческой молодежи — серьезная и солидная организация, заслуживающая доверие у хозяйственных руководителей и у молодых талантов, которых обуревают разные творческие идеи.

Рисунок Виктора Былинкина.

ОДИН ВЕЧЕР

Лавров приехал в эти края несколько лет назад, но до сих пор не пропало в нем чувство новизны. Странное волнение охватывало его при виде снежных заносов, летних дождей и туманов, при виде влажных сопок или прозрачных горных ручьев. Он любил остров еще там, на материке, и не один раз говорил друзьям, что его форма напоминает ему магнитную стрелку гигантского компаса, а иногда — корабль или глубинную рыбу с зубастой пастью. Он подолгу рассматривал карты острова, бормоча чуть слышно названия городов и поселков, будто заучивал их наизусть, будто предстояло ему показать кому-то свои знания. Все его друзья знали о том, что он собирается на остров, Лавров не один раз обсуждал с ними детали своего отъезда, показывал письма, которые получал из далеких портов и рыбокомбинатов в ответ на свои запросы, и поэтому, когда, наконец, наступил день отъезда, все были слегка удивлены и посрамлены в своем неверии.

Лавров хорошо помнил день, когда он сел в самолет. Это было тихой сырой осенью. Да, в том городе, откуда он уезжал, была осень. Шел мелкий дождь, и взлетная полоса блестела, как большой проспект, с которого вдруг исчезли дома, деревья, памятники. Осталась только прямая мокрая дорога, в которой отражались серые громады самолетов. По их клепаным бокам, будто покрытым гусятиной кожей, рывками стекали капли дождя. Здесь, на земле, самолеты казались Лаврову чужими и неуклюжими. Он подумал о том, что самолеты, наверно, ждали, пока маленькие, светлые люди закончат возню вокруг них и им можно будет освободенно и восторженно оттолкнуться и уйти к себе, в тяжелое, сырое небо. Эта мысль понравилась ему, и он окинул самолеты взглядом сочувствующим и добрым.

Потом, когда наступили сумерки, объявили посадку. Лавров медленно и отрешенно прошел через летное поле, ступая по бетонным плитам, по мелким морщинистым лужам, по листьям, занесенным с деревьев, окружающих аэропорт. Листья эти казались Лаврову выцветшими, они лежали на бетоне бледные и размокшие. А сам себе он показался в этот момент значительным и печальным. Он оглянулся, прощально помахал друзьям, которые должны были стоять где-то там, среди огней аэропорта. Лавров даже улыбнулся им, чуть склонив голову к плечу. Ничего, дескать, не переживайте, я вернусь...

В свете прожекторов тускло поблескивало брюхо громадного самолета. Концы провисших крыльев скрывались где-то в тумане. И конца очереди у трапа тоже не было видно. Вереница людей, казалось, шла через поле, выходила на шоссе и тянулась, тянулась до самого города, будто к трапу выстроилось все его население, будто объявление о посадке прозвучало не только в аэропорту, но и в домах, на заводах, улицах...

Уже поднявшись по трапу, Лавров еще раз оглянулся и, хотя, конечно же, не увидел никого из знакомых и вообще не увидел в тумане ни одного человека, не удержался и помахал рукой. А минут через десять по телу самолета пробежала нетерпеливая дрожь, он дернулся, пронесся по полосе, оттолкнулся и, будто успокоившись, ушел в туманную высь. Где-то внизу, под маскировочной сеткой дождя, текла широкая река, теплелись огоньки бакенов, катеров, барж. Через несколько минут показались звезды. Самолет продолжал набирать высоту.

Откинувшись в кресле, Лавров закрыл глаза и понял, что он взволнован, что этот день, этот полет, это мерцание звезд в иллюминаторе, холодный лунный блик на крыле самолета он запомнит навсегда, все это войдет в него и останется в нем. И, помимо всех прочих впечатлений, он отныне будет жить еще и этими необычными, тревожными впечатлениями сверхдальнего полета.

В Москве стоял мороз, и прозрачная поземка мела по бесельным плитам аэропорта. В ночном воздухе самолеты уже не выглядели угрюмыми существами из другого мира. Они сверкали разноцветными огнями, будто приглашали к празднику. И в душу Лаврова закралась робость, боязнь оплошать, не оправдать собственных надежд. И в то же время, глядя на себя как бы со стороны, он был рад за себя, гордился собой. И жесты, походка, взгляд невольно становились усталыми и значительными.

В темном, промерзшем автобусе Лавров доехал из Внукова до Домодедова, и там на него сразу донхнуло просторами, которые измерялись тысячами километров, сутками перелетов, часовыми поясами. И опять самолет рванул в небо, раскаляясь и дробя мерзлый воздух. Москва, будто плоская галактика, качнулась и ушла в сторону, уменьшаясь и теряясь среди звезд.

Ночь кончилась неожиданно быстро, а утром внизу медленно проплыли заснеженные горы Урала, замерзшие болота Западной Сибири, днем он видел горы Восточной Сибири, похожие в лучах холодного солнца на розовую

скомканную бумагу. Потом незаметно приблизился Дальний Восток, сумрачный и туманный. Неожиданно кончились облака, будто отшатнулись назад, к материку, а под самолетом оказалась пустота, от одного вида которой сжималось сердце и метался по груди испуганный холодок. На дне провала колыхалось море. Это был Татарский пролив. Едва достигнув его середины, самолет начал снижаться, и вскоре у самого горизонта показался клубящийся туман остров. Самолет качнулся, наклонился на одно крыло, Лавров судорожно схватился за подлокотники, а сердце его учащенно и радостно напомнило о себе.

А потом прошло несколько лет, и Лавров уже считал себя знатоком этого края и относился к нему по-прежнему с восторгом. Попадая в новые места, волновался почти как раньше и ценил в себе это волнение. Когда оно не приходило, старался вызвать его в себе усилием воли и воспоминаниями о том давнем перелете сюда, который так круто изменил его жизнь. Лавров полагал, что тот перелет изменил и его самого. Сомневаться в этом у него не было оснований, и он все чаще представлял себе, как удивятся его прежние друзья, увидев его бывалым и раскованным...

Лавров прибыл в Невельск под вечер, и городок сразу понравился ему. Выйдя из вокзала, он оказался на чистой узенькой улочке, доверху наполненной розовым закатным светом. Попадая в портовые города, Лавров всегда первым делом шел к морю. Без цели, без заранее принятого решения он, сам того не замечая, в день приезда обязательно оказывался на берегу. А последние годы, куда бы ни забрасывала его судьба, где-то рядом, в двух шагах неизбежно слышался шум волн.

Старые балки, утыканные ржавыми болтами, каркасы разбитых лодок, остатки деревянных ящиков, пустые железные бочки, ворочающиеся в волнах недалеко от берега, — все это нравилось ему и волновало его. Даже запах, сильный запах соленых водорослей казался необычным, тревожным. Лавров жадно вдыхал розовый воздух, думал о том, как все-таки здорово, что он попал сюда, и не спешил уходить.

Широко расставив сильные ноги, сунув руки в карманы брюк, развернув плечи, плотно обтянутые тонким белым свитером, он подставил лицо ветру, и ему казалось, что это не ветер, а солнечные лучи перебирают его волосы. А рядом шуршали волны, и хотя все они были одинаковы, он знал, что справа — Татарский пролив, а слева — Японское море.

Потом к берегу причалила небольшая лодка, и несколько мальчишек принялись возиться в ней с чем-то. Лавров подошел ближе и увидел двух громадных розовых осьминогов. Мальчишки хотели выгнать их из лодки, но стоило им оторвать от скамейки или борта одно щупальце, как осьминог тут же присасывался остальными. Присосавшись от досок к влажному чмоканью. Когда, наконец, осьминогов выбросили на песок, вокруг уже стояла толпа, и ребята быстро продали чудовищ корейцам, которые радостно унесли их в помятых ведрах. Корейцы были по пояс голые, и изогнутые от тяжести позвоночника четко выделялись на их смуглых, мускулистых спинах.

Лавров уже представил себе, какой праздничный ужин получится сегодня у корейцев, вспомнил, как ему впервые пришлось попробовать мясо осьминогов, и в этот момент прозвучали слова, которые вроде бы его никак не касались, но все-таки заставили обернуться.

— А ведь какая была собака! — сказал хриплый и насмешливый голос.

Позади стояли два парня и в упор разглядывали его. Оба были невысокие, один какой-то тощий, узкоплечий, а второй — покрупнее, массивней. Что-то в этих парнях настаивало. Тревога шевельнулась в душе Лаврова, чаще заработало сердце, чуть отхлынула кровь от щек. Он стоял все так же независимо, свободно, но ладони в карманах неожиданно взмокли.

Солнце ушло за водный горизонт, стало прохладнее. Волны как-то незаметно сделались лиловыми, потом синими и наконец приобрели фиолетовый оттенок.

— Помнишь Злодея? — услышал Лавров, но не оглянулся, хотя понял, что обращаются к нему. Нарочито медленно повернувшись, он хотел уйти, надеясь, что все обойдется, что растущее чувство опасности ложное и что на самом деле все отлично. Но ему загородили путь. Парни смотрели на него спокойно и удовлетворенно, будто долго искали его, даже потеряли надежду найти, но тут им повезло.

— В чем дело, ребята? — спросил Лавров и сразу понял, что вопрос прозвучал заискивающе, слишком уж благожелательно.

— Слышь, Коля, он спрашивает, в чем дело, — сказал тот, что поменьше, и улыбнулся. У него были отменно белые, но редкие зубы. — К нему как к человеку

обращаешься, вопросы задаешь, а он ведет себя последним хамом. Не нравится он мне, Коля, нехороший он человек.

— Первый раз такого вижу, — ответил Коля и тоже улыбнулся, не разжимая губ.

— А кое-кто хорошо его знает, дело с ним имел и еще раз не прочь встретиться... Коля, ты не знаешь человека, который хотел бы с ним встретиться?

— Как же, Славик, знаю, хорошо знаю.

— Кончайте, ребята, — сказал Лавров. — Мне идти надо.

— Вот видишь, Коля, на вопросы не отвечает, разговаривать не хочет, другом нашим пренебрегает... Нет, нехороший он человек.

В тот момент, когда, сделав резкое движение, Лавров шагнул вперед, ему подставили ножку, и он с размаху упал в мелкую лужицу, затянутую подсохшей тиной. Все еще пытаясь сохранить достоинство, он поднялся и решительно повернулся к парням. Тощий Славик стоял в сторонке, поигрывая куском жареной трубы, а Коля так и не вынул рук из карманов.

— Может, вы скажете, что вам нужно?

— Видишь, Коля, он не знает никакой собаки.

— Не помнит.

— Во-во, не помнит. Много, видно, собак встретилось ему на жизненном пути, всех даже и запомнить не смог.

— С памятью худо у него... Отшибли, видать.

— Ну ничего, Коля, не может быть, чтобы все отшибли, кой-чего и на нашу долю осталось.

— Осталось, Славик. Надо только руки приложить.

Толпа, стоявшая здесь совсем недавно, разошлась, берег и море были пустынными, потянуло сыростью, с сопок бесшумно пополз туман, и Лавров невольно передернул плечами. Где-то корейцы разделявали осьминогов, обсуждали удачный улов мальчишки, расходились по домам случайные прохожие.

Гнилые деревянные балки, ребра старых лодок уже не казались Лаврову такими красивыми и волнующими. Теперь это были равнодушные и молчаливые свидетели его смерти. И как только в его сознании мелькнуло это слово — «смерть», Лавров вдруг до ужаса ясно представил, как завтра утром возле разбитых ящиков его обнаружат лежащим виз лицом на мокром песке, видел, как мальчишки найдут его, как снова соберется толпа...

— Смотри, Коля, а ведь он обиделся на нас, — сказал Славик.

— Из обидчивых, значит.

— А знаешь, он и ударить может... Глянь, какие глаза у него сердитые.

— Не ударит, страшно ему.

— Ребята, — сказал Лавров и удивился своему голосу, таким он показался ему тонким, почти визгливым. — Ребята, я только сегодня приехал... Вы меня с кем-то путаете... Понимаете, я только успел в гостиницу...

— Понимаем, как не понять... А ведь я верю ему, Коля, правду он говорит, что приехал сегодня, иначе бы мы давно его встретили.

— Ребята, посмотрите, вот мой билет... Железнодорожный.

— Убери, — коротко сказал Коля. — Так ты вспомнил?

— Кого, ребята?!

— Злодеем которого звали.

— Злодеем?!

— Вспомнил, значит. Вот и хорошо. Смотри, Коля, вокруг никого, время идет, чего тнуть... Думаю, уже можно.

— Что... можно?! — не столько спросил, сколько выдохнул Лавров, невольно сделав шаг назад. Он чувствовал, что страх охватывает все его существо, парализует, но ничего не мог с собой поделать. Может быть, в другое время он обратил бы внимание на то, что оба парня, стоявшие перед ним, гораздо слабее его, что он мог бы без особого труда расшвырять их в стороны и уйти. Но Лавров даже не думал об этом. То ли неясное чувство вины, то ли уверенность этих парней, то ли его трусость, о которой он и не подозревал до сегодняшнего дня, считая себя человеком сильным и мужественным, а может быть, все это, вместе взятое, полностью лишило его способности к сопротивлению. Возможно, он вел бы себя иначе, если бы море не было таким черным, если бы огни города были поближе, если бы на берегу показался хоть один человек, хоть мальчишка, старуха, девушка... Но берег был пустынен, море тихо шелестело где-то совсем рядом, а Лавров видел себя уже лежащим на песке...

— Что... можно... ребята? — переспросил он, не услышав ответа.

— Сейчас поймешь. Слушай, Коля, надо бы Леху позвать, а?

— Сами справимся.

— Леха обидится, если мы все без него...

— Не обидится.

— Я бы все-таки позвал Леху, — настаивал тощий Славик. — Я знаю, где он. Тут недалеко...

Лавров не мог больше слушать этот разговор. Изойс силы оттолкнув Колю, в темноте почти чутьем угадав канаву, он перепрыгнул через нее, пролез под какой-то балкой и, не оглядываясь, понесся к домам. Он не знал, гонится ли за ним парни, да это и не имело значения, потому что в любом случае бежал бы как можно быстрее.

— Что с вами? — спросила у него дежурная, когда он, задыхаясь, еле переставляя ноги, вошел в гостиницу.

— А что? Ничего... Все нормально.

— Где это вы так выпачкались?

— А-а... Упал нечаянно. Ничего страшного.

Лавров взял ключ от комнаты и поднялся наверх. Не зажигая света, он тщательно запер дверь и упал на кровать. Он лежал не двигаясь, без мыслей, без желаний. Было только облегчение, что все это кончилось. Не в силах подняться, Лавров пролежал около часа и только потом встал, включил свет, умылся. Открыв дверь, он внимательно осмотрел коридор, вернулся в комнату, закурил. И нервно усмехнулся, заметив, как вздрагивала в пальцах спичка.

Город шел уступами по другую сторону гостиницы, и там сейчас светились окна, сновали машины, прохожие. Далеко в море Лавров заметил несколько слабых огоньков теплоходов. К Лаперузу идут, машинально подумал он и вынул из пачки вторую сигарету.

Что-то заставило его обернуться. И еще до того, как он понял, в чем дело, ужас снова сковал его, сделал громоздким и неуклюжим. И обернулся Лавров так, будто преодолевал страшное сопротивление, будто все его тело было сделано из проржавевшего металла.

Сквозь открытую дверь комнаты при слабом коридорном свете он увидел лицо Славика. Тот улыбался, показывая редкие белые зубы. Дверь открылась шире, и Славик вошел в номер. За ним боком протиснулся Коля и, оглянувшись в коридор, сказал негромко:

— Входи, Леха, здесь он.

И в комнату вошел еще один парень — высокий, с прямыми жесткими

волосами, слегка сутулый. Вошел он как-то неуверенно, будто не хотел идти сюда, но его все-таки заставили. И на Лаврова он посмотрел чуть ли не с извиняющейся улыбкой.

— А ведь и уйти мог, а! — воскликнул Славик, поворачивая ключ в двери. — Запросто мог.

— Куда он уйдет... — протянул Коля и посмотрел на Леху, словно ожидая похвалы.

Тот долго молчал, с недочерчивой улыбкой разглядывая хозяина номера, потом подошел к нему совсем близко и, вынув зажигалку, поднес огонек к сигаретке, которая подрагивала в губах Лаврова. Потом вздохнул, провел устало рукой по лицу и повернулся к своим друзьям.

— Ошиблись вы, Коля. Не он.

— Как не он?! Я же видел его! Тогда еще!

— Ты видел, а я с ним плавал! Не он. Пошли.

И Леха направился к выходу. Но уже возле двери обернулся.

— Ты извини, друг. Ошиблись ребята маленько. Бывает... Ты по специально-сти кто?

— Строитель, — быстро ответил Лавров, еще не зная, как вести себя, как вернуться события.

— Вот видишь, Коля, строитель он. Ты никогда не плавал? — снова повернулся Леха к Лаврову.

— Нет.

— Вот видите, ребята, не плавал он. И не знает даже, что это такое. Ты ведь не знаешь, что это такое — плавать полгода в море?

— Нет. Не знаю.

— Вот видите, ребята... И Злодея он никакого не знает. Это пес у меня был такой. А Злодей — кличка его. До чего умный... Я ему в подметки не годился. Славная была собака, — сказал Леха тихо и уж как-то искренне, будто о брате говорил. — Несколько лет мы вместе ходили на БМРТ, пока один тип не выбросил его за борт. Ночью. Но это был не ты, я сразу понял... Ошиблись ребята. Извини.

— Конечно, что вы! — быстро ответил Лавров. А Леха чуть заметно усмехнулся, услышав обращение на «вы».

— Так вот, тот тип на БМРТ... Трус он был да и человек довольно подловатый... Хотя страшно закаты обожал, на солнце любил смотреть, когда оно в море опускалось, и чтоб ветер волосы ему трепал. Прямо бадел от счастья. Очень он себе нравился, хотя сам был невысокого пошиба. На берегу, в городе, на материке, это не так заметно, а в море — сразу. Люди это видят, понимают, собаки чуют. Вот и мой Злодей того типа раскусил раньше нас всех... Ну, а рыбаки — ребята простые... Как собака на него залает — смех. Так он не придумал ничего лучше, как собаку утопить. По ночам он иногда звездами любовался, вот и выбрал момент... Подлый тип, верно?

Лавров промолчал.

— Правда ведь подлый тип? — повторил свой вопрос Леха.

— Да... Конечно...

— Что «конечно»?

— Подлый... тип... — с трудом сказал Лавров.

— Вот и я говорю. И ребята то же самое говорят. До сих пор. И ты вот тоже с нами согласен... Ведь согласен?

— Конечно.

— Ну, ладно, — удовлетворенно вздохнул Леха. — Идемте, ребята. — И он направился к двери. Но опять остановился. — Слушай, строитель, если ты когда-нибудь выйдешь в море, не вздумай выбрасывать собаку за борт. Не надо. Я, например, никогда не выбрасываю... Собак... За борт. Хотя я знаю некоторых... с которыми стоило так поступать. Согласен? Спрашиваю: согласен?

— Да... да... — выдавил из себя Лавров.

— Ну, будь здоров, — сказал Леха и вышел, уже не оглядываясь.

— Всего, строитель, — попрощался Коля.

— Гарун бежал быстрее лани, — процитировал Славик и аккуратно закрыл за собой дверь.

Лавров бросился было следом, чтобы запереть дверь, но остановился, бессильно опустив руки, как-то опустошенно подошел к окну и опять увидел далеко в море одинокие огоньки судов. Он представил себе, как разрезают они сейчас волны Татарского пролива или Японского моря, как смотрят там ребята на огни проплывающего мимо города, и вдруг невольно на какую-то секунду вновь ощутил в своих руках животное, бьющееся тело собаки, ее протяжный, затихающий, удаляющийся визг, внезапно оборванный слабым невидимым всплеском у высокого борта.

— Помнит, значит, меня Леха, — проговорил он негромко. — Не забыл, значит... Неприятное, гнетущее чувство в душе все росло. Лавров не мог понять, в чем дело. Он походил по номеру, еще раз умылся под краном, словно на руках у него до сих пор была липкая тина, в которую он упал на берегу. Потом он спустился в ресторан, посидел несколько минут за столиком и снова поднялся к себе, не дождавись официанта.

— Противно, — время от времени повторял он. — Противно...

Он уже знал, что в памяти от сегодняшнего вечера останется не розовый свет над морем, не мальчишки, которые так радостно волокли светящихся осьминогов по мокрому песку, и не эти вот слабые огоньки проходящих судов. Запомнится страх там, на пустынном берегу, ощущение тины на пальцах и этот насмешливый, почти забытый взгляд Лехи. Перед собой Лавров не кривил душой и хотя теперь он понимал, что ребята просто-припугнули его маленько, он наверняка знал — страх запомнится.

А с той путини запомнился собачий визг...

— А еще? Что еще?! — почти иступленно спрашивал себя Лавров, прижавшись лбом к оконному стеклу, охлажденному ночным ветром с моря. И было ему очень горько, по-настоящему горько. Он понимал, что если когда-нибудь ему суждено будет вернуться на материк, то от этих лет, от этих мест в душе останется не чистое, возвышающее волнение, не розовый воздух Невельска, не лиловая полоска Японии на горизонте, не горные ручьи Шикотана, заменявшие местным жителям дороги, — останется в душе собачий визг. И от этой мысли такая горечь охватила все его существо, что на свое темное изображение в оконном стекле он посмотрел сочувственно.

В эту ночь ему почему-то снились куры, заколоченные в деревянных ящиках, в которых обычно их возят на базар. Куры кудахтали, перебирали когтистыми ногами, хлопали грязными крыльями и сквозь щели в ящиках смотрели на Лаврова круглыми, немигающими глазами. И были в этих глазах настороженность и ожидание. Они чего-то ждали от него, он знал даже, чего именно, но когда проснулся, вспомнить не смог.

Подойдя к окну, Лавров увидел залитое солнцем белесое море, а невдалеке от берега сивухе — их головы торчали из воды черными пнями.

— Надо же, — сказал Лавров и пошел умываться.

Олег СЛАВИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Я держу в руках сердце. Сердце, сотворенное людьми, а не природой. Два пластиковых мешочка, поблескивающих металлом клапанов.

— Как сделать такое сердце? — Директор Института трансплантологии и искусственных органов Валерий Иванович Шумаков на секунду задумался. — Ну что же, устроим вам экскурсию по институту. Но прежде, наверное, надо сказать, зачем оно нужно, искусственное сердце...

Четвертая часть взрослого населения нашей планеты страдает сердечно-сосудистыми заболеваниями. Это факт, и с ним приходится считаться. Поэтому вполне естественно то внимание, которое уделяют ученые-медики всего мира изучению, профилактике и лечению сердечно-сосудистых заболеваний.

Одной из насущных проблем сегодняшнего дня и является создание искусственного сердца. Насколько она важна, можно судить хотя бы по тому, что для ее решения сочли необходимым объединить свои усилия ученые двух крупнейших держав мира — СССР и США.

Чтобы только подступиться к проблеме искусствен-

ный по конструкции, филигранно отрегулированный, но... все же насос, совершающий около 40 миллионов сокращений в год. Следовательно, материал, предназначенный для создания искусственного сердца, должен обладать огромнейшей механической прочностью, не зная усталости при длительных нагрузках.

Для создания искусственного сердца применяются самые различные материалы — от титановых сплавов и нержавеющей сталей до новейших полимеров. Но, к сожалению, пока ни один из них полностью не удовлетворяет такому наиважнейшему требованию, как предупреждение образования тромбов при длительном контакте крови с внутренними поверхностями искусственного сердца. Наиболее перспективны с этой точки зрения кремнийорганические каучуки, гидрофильные гели и электреты.

На международной выставке «Здравоохранение-80» мне довелось видеть несколько различных конструкций искусственного сердца, созданных сотрудниками института. Не лучше ли отработать одну, наиболее оптимальную конструкцию?

— А какая она, наиболее оптимальная? — удивился Зимин. — Что это вообще значит — создание оптимальной конструкции? На сегодняшний день понятно, что, во-первых, такое сердце должно быть одинакового размера с естественным и уместиться внутри перикарда — сердечной оболочки. Вместе с тем оно должно обладать достаточным объемом предварительного заполнения, который довольно велик — 120—150 кубических сантиметров у каждого из двух желудочков. Во-вторых, по аналогии с естественным сердцем искусственное должно (и это

АВТОМАТ В ГРУДНОЙ КЛЕТКЕ

ного сердца, пришлось провести огромнейшую подготовительную работу. И прежде всего научиться делать операции на открытом сердце, а двадцать — тридцать лет назад хирурги даже морально не были готовы к активному вмешательству в «святыню» нашего организма.

Для рождения реальной конструкции искусственного сердца потребовалось создание принципиально новых материалов — а за ними стоят достижения современной химии, металлургии; новых конструктивных решений — а это широчайшее привлечение последних достижений гидродинамики, прикладной механики; разработка оригинальных приводов для управления деятельностью искусственного сердца — это электроника и вычислительная техника...

— Словом, наука и техника только теперь созрели для решения этой архисложной проблемы. И вот один из первых итогов нашей работы вы держите сейчас в руках. — Валерий Иванович кивнул на сердце в моей ладони.

Проблемой создания такого аппарата советские ученые начали заниматься в 1965 году под руководством академика Б. В. Петровского. Сейчас сотрудники Института трансплантологии и искусственных органов Министерства здравоохранения СССР решают и задачу первого этапа — создание искусственного сердца с внешним приводом, рассчитанного на относительно небольшой срок работы, и перспективную задачу — создание имплантируемого полностью автоматического сердца, которое сможет работать в организме человека многие годы.

Старшего научного сотрудника Николая Зимина я нашел в боксе, где он осматривал подопытную собаку.

— Три дня назад мы заменили ей часть артерий искусственными, — пояснил он. — Только таким образом, в эксперименте, можно проверить, как поведут себя в контакте с организмом те или иные материалы, предназначенные для изготовления сердца...

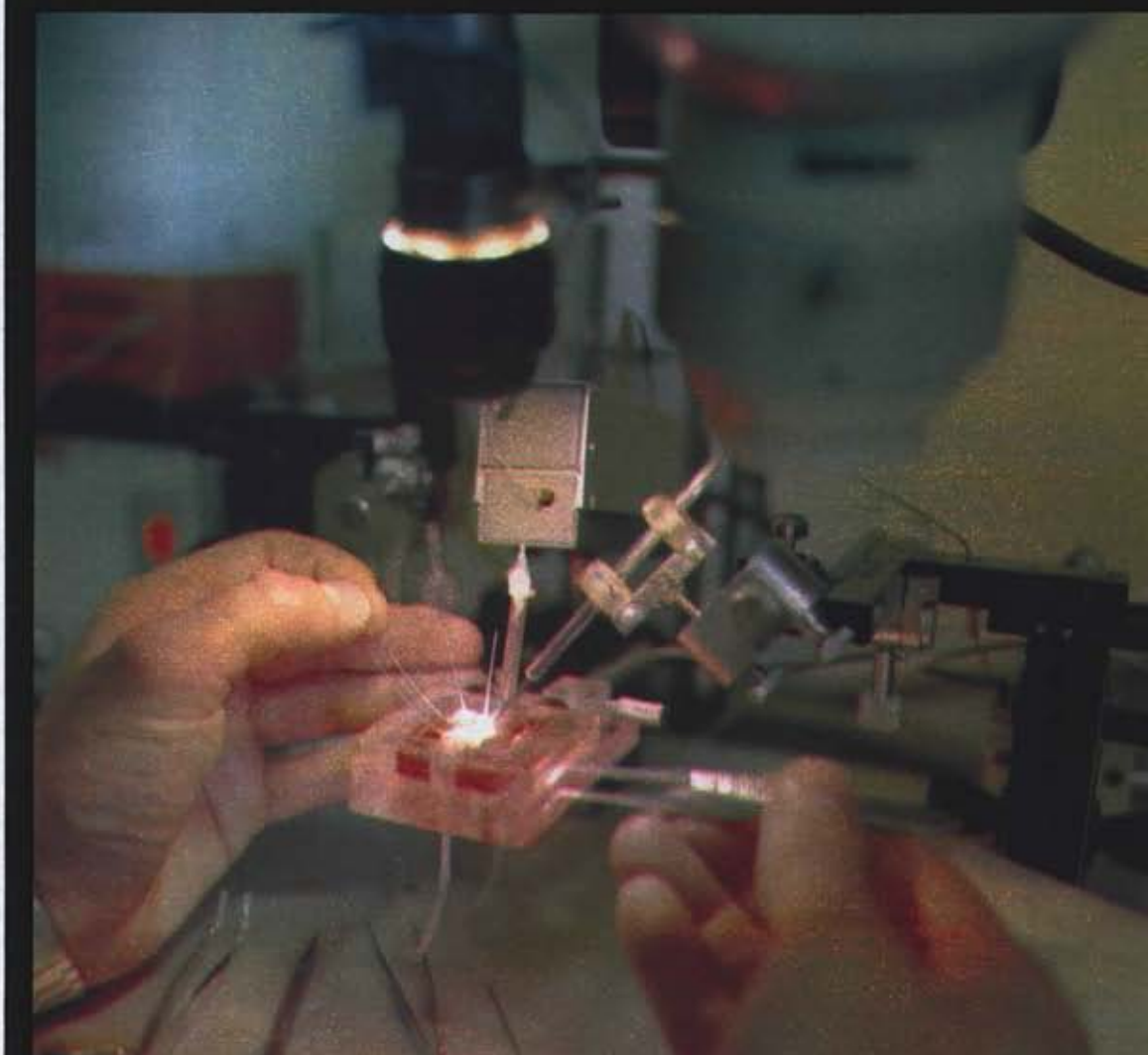
Сердце — это в общем-то насос, предназначенный для непрерывного прокачивания крови через трубопроводы кровеносной системы организма. Совершен-

ВОТ ОНО, ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ. РАЗЛИЧНЫЕ МОДЕЛИ КОТОРОГО РАЗРАБОТАНЫ В ИНСТИТУТЕ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫХ ОРГАНОВ.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ВАЛЕРИЙ ШУМАКОВ
И СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
НИКОЛАЙ ЗИМИН
ВЕДУТ ОПЕРАЦИЮ ПО ПЕРЕСАДКЕ ИСКУССТВЕННОГО СЕРДЦА ПОДОПЫТНОМУ ЖИВОТНОМУ

СЛОЖНАЯ СОВРЕМЕННАЯ АППАРАТУРА ПОЗВОЛЯЕТ ТОЧНО РЕГИСТРИРОВАТЬ ЭЛЕКТРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РАБОТЫ СЕРДЦА.

В ЭТОЙ КАМЕРЕ, СНЯТОЙ ПОД МИКРОСКОПОМ, ИЗУЧАЮТСЯ ТРАНСМЕМБРАННЫЕ ИОННЫЕ ТОКИ СЕРДЕЧНЫХ ВОЛОКОН.

МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ДМИТРИЙ ЧУКАНОВ ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ НАБЛЮДАЕТ ЗА РАБОТОЙ АППАРАТА ИСКУССТВЕННОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ.

подтвердили многочисленные эксперименты) состоять из четырех камер—двух предсердий и двух желудочков, а это значительно усложняет конструкцию насоса. В-третьих, конструкция искусственного сердца, расположение в нем клапанов должны быть рассчитаны таким образом, чтобы в проходящей через него крови не создавались турбулентные потоки, разрушающие красные и белые клетки.

В настоящее время существует несколько видов конструкций—мягкие и твердые. Мягкие удобнее тем, что они по своему виду, составу больше напоминают настоящее сердце, организму легче привыкнуть к нему. Зато жесткая конструкция позволяет вести более четкое управление циклами работы сердца...

Зимин привел меня в лабораторию, где на полках стеклянного шкафа лежали сердца разных конструкций. Здесь же, неподалеку, находились блоки, явно начиненные электроникой.

— Вот здесь вы видите несколько вариантов искусственного сердца,—показал на стеклянные полки Зимин.—А электронные блоки—это системы управления работой сердца...

Сейчас в мировой практике чаще всего применяют две модели искусственного сердца—мешотчатого и диафрагменного.

Первая представляет собой двухстенный мешок. Его наружная стенка—жесткая или полужесткая, внутренняя—мягкая, эластичная. На входе и выходе из внутреннего мешка имеются клапаны. При подаче воздуха или жидкости между стенками такого желудочка внутренний мешочек сжимается, кровь из него выталкивается. При снижении давления между стенками внутренний мешочек расправляется, давление внутри него становится меньше, чем перед входным клапаном, клапан открывается, и желудочек заполняется кровью.

В искусственных сердцах диафрагменного типа выброс крови и последующее заполнение ею регулируются движением мягкой перегородки—диафрагмы. Она перемещается вследствие изменения давления газа или жидкости на ее наружную поверхность. Как и в насосах мешотчатого типа, направленный ток крови обеспечивается работой клапанов.

— Автоматическое управление работой искусственного сердца,—продолжал свой рассказ Николай Зимин,—пожалуй, наиболее трудная и малоизу-

ченная проблема на сегодняшний день. Вы не смотрите, что эти электронные блоки имеют пока столь внушительный вид. Уменьшить их до размеров коробки спичек—это современная микроэлектроника вполне позволит нам сделать. Основная трудность заключается вот в чем. Сердце—один из главных исполнительных механизмов в многоконтурной системе управления, которая обеспечивает непрерывно меняющиеся потребности организма в кислороде. На функции сердца оказывают влияние многочисленные факторы, которые упрощенно можно разбить на внешние (воздействующие по внесердечным каналам управления) и внутренние (зависящие от свойств самой сердечной мышцы). Какие это факторы? Поясню. Вот человек пошел быстрее или стал подниматься по лестнице, начал нервничать или просто вышел из дома на улицу, где температура выше, чем в комнате,—все эти и множество других факторов сразу же меняют ритм сердечной деятельности, изменяют частоту сокращений сердца и его ударный объем—количество крови, выбрасываемой желудочком за каждое сокращение.

Как уследить за всеми этими факторами? Какое количество крови должно перекачиваться по кровеносным сосудам в тот или иной момент времени? Каким именно образом сердце должно реагировать на тот или иной фактор в отдельности и на их совокупность?.. На эти вопросы точного ответа пока нет. И поэтому сейчас принцип управления искусственным сердцем сводится в общих чертах к тому, чтобы, учитывая скорость протекания венозной крови, поддерживать равенство между скоростью притока и скоростью оттока. Чувствительные датчики очень тонко реагируют на состояние организма. Хотите проверить на себе?..

Николай Константинович укрепил на моем пальце маленький зажим с датчиком, и тотчас же в такт моему пульсу замигали неоновые лампочки на пульте.

Система восприняла ритм моего сердца как руководство к действию. Она может поддерживать деятельность искусственной системы кровообращения в точно том же ритме, как это делало собственное сердце больного. И если дать ему некоторое время на отдых, то, бывает, сердце снова полностью восстанавливает свои функции. Но система может работать и по жесткой программе, когда ей приходится брать

лидерство на себя, если собственное сердце пациента поражено аритмией.

...Старшего инженера Александра Дробышева, одного из главных специалистов по изготовлению сердца, мы отыскали у внушительного агрегата.

— Эта машина и помогает нам в изготовлении отдельных частей сердца. С ее помощью мы ведем формовку желудочков, их полимеризацию. Но давайте лучше пройдем по всему технологическому циклу от начала. Допустим, мы с вами решили изготовить сердце из кремнийорганического каучука. Вот тако-го.—Дробышев протянул мне небольшую пластинку белого цвета. На ощупь каучук оказался липким, как сырая резина или даже как пластилин. Мой провожатый достал из стеклянного шкафчика, небольшую форму, напоминающую один из желудочков сердца, и подвел меня к беспылевому боксу.

И вот я приступил к первой технологической операции по формовке сердца. Действительно, каучук под пальцами менял форму наподобие пластилина, так что вскоре мне удалось придать пластинке нужную форму.

— Теперь давайте подложим эту сеточку.—Дробышев протянул мне нечто, напоминающее кусочек тюля.—Эта сетка не растягивается и даст возможность каучуку после полимеризации при высокой температуре неукоснительно сохранять приданную форму, повысит механическую прочность материала...

Так шаг за шагом специалисты и ведут изготовление искусственного сердца. Весь технологический цикл мне сделать, конечно, не удалось. Во-первых, потому, что он включает в себя около сотни операций, многие из которых требуют высокой квалификации и навыков. Во-вторых, кому оно нужно, мое самодельное сердце? Ведь медицина—это как раз та область знания, где каждый шаг вперед требует такой же осторожности, как движение сапера по минному полю...

Вот поэтому-то так долго и ведут специалисты института свои эксперименты только на собаках и телятах. Мне позволили присутствовать на одной из таких операций. Облеченный в стерильный костюм, я наблюдал, как в самой настоящей операционной, с применением самых последних достижений хирургической техники медики вели пересадку сердца подопытному теленку.

Ему суждено прожить с этим сердцем несколько суток, быть может, недель. Потом он погибнет. Погибнет либо оттого, что какой-то злосчастный тромб закупорит жизненно важную артерию, либо оттого, что сердце перестанет удовлетворять потребности организма в кислороде. Телята ведь быстро растут, а искусственное сердце не изменяет своих размеров...

Теленок погибнет, но зато—придет время—благодаря ему будут жить тысячи и тысячи людей.

Когда оно придет, это время? С этим вопросом я и вернулся в кабинет члена-корреспондента АМН СССР Валерия Ивановича Шумакова. Но хозяина в кабинете не застал.

— Валерий Иванович на операции,—сказали мне. И пояснили, что уже сегодня в институте делают операции людям, страдающим разного рода сердечной недостаточностью. В том числе тахикардией.

Тахикардия в переводе с латыни—«быстрое сердце»... Число сокращений во время приступов этой болезни достигает 160—180 ударов в минуту, в 2—3 раза больше, чем нужно. Причина этого—лишние проводящие пути в сердце, по которым нервное возбуждение передается к мышцам от водителя ритма, особой группы клеток, задающей ритм всем мышечным волокнам¹.

Почему образуются эти лишние проводящие пути, пока еще непонятно. Но вызываемые ими сокращения ускоряют общий ритм сердца, вызывают его дополнительный износ. Человек с такой болезнью до недавнего времени считался инвалидом.

Выявить патологию проводящих путей, устранить только те связи, которые мешают нормальной работе сердца,—сложная задача. Но если она правильно решена хирургами, пациент становится практически здоров.

Для ведения операций в институте применяется аппаратура, с помощью которой снимают контактную кардиограмму. Через подключичную вену в сердце вводят микроэлектрод, и, дотрагиваясь его кончиком до определенных точек сердца, хирург выясняет, какие именно участки обеспечивают учащение ритма. Ну а потом в дело идет ультразвуковой скальпель, который и устраняет дефекты.

Все то время, пока идет операция, функции сердца принимает на себя стационарный аппарат, который так и называется—«искусственное сердце».

...Вот так, по ходу исследований, по мере накопления знаний и опыта, специалисты Института трансплантологии и искусственных органов уже сегодня ведут борьбу за здоровье людей.

¹ См. «Смена» № 10, репортаж «Открытие: волны сердца».

ИЮЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КИЛОМЕТРЫ ПОДВИГА

Эта история драматична, как сама жизнь. Она повествует об одном из самых грозных врагов человечества — раке и о двадцатидвухлетнем парне Терри Фоксе. О его мечтах, надеждах, воле и отваге. В течение нескольких месяцев к его беспримурным усилиям было приковано внимание канадской общественности.

Терри родился и вырос в маленьком канадском городке Порт-Кохитлеме, окончил школу и стал учиться дальше — он изучал историю. Однажды он почувствовал в правой ноге резкую боль. Врачи констатировали наличие быстро прогрессирующей костной опухоли. Единственным путем спасения была срочная ампутация. Так судьба сразу явила ему свой суровый лик. Все ушло: друзья и

спорт, девушки и веселая студенческая жизнь.

После операции он уже не вернулся на учебу, а продолжал долечиваться в онкологических больницах. Там познал он иной, печальный мир, увидел страдания и смерть многих людей от коварной болезни. Однажды его товарищи, с которыми он прежде играл в баскетбольной команде, принесли ему спортивный журнал, где была статья о человеке, пробежавшем марафонскую дистанцию с ампутированной ногой. И Терри начал помышлять о том, что он начнет бегать и тренироваться на протезе.

И тренировки начались. Через некоторое время он пробегал в день восемь-девять километров, а потом решил совершить сверхдальний пробег через всю Канаду, чтобы собрать миллион долларов для Канадского общества по борьбе с раком.

Он начал пробег из порта Сент-Джонс на острове Нью-Фундленд, рассчитывая, что 8500 километров до берегов Тихого океана пробежит за семь-восемь месяцев. В день он, как правило, пробегал 30—35 километров. На некотором расстоянии в машине сопровождения ехали его старший брат Фред и близкий друг Даг.

Но когда из 8500 километров было преодолено уже 5372, сверхмарафон преждевременно кончился. Почувствовав себя плохо, Терри обратился к врачам, которые поставили печальный диагноз: двусторонний рак легких. Оправившись от шока, отважный юноша заявил: «Я не сдамся. Буду делать все, что скажут врачи. Если они будут предлагать операцию — я сделаю ее, а когда оправлюсь, закончу свой бег».

Стараниями Терри Фокса на счет Канадского общества по борьбе с раком поступило уже 12 миллионов долларов.

ВАНКУВЕР САН, КАНАДА

ШКОЛА ТОРЕАДОРОВ

Желающим поступить в единственную в мире школу, готовящую тореадоров, приходится выдерживать огромный конкурс. Срок обучения в школе три года, но уже готовится переход к четырехлетнему обучению. Кандидаты в «гладиаторы» получают возможность впервые встретиться с молодыми быками лишь на третьем курсе. В этих поединках дело до крови еще не доходит. Для защиты диплома тореадора надо победить трех быков на мадридских аренах.

Первые два года занятия со студентами проводятся на мини-арене, сооруженной в мадридском городском парке. Здесь в их распоряже-

ние предоставлено все необходимое для изучения искусства боя быков, включая... операционный стол и бойню.

В настоящий момент в школе занимаются 150 молодых людей, на следующий учебный год уже подали заявления о приеме более тысячи кандидатов. Среди желающих поступить несколько девушек. Директор необычного учебного заведения, бывший торговец Эскудеро, говорит: «Мы принимаем наших воспитанников с соблюдением принципа крайне строгого отбора, и только самые способные смогут попасть в наши ряды».

КАМБИО, ИСПАНИЯ

Четыре века спустя

В Великобритании продолжают работы по подъему военного корабля «Мари Роз», затонувшего более 400 лет назад. Он погребен под слоем ила на глубине 16 метров на дне реки, между южным побережьем и островом Уайт. В будущем году будут подняты остатки судового корпуса. Сейчас для них готовят место в плимутском Музее мореплавания.

В 1545 году перегруженный четырехмачтовик — краса и гордость военного флота Генриха VIII, не успев даже вступить в бой с французскими кораблями, из-за допущенной навигационной ошибки пошел ко дну. На его борту находились вице-адмирал флота, 700 солдат и матросов и 91 пушка.

Сегодня судно представляет собой интересный научный объект. Мельчайший песок и ил на столетия законсервировали его

содержимое. Предметы, которые уже подняты на поверхность, позволяют составить редкую по своей цельности картину морской жизни в эпоху Тюдоров. За последние два года удалось извлечь отлично сохранившиеся предметы из кожи и дерева — чашки для питья, рожки для пороха, обувь и одежду. Поднята вся батарея корабельных пушек с полным оснащением артиллерийских расчетов. Обнаружены кабины парикмахера и судового врача с набором хирургических инструментов. В десяти деревянных сосудах сохранились мази, а на стенках отчетливо видны отпечатки пальцев того, кто последним держал их в руках. Особую ценность представляют два шприца: один из олова, другой из латуни — это старейшие из всех известных до сего времени экземпляров.

ЮНГЕ ВЕЛЬТ, ГДР

«Новые клошары»

Так называют сегодня во Франции юношей и девушек, ставших чужими для общества. В Париже таких насчитывается около двух тысяч. Определение «новые» относится только к молодежи, в отличие от шести тысяч «истинных» клошаров, которые без всякой цели бродят по Парижу с бутылкой дешевого красного вина в кармане, привлекая внимание туристов и придавая, как утверждают некоторые, особый колорит великому городу. Клошар — это особая разновидность человека, сошедшего (или сброшенного) на обочину социальной жизни. Овещные своеобразной лжеромантикой, клошары за-

нимаются попрошайничеством, ночуя обычно под мостами или на вентиляционных решетках метро.

Что же касается «новых клошаров», то главными причинами их появления являются безработица и утрата перспектив в жизни. Бесцельное шатание по улицам, протитудия, пьянство и наркомания, сознание собственной никчемности — вот характерные признаки и привычки этих, как их называют, «потерянных детей» развитого индустриального общества, не желающего обращать на них внимания.

ПАРИ-МАТЧ, ФРАНЦИЯ

Конкуренция из подполья

Швейцарские фирмы, выпускающие известные марки часов, затронули крупные суммы на решение проблемы: как противостоять всевозрастающей опасности, которая исходит от профессиональных мошенников, поставляющих на рынок фальшивые швейцарские часы?

Главным производителем этих якобы «настоящих швейцарских часов» является Италия, где расположены тысячи подпольных мастерских. В Милане полиция обнаружила в двух таких мастерских несколько тысяч часов, украшенных маркой знаменитых швейцарских фирм «Омега», «Ролекс» и других. Подделки выпускаются и в самой Швейцарии. В Женеве в подсобном помещении фирмы модных украшений «Андре-АГ» полиция нашла установку для производст-

ва часов «под» знаменитые швейцарские марки. Фальшивый товар этой фирмы стоит в пять раз дешевле, чем подлинные часы.

В последнее время бизнес на «настоящих швейцарских часах» получает все большее распространение и за пределами Европы. Центр его — в Гонконге. Здесь подделкой швейцарских изделий занимаются около 10 000 человек.

Специалисты подсчитали, что конкуренция со стороны подпольных «двойников» наносит швейцарским часовым фирмам ежегодные убытки не менее чем в миллиард франков. За последние годы разоблачены многие мошенники. Однако бизнес на фальшивых часах продолжает процветать.

НБИ, ГДР

«Бантустан» — это голодная смерть...

Точного числа мы, вероятно, никогда не узнаем. Однако, по разным данным, в последнюю зиму в Южно-Африканской Республике умерло около 50 тысяч детей. В этой стране смертность населения — одна из самых высоких в мире. Из каждой тысячи чернокожих жителей, обитающих в так называемых «бантустанах», ежегодно умирает 240 человек.

Наиболее частой причиной смерти негров в ЮАР являются хроническое недоедание и связанные с этим болезни. В то же время из тысячи белых граждан там умирает 12 человек в год. Очень частой причиной смерти являются... переедание и болезни, с этим связанные. Головокружительная разница между жизненным уровнем белых и негров в этой стране постоянно увеличивается. Засуха последнего времени сильно ухудшила положение черных южноафриканцев. За 13 месяцев во многих частях страны не выпало ни капли дождя, а в некоторых местах дождя ждут уже четыре года. Урожай пшеницы и кукурузы ничтожен,

население вынуждено забивать скот. Такое положение существует во всех «бантустанах». Один негр из Транскея заявил, что самая успешная торговля здесь ведется «грубо сколоченными детскими гробиками».

Профессор Альф Штадтлер из университета в Витватерсранде заявил, что ухудшению положения негритинского населения в ЮАР способствуют система наемного труда, препятствующая людям где-либо постоянно укорениться, а также насильственные переселения. Отцы семей, идущие работать на шахты, оставляют дома жен, детей и стариков, которым с трудом удается что-нибудь вырастить на неурожайной земле. Сельское хозяйство ЮАР ориентировано в основном на экспорт и является высокомеханизированным, и правительство прежде всего поддерживает белых — владельцев крупных ферм.

Насильственное переселение негров в «бантустаны» продиктовано стремлением избавить «белую» Южную Африку от «черных»

плен. Где-нибудь далеко в пустыне ставят жалкие домики или палатки. Негритянское население не имеет здесь ни преимуществ города, где есть возможность получить хоть незначительный заработок, ни преимуществ деревенской жизни, где обычно имеется плодородная земля.

Растущее обнищание в «черных гетто» кричаще противоречит заверениям правительства в Претории о предполагаемой в будущем политической самостоятельности девяти «бантустанов». Правительство по-прежнему убеждено, что идея осуществить политическое самоопределение негров может реализоваться только в пресловутых «бантустанах». Но не к принятию пустых деклараций, а к наступлению на расистский режим ЮАР готовятся девять миллионов обитателей «бантустанов», не имеющих ни малейшей возможности вести достойную человека жизнь.

«ФРАНКФУРТЕР РУНДШАУ», ФРГ

ХЛЕБ ДЛЯ ВСЕХ

— Мы считаем революцию в Никарагуа демократической и антиимпериалистической. — заявил министр внутренних дел Никарагуа Томас Борхе. — Наша революция положила конец тирании, и народ сам стал хозяином своей судьбы. Соединенные Штаты Америки уже не являются нашим «патроном». Наша революция может быть охарактеризована и как аграрная, поскольку одной из своих задач она ставит изменение производственных отношений в деревне.

Следует отметить, что экономика страны продолжает оставаться в трудном положении. В настоящее время реализуется так называемый «План-80», разработанной революционным правительством: снабжение населения продуктами питания, снижение безработицы, повышение реальных доходов трудящихся. В будущем предполагается максимальное использование земельных и водных ресурсов страны, а также осуществление программы поисков, несомненно, имеющейся в Никарагуа нефти.

Экономическая политика Сандинистского фронта национального освобождения предусматривает, что будут сосуществовать три формы собственности — частной, смешанной и общественной. Последняя будет создана на базе экспропрированных богатств бывшего диктатора Сомосы и его кланки, а также богатств, наработанных крупной буржуазией у народа. Основные производительные силы страны будут национализированы. До последнего времени они оставались собственностью иностранных компаний и фирм. Все, кто проявляет готовность участвовать в процессе развития экономики страны и ликвидации ее отсталости, могут рассчитывать на поддержку народного правительства.

«ФОЛЬКСШТИММЕ», АВСТРИЯ

МИКРОКНИГИ

Рекорд в области миниатюризации книг прежде принадлежал японским печатникам, которые издали текст олимпийской присяги крохотной книжкой размерами всего 3 на 3 миллиметра. Однако и этот рекорд был превзойден. Удилось это инженеру из Катонца (Польша) Зигмунду Скошчы. За 35 лет, которые он занимается своим необычным хобби, Скошчы изготовил около 40 микрокнижек с жизнеописаниями знаменитых людей. Каждая из них имеет несколько десятков страниц (тексты пишутся на обеих сторонах листа), на площади в несколько квадратных миллиметров располагается несколько сотен слов. К самым маленьким книгам относятся биография Наполеона с 44 страницами размером 2 на 2,5 миллиметра и биография Николая Коперника, которая содержит 48 страниц такого же размера.

Автор пишет свои книжки черным пером на особой пленочной бумаге (бумага-шелковке) отечественного производства. Специально приготовленная тушь не просачивается сквозь тонкое основание, быстро сохнет и не слеживается страницы. На одной странице можно написать от 30 до 40 букв. Микрокнижки автор помещает на специальных подставках из ценных пород дерева или мрамора.

Оригинальное собрание микрокниг выставлено в Варшаве вместе с другим произведением этого же мастера — шахматной доской с фигурками высотой от 0,5 до 1,6 миллиметра, изготовленными из серебра.

«ВАЛКА МЛОДЫХ», ПОЛЬША

БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ЭВМ

Тридцатисемилетняя Шакунтала Деви (Индия) продемонстрировала, что человек может считать быстрее электронно-вычислительной машины. В ходе состязания, организованного в Далласе (штат Техас, США), она опередила один из наиболее совершенных американских компьютеров. Ей потребовалось всего лишь 50 секунд, чтобы извлечь корень 23-й степени из числа с 201 цифрой. Для получения такого же результата ЭВМ понадобилось «на размышление» 60 секунд, и то лишь

после того, как ей предварительно была подготовлена соответствующая программа, содержащая не менее 13466 команд.

Феноменальные математические способности, которые проявляет Шакунтала Деви (она не посещала даже начальную школу), не могут объяснить специалисты. Они лишь предполагают, что ее мозг обладает гораздо более совершенной «программой» счета, чем применяемая в компьютерах.

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ», РУМЫНИЯ

Река или фиорд?

Известный океанолог Жак-Ив Кусто занялся изучением крупнейшей реки нашей планеты. Недавно он провел исследование реки Святого Лаврентия в Северной Америке. Изучение реки на подводном исследовательском судне «Калипсо» сопровождалось интересными открытиями. Так, например, на реке Сагены (левом притоке Святого Лаврентия) Кусто заметил, что местами по течению встречаются невероятно большие глубины — до 180 метров. Кроме того, под 15-метровым слоем пресной проточной воды он обнаружил холодную (около 1 градуса по Цель-

сию) соленую неподвижную воду. Этот факт дает основание ученому высказать предположение, что Сагеной, по существу, не река, а фиорд арктического моря, который каким-то образом проник глубоко в североамериканский континент. Загадочно и другое: почему пресноводный поток, выбравший своим руслом протянувшийся далеко на юг фиорд, не смешивает свои воды с солеными? В этом фиорде под рекой обнаружена жизнь, которая не похожа на речную.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

К ОТЕЧЕСТВУ С ЛЮБОВЬЮ

Наша сегодняшняя беседа с народным художником СССР Ильей Сергеевичем Глазуновым прежде всего посвящена главному в его творчестве, в его жизни — Родине.

— Илья Сергеевич, каково, по-вашему, место художника в современном мире? Кто он — борец, пророк, созерцатель?

— Задача истинного художника, его жизненное предназначение — помогать нации осмыслить себя, свой исторический путь и свое назначение. Когда художник создает произведения искусства, он руководствуется желанием выразить себя в соответствующей форме и выразить свою точку зрения на мир, на сегодняшний день. Но когда художник-творец создал произведение, оно становится общественным достоянием, влияет на жизнь общества. Искусство и политика тесно связаны друг с другом. Искусство — язык для передачи высших духовных ценностей, мост между душами людей.

Считаю необычайно важным то, как относится художник к окружающему миру. Моя позиция: понимание мира и его великого замысла. Я уважаю художников, идущих своим путем в искусстве. Мне чужд антидуховный абстракционизм и бескрылый натурализм. Имея в руках компас национальных традиций, художник, как легендарный Одиссей, должен провести свой корабль между Сциллой и Харибдой — натурализмом и абстракционизмом. Предпочитаю реализм в высшем его смысле. Еще Достоевский говорил о «всемирной отзывчивости нас, русских», — стараюсь своими работами подтвердить эти слова.

— Как вы понимаете свободу творчества?

— Некоторые понимают право на свободу как право на произвол. Я думаю, что свобода творчества — в выполнении художником морального долга перед обществом. Свобода — это свобода не «от», а «для». Считаю, что художник только тогда может называться художником в подлинном, высоком смысле этого слова, когда он принимает самое активное участие в жизни общества, дает свою оценку событиям (а чтобы оценить, нужно не просто увидеть, но пережить, прочувствовать) и в меру своих сил влияет на ход развития истории. А тем, кто понимает свободу творчества как свободу «от»: от всего, чем живут его современники, его народ, от вечных проблем человечества, — я хочу напомнить слова замечательного французского писателя Альбера Камю. В своей знаменитой речи при получении Нобелевской премии он

выступал как раз против тех, для кого понятия «свобода творчества» и «произвол» были синонимами. Он говорил, что, конечно, можно представить себе такую картину: ночь, галера в открытом море, слышны удары бича по обнаженным плечам — за веслами рабы... А в этот момент из трюма поднимается поэт и, не слыша свиста бичей, начинает воспевать красоту луны, и ночного моря, и тихий плеск волн.

Настоящий художник не может не замечать, не переживать того, чем живут люди вокруг, не может отмежевываться от насущных потребностей жизни. Это не свобода, это смерть художника в художнике.

— Верность избранному направлению, своей теме, своей глубоко осмысленной, выношенной гражданской позиции. Думается, это одно из главных качеств художника Глазунова. Что вы сами думаете на этот счет?

— Относительно верности? Действительно, все мои работы делятся на четыре цикла. Или скажем точнее: каждую мою работу можно отнести к одному из четырех циклов, к одному из пластов жизни, которые для меня — главные, которые волнуют, привлекают всю жизнь.

— Как вы сами определяете смысл этих четырех циклов?

— Первый цикл я бы назвал историей нашего народа, его героического прошлого, потому что считаю: нет будущего без прошлого и сегодняшний день во многом определен днем вчерашним, как завтра — нашим сегодня.

Второй цикл — это жизнь человека XX века, живущего в большом современном городе. Я бы хотел, чтобы это был своего рода дневник его души с ее надеждой, радостью, болью, буднями, праздниками, то есть вся палитра чувств человека XX века.

Третий цикл посвящен образам русской классической литературы, и прежде всего моему любимому писателю Федору Михайловичу Достоевскому. Думаю, Достоевский велик как писатель и как философ. И когда меня спрашивают, как я понимаю суть искусства, всегда вспоминаю замечательные слова Достоевского, который писал, что мы будем говорить о реализме в высшем смысле этого слова, как о выражении внутреннего мира, идеи борьбы добра и зла, где поле битвы — сердце человека.

Четвертый цикл, как и второй, посвящен нашему современнику. Я считаю, что нет неинтересных лиц, как нет неинтересных людей, потому что каждый

БИТВА ПЕРЕСВЕТА С ЧЕЛУБЕЕМ.

человек имеет свою душу, свою психологию. И выразить отношение к человеку — задача портретистов. Но, разумеется, если портрет не похож, это не портрет. И поэтому искусство портрета должно опираться на классические традиции портрета. Именно стилем славилась русская национальная школа. Портрет — важнейший документ человеческого духа! Умирают, исчезают с исторической арены народы, гаснут цивилизации, культуры, а дух народный, дух эпохи живет в произведениях искусства. И когда мы сейчас смотрим на русский портрет XVIII—XIX веков или, скажем, на римский портрет, то искусство доносит до нас правду об эпохах и людях, которые давно ушли. В этом смысле, я имею в виду искусство портрета — это высшая форма гуманизма, высшая форма любви к человеку, поэтому задача художника — сказать не кривя душой то, что он думает о своих современниках. Что касается лично меня, то моя задача — выразить нас с вами и показать правду внутреннего бытия человека, как я это чувствую.

— Илья Сергеевич, ваш первый цикл заставляет нас вспомнить о своих корнях, оглянуться, всмотреться в прошлое. Вы говорите: без прошлого нет будущего. Почему вы считаете, что осмысление прошлого помогает вернее идти вперед? Что задача сегодняшние решить легче, если знать и понимать опыт минувшего?

— Да, этот цикл — и напоминание и дань уважения российской истории, такой сложной, драматичной, великой. И попытка осмыслить не только прошлое, но и себя, своих современников. Повторяю: прошлое, настоящее, будущее неразрывны. Я считаю, что каждый народ велик только тогда, когда он не забывает своей истории. Народ силен, когда он помнит и гордится славой своего прошлого. И не случайно в час грозных испытаний, как, например, во время Великой Отечественной войны, мы шли в бой со знаменами, на которых были имена наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина, Пожарского и многих, многих других славных сынов Отечества. И потому я должен сказать, что обращение к прошлому для меня отнюдь не историческая причуда археолога. Прошлое — это арсенал для будущего, это наше оружие.

Вот работы, посвященные Андрею Рублеву, времени, когда небольшой численно народ, русский народ, вышел на поле Куликово и решил в этой битве не

Илья Глазунов. Его выставки в Москве и Ленинграде — городах, не оделенных яркими событиями культурной жизни, — становятся явлениями не просто заметными — незаурядными.

Можно возразить: очередь на выставку — признак возросшего интереса советских людей к изобразительному искусству вообще. Это справедливо. Но вот споры, взволнованные, страстные, часто выходящие за рамки проблем творческих, споры о национальном самосознании и о народных традициях, о месте художника в современном мире и о долге каждого человека перед обществом, об отношении к отечественной истории, а значит, и к будущему Родины, в общем, споры обо всем, что включает в себя огромное, сложное, неисчерпаемое понятие Жизнь, — их вызывают далеко не все книги, фильмы, спектакли, художественные выставки.

Глазунов затрагивает душу зрителя, заставляет его думать, чувствовать, радоваться, сострадать. Это дано не каждому.

Художник помогает проникнуть в глубинный мир человеческого духа, по-своему объясняет ту загадку, которую издавна именовали «загадкой русской души».

В книге «Писатель и художник» Владимир Солоухин писал: «Чувство Родины у художника Илья Глазунова обостренное, отмеченное пламенной любовью к России... Он прошел с этюдником по необъятным просторам родной земли, по многочисленным стройкам нашей страны... Познание России социалистической, встеча с современниками легли в основу его выразительных портретов».

только судьбу нашего Отечества, но и судьбу Европы. Как говорил Пушкин, пока Европа строила дворцы и роскошные города, мы слепли в дыму пожарщиц. Но Европа была к нам столь же равнодушна порой, как и неблагоприятна.

В данном случае речь идет только об истории моего народа, и потому, например, есть целый ряд работ, которые напоминают об этих тяжелых страницах: «Два князя», «Штурм града», «Задонщина», «Слово о полку Игореве». Мне всегда хотелось бы воскресить знамена, духовные знамена нашей памяти, которые могли бы освещать дорогу к будущему.

Над циклом, посвященным отечественной истории, я работаю уже много лет. Последняя тема — Куликовская битва.

Для меня Куликовская битва — это не просто тема, это часть моей жизни.

Несколько лет я работал, изучал ее историю. Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Пересвет... Что мы знаем о них доподлинно? Ведь, опираясь на исторические источники, мы прежде всего имеем дело с так называемой «житийной» литературой. А в ней правда жизни, умноженная на легенду. Например, мой любимый художник Михаил Васильевич Нестеров отдал много времени и творческой энергии на создание образа Сергея Радонежского. Но мне думается, что автор был прежде всего певцом легенды, потому что увидел этот образ таким, каким он предстает в летописи.

Мне бы хотелось отделить легенду от реальности, понять, увидеть внутренним взором, свойственным каждому художнику, героев поля Куликова. Ощутить их реальную плоть, биение пульса, ощутить их мужество, их кровь, пролитую на полях сражений за наше Отечество. И потому в своем цикле, которому я отдал семь лет и который насчитывает 28 работ, мне хотелось прежде всего показать правду жизни того давно ушедшего, но вечно памятного нам времени и передать его как можно точнее.

— В некоторых работах вы используете в качестве материалов дерево, камни, металл. Почему? С чем это связано?

— Я был на берегах Волги с художниками. Поехали мы в Кострому, замечательный русский город. Зашли под Костромой в одну избу, и вдруг я увидел: как чудо, как перо жар-птицы, что-то светится в углу, в луче заходящего солнца. Оказалось, что это небольшая икона, а оклад у нее сделан, соткан, прямо как заснеженное окно или капли росы на лугах, из речного жемчуга, из каких-то камней, стеклышек. В жизни я не видел ничего подобного. Это чисто национальное изобретение — покрывать такой одеждой иконы. Часто оклад делали из металла. Например, в Троицкой лавре, в музее оклад для знаменитой рублевской Троицы, который подарил Борис Годунов, — чеканка по металлу. Я был потрясен этим видом народного творчества, у нас совершенно забытым. Часто оклады исполнялись жемчужным шитьем, украшались камнями, парчой. Мне хотелось дать новую жизнь этой древней традиции. И вот потому первой работой была «Русская красавица».

— Как вы относитесь к древнерусскому искусству? Каково, на ваш взгляд, его место в сокровищнице мировой культуры?

— Могу сказать, что объединяет всех русских художников — любовь к национальной культуре. Если в Италии было национальное Возрождение в XV—XVI веках, то у нас на рубеже XIX—XX веков в России тоже было национальное Возрождение, когда художники, начиная с Васнецова, открыли для себя мир древней и вечно юной России и люди узнали новое явление мировой культуры — русское искусство.

Подобно тому, как в Италии художники нашли развалины старинных зданий, обломки древних колонн, античных скульптур и стали развивать, возродить греко-римскую цивилизацию, так и у нас накануне рубежа XX века наши художники были увлечены открывшимся им миром Древней Руси. Были найдены удивительные по своей красоте иконы, превосходящие, с моей точки зрения, работы художников эпохи Итальянского Возрождения. Русское искусство, опи-

раясь на свое древнее наследие, потрясло своим явлением западный мир. Достаточно вспомнить знаменитые сезоны Дягилева, с таким блеском показанные в Париже: русская живопись, русский балет, русская музыка, русская опера, блеснувшая неуязвимым гением Шаляпина, — все это было триумфом культуры во всей ее интернациональной значимости.

В народном искусстве, в его красоте и простоте, в следовании народным традициям каждый художник должен черпать свое вдохновение. Часто люди мечтают побывать в соборе Парижской Богоматери, осмотреть Миланский собор, увидеть церковь, расписанную Матиссом, подлинники произведений Пикассо, Модильяни, Бюффе... Но заговорите с этими людьми, и вы узнаете, что они не были в Суздале, Ростове Великом, где находится лучший, быть может, в мире, архитектурный ансамбль XVI—XIX веков, не были в Каргополе — русской Флоренции, не слышали о деревянном народном зодчестве Севера, названном Николаем Рерихом «Римом России, русской Италией», не видели фрески Древнего Новгорода, являющегося одним из величайших достояний человеческого духа.

Все восхищаются «Сикстинской мадонной» Рафаэля, но многие становятся в тулик, когда спросишь об известной всему миру, находящейся в экспозиции Третьяковской галереи «Владимирской божьей матери». Поклонникам французского художника Анри Матисса, являющегося для многих одним из кумиров современности, надлежало бы знать, что он приезжал в Россию, бесконечно восхищался образцами древнерусского искусства и изучал их. Он писал: «Это доподлинно народное искусство. Здесь — первоисточник художественных исканий. Современный художник должен черпать свое вдохновение в простоте. Ваша учащаяся молодежь имеет здесь, у себя дома, несравненно лучшие образцы искусства... чем за границей. Французские художники должны ездить учиться в Россию. Италия в этой области дает меньше».

— Живопись и музыка... Скрябин утверждал, что каждая нота соответствует определенному цвету. Какое влияние на ваше творчество оказывает музыка?

— Музыка играет огромную роль в моей жизни. Я всегда, когда работаю, стараюсь, чтобы в мастерской звучала музыка. Мои любимые композиторы — это прежде всего древнерусские безымянные гении, которые оставили нам до сих пор не расшифрованное наследие: русская кондакарная система нотных знаков, знаменитый распев, еще только в стадии расшифровки. Но уже то, что мы знаем, то, что до нас дошло и частично исполнялось капеллой Юрлова, прекрасно. Древнерусская музыка хороша не только удивительной гармонией, высотой мысли, заключенной в мелодии. Она очень демократична, потому что каждый голос влетает свою ноту в общий гармонический хор соборности. Когда я слушаю эту музыку, вижу живопись Рублева, могучие своды новгородских храмов. Как будто присутствуешь при горе и радости народной, слышишь давно забытые, какие-то тайные токи души. Видишь бескрайние русские просторы с далекими горизонтами, могучие былинные облака несутся по вечернему небу... Это удивительные минуты сопрокосновения с самым значительным, что есть в жизни, с познанием ее тайны, добра и зла, тем, что дает нам высокое искусство.

Думается, задача наших композиторов — изучать и всячески пропагандировать древнерусскую музыку, наполнять нас этими флюидами удивительного, неповторимого начала народной души, которая выражена в русских народных песнях.

— Я понимаю, что тема традиций и новаторства в искусстве необычайно сложна. Написаны десятки томов, но она не исчерпана ввиду ее сложности и актуальности...

— Вы правы, эта тема действительно очень сложная. Для меня истинное новаторство — по-новому пережитая традиция. Для нас — наша русская национальная традиция. А она в моем представлении неотъемлемая от понятия совести, правды и личной

оценки художника объективно существующего мира. Культура как дерево: чем глубже уходят в многовековую толщу народной жизни ее корни, тем выше и сильнее могучее дерево. Тот, кто отрицает значение народного творчества, классического наследия, тот обрубают корни родной культуры, обрекает культуру на деградацию. Культура базируется на всем лучшем, что заложено в народной традиции.

Русское искусство, опираясь на свое древнее, чрезвычайно богатое наследие, чутко реагируя на поиски современной ему мировой культуры, потрясло своим явлением весь мир.

В архитектуре сложился новый стиль, получивший название новорусского. В прикладном искусстве, сочетающем народные традиции с художественной фантазией Врубеля, Васнецова, Малютина, в опыте мастеровских Абрамцева и Талашкина возникли новые импульсы дальнейшего развития народного искусства. Как говорил Рерих: «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего».

Октябрьская революция положила начало новому, социалистическому искусству, достижения которого ныне огромны, признаны. Сразу же развернулись жаркие дискуссии по поводу того, каким оно должно быть, бурные поиски и борьба. Печальной памяти «Пролеткульт», как известно, вел борьбу с традицией, классикой во имя «новаторства», понимаемого как отрицание культуры прошлого. Абстрактное формотворчество возводилось в понятие «пролетарского искусства». Многие художники были объявлены враждебными ему.

В. И. Ленин считал, что новую, пролетарскую культуру можно построить только на фундаменте классического художественного наследия, только сохранив и развив это наследие — все лучшее, прогрессивное в художественной культуре прошлого. Основатель Советского государства проявлял большую заботу и внимание к историческим ценностям культуры: к Третьяковской галерее, Государственному Эрмитажу и ряду других музеев и художественных собраний, к судьбе отдельных выдающихся творцов произведений искусства.

...Давно покончено у нас с «революционным» нигилизмом, реабилитировано культурное наследие прошлого, уважение к классике легло в основу нашего изобразительного искусства.

— Многие годы вы работаете над образным воплощением произведений Федора Михайловича Достоевского. Почему именно Достоевский? Что значит для вас этот писатель, его творчество, его личность?

— Сказать, что Федор Михайлович Достоевский — мой любимый писатель, это значит не сказать ничего или почти ничего. Для меня Достоевский стоит особняком во всей мировой литературе, более того — в мировой философии. Я бы даже сказал больше: он индивидуален, неповторим во всей истории человеческой цивилизации. Он всегда понимал жизнь как борьбу добра и зла. Его прежде всего интересовала жизнь определенной философской идеи и единоборство ее с душой, с совестью человека. Вот, например, Раскольников. Определенная философская идея овладела сердцем юного человека, его разумом, его волей. И ведь идея-то — сделать доброе для людей: убить никому не нужную старуху процентщицу, паразита, а на эти деньги построить университеты, просветительные учреждения и этим облагодетельствовать многие поколения людей. А в результате страшная идея преступления, пусть даже и из высоких побуждений, — что она за собой влечет? Раскольников вынужден убить Лизавету — ни в чем не повинную свидетельницу его первого, якобы «чистого» преступления...

Когда я работал над образами Достоевского, мне хотелось, в отличие от обычно понимаемого слова «иллюстрация», трансформировать мир идей Достоевского, создать людей-идееносцев. В самой фактуре своих работ мне хотелось передать сумрачно-контрастную атмосферу духовного горения, борьбу добра и зла, света и мрака, которая, по моему глубокому убеждению, является стихией Достоевского.

— Илья Сергеевич, вы ответили лишь на последнюю часть вопроса. Но ведь, наверное, если берешься иллюстрировать (будем пользоваться этим привычным словом) произведения писателя любимого, да еще и столь великого, как Достоевский, нужно не просто хорошо знать, понимать эти произведения, нужно, наверное, жить, если можно так выразиться, «на одной волне» с автором, чувствовать, как он, болеть той же гражданской болью, какой болел он, — в общем, быть его единомышленником?

— Несомненно. Без душевной близости художника и писателя, которого художник берется иллюстрировать (а такая близость возможна не только через

годы — через века), никогда не возникает на бумаге изобразительный эквивалент литературного образа. Кроме многого другого, о чем я только что говорил и о чем можно говорить бесконечно — Достоевский неисчерпаем, — мне близко, созвучно стремление великого писателя изобразить все глубины человеческой души. Помните, Достоевский говорил о себе: «Меня зовут психологом; неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Что означало для Достоевского «найти человека в человеке»? Найти свободную волю к добру. Это высший дар человека, в загадку которого так глубоко проникнул патетический гений Достоевского. «Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут» — эти слова сказаны Достоевским. Сказаны о красоте. Но еще больше, еще точнее можно их отнести к человеческой душе.

И если уж мы заговорили о единомыслии художника и писателя в сфере творческого мировосприятия, то мне чрезвычайно близка гражданственность Достоевского. Он признавался, что «писал «Бесов» руками, дрожаниями от гнева». А это значит, что он никогда не был, просто не умел быть равнодушным. Он прежде всего страстный гражданин, обеспокоенный судьбой общества, анализирующий все возможные (для него — предсказуемые) тупики и зигзаги на путях развития общества. Он верил — во имя этого он жил, и творил — красота спасет мир. В записной книжке середины 70-х годов он писал: «Жизнь хороша. И надо так сделать, чтобы это мог подтвердить на земле всякий». Он горел идеей братства людей. По какому-то печальному недоразумению многие считают Достоевского пессимистом. Я его считаю самым оптимистическим писателем, потому что он верил в свет, верил в добро и в каждом человеке видел личность. Я глубоко разделяю эту веру.

— Что такое современность в искусстве, и как вы ее понимаете?

— Это понятие теснейшим образом связано с тем, о чем мы уже говорили: с традициями и новаторством, с национальным духом искусства. Современность художественного произведения, на мой взгляд, определяется не стилем, не формой, а прежде всего духом и мироощущением художника. Искусство — не эсперанто. Путь к интернациональному лежит через развитие национальных традиций. Развитием национального начала мы обогащаем мировую культуру. Позволю себе напомнить слова французского писателя Альбера Камю: «Отрицая все, вплоть до традиций, современный художник впадает в иллюзию, что он способен жить по собственному закону... Он начинает верить в возможность создания своего мира реальностей. Однако вне общества художник способен создавать только формалистические или абстрактные произведения, лишённые плодотворности подлинного искусства, призвание которого быть объединяющей силой... Пусть он выразит общие страдания и счастье доступным для всех языком — и он будет понятен всем. Тогда он приведет людей к взаимопониманию, и это будет ему наградой за его безусловную верность реальности. Это взаимопонимание — идеал каждого большого художника».

В самом деле, разве это не подлинная современность — способствовать взаимопониманию между людьми? Смотришь на иные произведения и испытываешь странное впечатление оторванности отдельных художников от корневой отечественной школы. Как будто не было Рублева, Рокотова, Александра Иванова, Нестерова, Сурикова, Репина, Врубеля, Васнецова... Видишь порой роботов, статическую позировку, где человек подается как деталь натюрморту, умышленное огрубление, нарочитую деформацию вместо поистине художественного, образного отражения мира. Иногда бездумные этюды в той или иной манере, кем-то признанной современной, заменяют творческие раздумья художника и поиск подлинной художественной правды.

Наш XX век — век, отличный от XIX. Но разве устарело в живописи понятие картины как выражения мировоззрения художника, его активного отношения к миру, мышления в художественных образах? Ведь не устарели в литературе роман и повесть, ведь не заменены они очерками или тезисами доклада. Приходится констатировать, по существу, исчезновение жанра исторической картины. Но разве история Отечества не есть источник вдохновения для художника?

Я бесконечно верю в нашу талантливую молодежь. Несомненно, что школа — это фундамент, на котором художник начинает строить свою самостоятельную, творческую жизнь. Но не только умение рисовать, не только овладение профессиональными навыками создает художника, он должен быть всегда озабочен ответами на два великих вопроса искусства: «Что?» и «Как?». Думается, одна из основных проблем сегодняшнего дня нашего изобразительного искусства — это воспитание молодых современных художников в духе уважения к идеалам гражданственности,

к историческому прошлому своего народа, к основам нашей культуры.

— Известно, что вы много сделали для организации общества охраны памятников и сейчас продолжаете активно работать в этом обществе...

— Когда смотришь на некоторые проекты наших архитекторов — унылое нагромождение геометрических объемов — кубов, параллелепипедов, цилиндров с однообразием входов с козырьками, когда одинаково решается и Дворец бракосочетаний и фабрика-кухня, школа и оперный театр, то невольно задаешь вопрос: знают ли они, что наша архитектура имеет многовековые традиции? Как это глубоко чуждо гуманистической архитектурной среде, создаваемой на протяжении веков нашим великим народом! Неужели к традициям влечет за собой и сложную проблему охраны памятников, которая вызвала естественные конфликты между нашей общественностью и архитекторами.

До сих пор имеет место нигилистическое отношение к памятникам старины, которые порой бездумно сносятся, уступая место, по выражению Ле Корбюзье, «машинам для жилья». Исчезают целые исторические кварталы наших древних городов, записанные разрушителями в «малоценный фонд». А ведь это страницы каменной летописи нашего народа.

Хотелось бы в этой связи напомнить слова В. И. Ленина, приведенные В. Д. Бонч-Бруевичем: «Всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства, — это само собой, но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходиться экскурсии, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные исторические объяснения посетителям...»

Во всем мире вызывает восхищение Ленинград — город, сохранивший единство своих архитектурных ансамблей. Ленинград, на мой взгляд, — пример правильного отношения к нашему наследию. Ленинградцы, бережно сохраняя исторически сложившийся центр города, дают возможность современным архитекторам реализовать свой творческий поиск в новых районах. А ведь еще недавно высказывалась чудовищная идея реконструкции Невского проспекта, вослед Пушкиным, Гоголем, Достоевским.

Без сомнения, принятый в 1976 году Верховным Советом СССР закон об охране и использовании памятников истории и культуры поможет сохранить историческую застройку наших древних городов.

— Илья Сергеевич, что значит для вас Ленинград, какое место занимает в вашем творчестве тема родного города?

— Ленинград — моя родина. Я родился и вырос здесь и, объездив много столиц мира, могу сказать злостью руку на сердце, что нет города более красивого. Родившийся и выросший на Петроградской стороне, я всегда ощущал какое-то особое, я бы сказал, психологическое начало, заключенное в понятии Ленинграда. Еще много можно сказать о городе, ставшем символом нашей культуры, еще не досказана в живописи и литературе его удивительная судьба.

Для меня поездка в Ленинград всегда волнующая и неповторима. Я часто прихожу, хотя это всегда очень больно, в тот дом, где жил во время блокады с родителями, где все мои родные умерли у меня на глазах. Этот же колодец двора, тихая улица Петроградской стороны, эти же окна... Я помню, как во время блокады мы выходили во двор, чтобы набрать в чайник снега и растопить его на маленькой буржуйке.

Я бы хотел сделать очень много работ, посвященных современному Ленинграду. Мне кажется, что он еще недостаточно воспет, несмотря на то, что и Остроумова-Лебедева, и Бенуа, и Добужинский сделали много для того, чтобы открыть миру его красоту.

Я сделал шесть портретов лучших людей родного города. Это замечательные люди, которые навсегда останутся в моей памяти. Мне бы хотелось продолжить эту работу, уделив особое внимание не только рабочему классу, славному своими традициями, но и интеллигенции.

— Какая должна быть, на ваш взгляд, взаимосвязь художника и зрителя?

— Один немецкий поэт сказал, что художник, писатель, музыкант, поэт отличается только одним от простого смертного. Все люди плачут, смеются, радуются или грустят, но только художник способен выразить и запечатлеть навсегда в форме содержания человеческой внутренней жизни. Я думаю, что каждая картина — это окно во внутренний мир художника. И его задача и высшее оправдание его жизни, его бытия — выразить чувства миллионов. Художник велик только в том случае, если все силы души отдан жизни народа. Его задача не эпатировать публику, как это было модно в начале века, а нести своим

искусством идеалы, которые дороги всем нам, которые освещают не только прошлое, но и будущее. В этом задача и непреходящее значение искусства как общественного духовного идеала, без которого не может существовать жизнь общества.

— Илья Сергеевич, расскажите, пожалуйста, о вашей работе, выполненной для здания ЮНЕСКО в Париже. Мне думается, ваше панно активнейшим образом пропагандирует достижения национальной культуры народов нашей Родины.

— Я считаю для себя большой честью предложение написать панно для здания ЮНЕСКО. Ведь ЮНЕСКО — это инструмент в системе Объединенных наций, который призван охранять мир и тем самым высокие интеллектуальные и духовные ценности. Столь высокому назначению и должна отвечать тема моей росписи: «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию».

Советский Союз населяет более ста наций, больших и малых народностей. И каждая из них является носителем самобытной, оригинальной культуры, уходящей корнями в толщу веков. Многие из них дали миру людей, деяния которых двигали вперед развитие мировой цивилизации.

Золото легендарных скифов, знаменитые русские колокола, сказка древних деревянных храмов русского Севера, величие древнего эпоса, вдохновившего многих поэтов и музыкантов, прославленная «Трица» Андрея Рублева, 600-летний юбилей которого недавно отмечался ЮНЕСКО; всемирно известный памятник русского зодчества XII века церковь Покрова на Нерли; над ним мотив фрески XVII века в Ярославле на Волге.

В верхней части картины образ русского Икара, символизирующего дерзкую мечту человечества о полете.

Внизу, на фоне горных хребтов, представлены носители духовной культуры Кавказа и Средней Азии: узбекский писатель и ученый Алишер Навои (XV в.), великий грузинский поэт Шота Руставели (XII в.), известный врач и философ Авиценна (X—XI вв.), поэт — гордость армянского народа — Саят-Нова (XIII в.), знаменитый азербайджанский поэт Низами Ганджеви (XII—XIII вв.), поэт Шевченко, выражающий душу украинского народа (XIX в.), просветитель Белоруссии и ее первопечатник Франциск Скорина (XV в.).

Эпоха великих преобразований, связанных с именем Петра I и основанного им города Петербурга, представлена отцом русской науки Михаилом Ломоносовым и группой деятелей русской культуры XIX века. Среди них солнце русской поэзии Александр Пушкин, провидец Федор Достоевский. Он старается защитить от ветров истории веру в добро и светлые начала человека, который победит искушения зла. Рядом с ним его персонаж — Неточка Незванова, символ совести, призывающий нас помнить слова великого писателя о том, что нельзя построить справедливое общество, если в основе его лежит хоть одна слеза ребенка. Весенняя ветка напоминает о вере и возрождении духа человека, о чем так проникновенно говорит его герой Алеша Карамазов. На фоне пожара Москвы Лев Толстой и Наташа Ростова, персонаж всемирно известного романа «Война и мир». Скорбный Николай Гоголь смотрит на тройку, с которой он сравнил Россию. На фоне тройки знаменитое село Палех, прославившееся своими лаковыми миниатюрами.

Гигантская фигура Шаляпина в образе Бориса Годунова (опера Мусоргского) представляет собой русскую музыку. Чайковский, Рахманинов, философ Владимир Соловьев, художник Михаил Врубель, Чехов, Иван Бунин, поэт Александр Блок, «Петрушка» Стравинского в декорациях Александра Бенуа, известный по русским сезонам Дягилева в Париже, — все они широко известны в мире и представляют собой реальный вклад русского народа в мировую культуру.

Литовский художник-фантаст и композитор Чюрленис, еврейский писатель Шолом-Алейхем, певец народного быта еврейских местечек, откуда вышел, например, такой художник, как Марк Шагал.

Советский период представлен Максимом Горьким, Маяковским, композиторами Шостаковичем и Прокофьевым, известной скульптурой Мухиной «Рабочий и колхозница».

Внизу гении русского балета Нижинский и Анна Павлова, Большой театр и представители национальных ансамблей народов нашей страны.

Фонм этой группы служит торжество на Красной площади, посвященное Дню Победы над фашизмом во второй мировой войне. В лучах праздничного фейерверка лицо первого космонавта Юрия Гагарина.

Я счастлив, что моя работа, произведение, мной созданное, преподнесено ЮНЕСКО в качестве дара Советского правительства.

Записал Анатолий БОНДАРЕНКО.

ПЕРЕЖИВА ВРЕМЕН

Первая из двух книг Виталия Озерова начинается с взволнованного рассказа об истории снимка «Комбат». Он широко известен. Фотография коммуниста-комбата, вставшего во весь рост над окопом, чтобы повести бойцов на вражеский дот, обошла весь мир.

Следопыты установили имя комбата: Алексей Еременко. Вся его жизнь была подготовкой к подвигу. Батрак, организатор сельской комсомольской ячейки, коммунист. Он в первых рядах тех, кто поднимал маломощную артель. А с начала войны, будучи председателем колхоза, добровольцем ушел на фронт. И когда наступил звездный час его подвига, Алексей Еременко встретил его так, как подобает коммунисту, — первым поднялся в атаку, примером своим увлекая других бесстрашных.

«Коммунисты, вперед!» — звучал над окопами пронзительный клич, в котором были слиты воедино воля, совесть и дело партии. Этот страстный призыв и сегодня вдохновляет людей на героические дела. Автор книги убедительно подтверждает эту мысль многочисленными примерами, взятыми из жизни. Вот только один. Июль. Закончилась уборка хлеба, теперь нужно вывезти его в закрома. И когда осталось отправить последние тонны, телефон принес тревожную весть о приближении циклона. Требовалось спасти урожай. Срочно. Отсчет времени уже пошел не на сутки, а на часы. А автоколонна должна была перебазироваться. И тогда секретарь райкома партии принял решение, на которое у коммуниста есть право в особо ответственный момент. Он вышел к шоферам и не очень громко, но внятно, с неподдельным волнением, сказал: «Коммунисты! Ко мне!»

Он не приказывал, только объяснил сложность ситуации. И призвал коммунистов и присоединившихся к ним комсомольцев вывезти зерно. Не нашлось никого, кто бы не внял этому горячему призыву партийного вожака. Хлеб был спасен.

Эпизод со спасением народного добра — поведение людей в экстремальных условиях. Но как характерен он для нашего образа жизни! Как органично вписывается в картину сегодняшнего дня! «Нет нужды доказывать его общественную значимость», — пишет В. Озеров. — А что стоит за ним, что двигало его участниками? Только решительность и воля секретаря райкома? Импульсивный порыв поднятых им людей? Думаю, что такое объяснение было бы очень поверхностным. На призыв секретаря откликнулись так дружно потому, что он соответствовал умонастроению коллектива автоколонны. Да, когда нужно поступать по социалистическим нормам, шоферы почувствовали себя единым коллективом. Советским коллективом, для которого принципы товарищества, взаимовыручки, личной ответственности за общее дело стали близкими и родными».

Неспроста автор начал книгу с жизненных реалий. Это потребовалось ему, чтобы вплотную приблизить-

ся к главному объекту своего рассмотрения — образу коммуниста в литературе. Этот образ занимает большое место и во втором томе издания — монографии о А. Фадееве.

Известно, что любой писатель изображает не какую-то абстрактную личность, а человеческий тип, рожденный реальной жизнью. И в самой действительности и в произведениях искусства в последнее время ведущее место занимают обстоятельства, связанные с проверкой нравственных возможностей героя, с осознанием им своей роли организатора и вдохновителя коллектива, живущего по социалистическим нормам.

Принципом построения этой книги является переключка времен. И здесь дело не только в возможности большего временного охвата, но и в желании проследить главные вехи нашей исторической эпохи, о рождении которой возвестил залп «Авроры» и которая продолжается поныне.

В работах, составивших книгу, подробно анализируется литературное наследие А. М. Горького. И это не случайно. Великий пролетарский писатель, родоначальник нового творческого метода, был первым русским художником, который в качестве истинного героя художественно открыл миру «человека массы». Но заслуга его не только в этом. Гениальное прозрение Горького, справедливо замечает автор, было в том, что он рядом с массой разглядел того, кто смог возглавить революционные и созидательные устремления эпохи, — «человека партии». В романе «Мать» это одно и то же лицо — пролетарский революционер Павел Власов.

В. Озеров останавливается и на другом важном аспекте романа — отображении нераздельности политического освобождения и нравственного возрождения масс. «Это удается потому, — заключает он, — что лучшие передовые представители масс, приобщившись к идеям коммунизма, несут их в родную среду, становятся воспитателями и организаторами народа».

Со скрупулезностью литературоведа, со страстью гражданина исследует Виталий Озеров образы коммунистов, созданные А. Серафимовичем, А. Толстым, Вс. Ивановым, Б. Лавреневым, В. Маяковским, Д. Фурмановым, М. Шолоховым, А. Малышкиным, Н. Островским, А. Фадеевым, А. Твардовским, К. Фединым, К. Симоновым, А. Чаковским, М. Алексеевым, Г. Марковым, Б. Полевым, Ю. Бондаревым...

Это далеко не полный перечень писателей, произведения которых попадают в активное поле изучения по-хорошему пристрастного исследователя. Этот список включает такие имена художников, чье творчество достигло расцвета в последние десятилетия и также стало предметом его критической оценки. Это Д. Гранин, В. Кожевников, О. Куваев, Г. Бакланов, В. Тендряков, В. Быков, Ю. Трифонов, Ч. Айтматов, А. Ананьев, С. Баруздин, В. Липатов, А. Иванов, Г. Бокарев, О. Гончар, С. Залыгин, Ф. Абрамов...

В своих размышлениях В. Озеров снова и снова возвращается к ленинскому стилю жизни и работы коммунистов, к тому, как этот стиль находит глубокое осмысление в произведениях советских мастеров

слова. И в связи с этим вполне закономерным представляется его обращение к художественной Лениниане, у истоков которой стояли знаменитый очерк Горького и поэма Маяковского. Здесь автор не ставит целью произвести всесторонний анализ сделанного в этой области. Но при всем при этом ему удается вскрыть важные тенденции и закономерности в развитии советской Ленинианы.

Если книга «Коммунист наших дней...» — серьезная работа литературного исследователя, вносящая фундаментальный вклад в теорию советской литературы, то книга «Тревоги мира и сердце писателя» анализирует литературу в международном аспекте. Виталий Озеров увлекательно рассказывает об участии советских писателей в международной литературной жизни, о встречах и дружбе с зарубежными коллегами. Он знакомит читателя с культурной жизнью Болгарии и Японии, Монголии и США, Чехословакии и Италии... Пафос книги, ее настрой точно передают слова Михаила Шолохова: «Неустанно бороться за мир, пропагандировать его живительные идеи надо именно сейчас, потому что когда у порога наших жилищ станет война, — будет уже поздно».

Очерки В. Озерова изобилуют живыми зарисовками о ряде писателей Запада, наблюдениями об искусстве разных стран. И всегда автор выступает не как сторонний наблюдатель, а как борец за мир, полпред Страны Советов. Так, вспоминая поездку в Испанию, он пишет, как многих испанцев увлек доклад советского критика Александра Михайлова, называвшийся «Ленин и культура». В Испании 1970 года слова о Ленине, произнесенные представителем Советского Союза, были необычным явлением. Для советских писателей, замечает В. Озеров, зарубежные поездки не туристские вояжи. Это серьезная работа, цель которой — побольше увидеть на новом месте, подробно рассказать о своей стране, о ее миролюбивой политике, о социалистической культуре, эстетике.

Автор раскрывает процессы эстетического развития в мире, старается объективно смотреть на Запад, пишет о значительных произведениях. И — с партийной принципиальностью говорит о парадоксах капиталистической системы. Часто просто констатируются факты. Но какие! Вот, например, что В. Озеров видит в Японии: «Компании планируют выпускать новой продукции все больше, модифицировать ее все чаще, во что бы то ни стало завоевать мировой рынок. А это значит ускорять, непрерывно ускорять производственный процесс. Так и происходит. У конвейера — железный контроль; малейшая оплошность карается увольнением. А если рабочий раздражен, обижен, у него есть полная возможность излить свой гнев: в соседней комнате стоит резиновая фигура мастера, можете бить ее кулаками и дубинкой, чем хотите». Резиновый мастер — вот она, издевка над японским рабочим...

Рецензируемые работы Виталия Озерова, несомненно, обогатили советское литературоведение, критику, публицистику. И вполне заслуженно они выдвинуты на соискание Государственной премии СССР.

Анатолий ИВАНУШКИН

СЛЕДЫ

Валерий ВИНОКУРОВ,
Борис ШУРДЕЛИН

ПОВЕСТЬ

В КРУТОМ ПЕРЕДУКЕ

13

Снова прошепелявил звонок в передней. Елышев неловко вскочил, чуть стул не уронил — а ведь такой ладный спортивный парень. Не хотел, значит, чтобы его тут застали. Или лучше меня знал, кто может прийти? Или вообще все они сговорились?

— Не мельтеши, — успокоил я его, — ты ни с кем не встретишься. Надевай шинель, иди в ванную. Нового гостя я проведу в комнату, а ты тем временем потихоньку уйдешь. Добро? Но не забудь, что обещал заглянуть ко мне, когда все кончится. Добро?

Поступили мы, как я предложил, и все прошло гладко.

Я ждал не гостя, а гостью. И не ошибся.

Почему же все-таки она решила прийти ко мне? Это

не был порыв. Ведь именно она утром оставила записку в почтовом ящике. Если у Малыхи, у Елышева да и у Софьи были основания, то у нее их, по-моему, не было. И тем не менее Надежда пришла. И держалась уверенно.

Лишь однажды она вздрогнула. Когда Елышев выскользнул из ванной в переднюю и ушел, щелкнул замок входной двери.

— Кто там? — обернулась она. — Нас не подслушивают?

Я прошел через всю комнату к двери и распахнул ее: прихожая, конечно, была пуста. Надежда тоже подошла к двери и заглянула даже в кухню. Тогда я и дверь ванной открыл.

Мы вернулись в комнату. Но ее слово «подслушивают» меня насторожило. Может, не столько насторожило, сколько заставило внимательно вдумываться в каждое ее следующее слово.

— Я знаю, — начала она, — прокурор не поверил

мне. Из-за Павла Ивановича. И вы не поверите. Для вас я как падшая, что живу у него. Но когда мне стало невмоготу дома, он меня приласкал. Никто, а только он. Хотя он... Разве вам понять?

— Может быть, что-нибудь я и смогу понять.

— Только не это.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Было десять с чем-то, — сказала она. — Ну, в тот вечер, когда забарабанили в дверь. Совсем как вчера прокурор. Я сразу поняла: пришел отец. Не хотела я встречи с ним. Для того и ушла из дому куда глаза глядели, чтоб не видеть его.

А я подумал: «Глаза-то твои глядели туда, где была, вероятно, половина отцовской ховашки».

— Спросите: почему не донесла? А я вот не знаю. Сама себя спрашивала сто раз — и не знаю. А он с каждым днем все зверел и зверел. Вышло ведь как: попусту он приехал. Так рисковал, а вышло попусту. Мне он ничего не говорил, я все понимала по намекам. Так это еще хуже — толком не знаешь ничего, всего опасаться. Вот он стучал, требовал, чтоб открыли. Что делать? Я спряталась. Как в кино — на чердаке. Ход на чердак из кухни. Лестница приставная. Я захватила пальто, платок. Боты тоже. Чтоб для видимости — будто меня в доме нет. И на чердак. Но люк оставила чуток приоткрытым. На всякий случай. А вдруг он что с Павлом Ивановичем сделает?

Я подумал: «Елышев прав. Эта — хваткая, голову не теряет. С такой ему делать нечего, таять перед ним не будет. Да, она могла уйти к Петрушину только потому, что там осела половина отцовского злата...»

А она продолжала:

— Он впустил отца. Тот сразу: чего не открывал? Ну, Павел Иванович найдет, как отвечать, выкрутится. Прошел отец в комнаты — меня искал. Нет, не я ему была нужна. Ему нужно было, чтоб меня в хате не было. Сошлись они на кухне. И началось. Вот тогда я все и поняла. Мама знала, где он свою ховашку заховал. Когда уж совсем плохой стала, тете Паше рассказала, чтоб, когда мы вырастем... Мать ведь... Ее-то вы можете простить?

Моего ответа она бы не дождалась. Я бы сам спросил у ее матери, знала ли та, как ее муж сколотил этот капиталец. Да и спрашивать незачем: ясно, знала.

Подумал я и о том, что Надежда пытается отвести от себя подозрение, которое, кстати, и значения никакого сейчас не имело. Подозрение, что она ушла к Петрушину по корысти. У нее выходило, что узнала она о ховашке только в тот вечер, когда отец к ним ворвался.

— А когда мама умерла, к нам зачастил Павел Иванович, — продолжала Надежда. — О чем-то спорил с тетей Пашей. Мы маленькие были — не понимали. Теперь-то известно, чего он зачастил: он знал о ховашке, да не знал, где она. В общем, тетя Паша сдалась. Хата протекла, одежды не было, хорошо, когда картошка была. Тетя Паша и решила, тем более, что помощи от него ждала — за тайну в обмен. Все это я и подслушала с чердака. А вчера, когда вы с прокурором приходили, я потому молчала...

— Сейчас уже неважно, почему, — избавил я ее от лишней лжи.

— Спорили они, а я сидела на чердаке ни жива, ни мертва. Отец требовал, чтобы Павел Иванович вернул половину. Второй-то половины уже не было: все в дом ушло, в нас то есть. Отец рисковал, ехал, чтоб ховашку свою откопать и увезти, а тут взять нечего.

— А уехать он предполагал один?

— Хотел не один. Он же не знал, что Галина вышла замуж и что так крепко вцепилась в нового мужа. Я слышала еще дома... как раз в то утро, как пришла из больницы... что она... Галина то есть... поплатится, не рада будет — это его слова. А потом ограбили магазин. Отец Пашку на это натравил, а сам руки потирал, я впервые в жизни видела, как он улыбается.

«О господи! — Мне еще не верилось, что такие люди бьются. — Он все жестоко рассчитал. И родного сына не пожалел. Уверен был, что Галина не выкрутится».

Надежда говорила торопливо, словно полжизни промолчала и теперь должна выговориться и за прошлое и за всю жизнь, что ее еще ждала:

— Потом кто-то другой стучал. Это я вчера не врал. В тот вечер и второй раз стучали. Отец решил, что пришли за ним, вроде кто-то пришел предупредить о чем-то. Он так и сказал: это за мной. Выждал немного и ушел.

— Но перед тем, как уйти, — медленно и внятно произнес я, — он сказал Петрушину: «Ты у меня попляшешь». Так было?

— Откуда вы знаете? — Испуг был неподдельным, и этот испуг, можно сказать, обезоружил Надежду на какую-то минуту. — Значит, то приходили не за ним?

Для меня ее вопрос означал совсем иное. И вопрос и, понятно, испуг. Может быть, Елышева она в тот вечер вообще не видела, иначе могла бы догадаться, что это он слышал фразу отца.

— Что же было дальше?

— Дальше? — Она все еще не могла прийти в себя, но я и рассчитывал на ее замешательство. — Дальше... Я спустилась вниз. Павел Иванович был аж

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

зеленый. Он меня не слушал, только ватник надел, шапку и пошел. Следом за отцом. Я так испугалась, не знала, что делать, куда бежать. Был бы телефон — точно позвала бы милицию, и черт с ними со всеми.

«Могла бы и побежать в милицию, не так уж далеко, — подумал я. — Но не побежала. Что-то тебя удерживало?»

— Однако вы оделись и последовали за ними. Так? — спросил я.

— А что мне оставалось делать? В случае чего могла ведь я предотвратить беду. Да что там, — вдруг встрепенулась Надежда, — ничего я не могла.

— Продолжайте. Это очень важно. Для вас. Как вы думаете, который час был, когда вы все из дома вышли?

— Зачем думать? Часы на кухне висят. Я видела их, когда слезала с чердака.

— Было двадцать три часа?

— Нет, одиннадцать не было. Пол-одиннадцатого.

— Что? — вырвалось у меня. Расхождение с тем, как полагал Елышев, в полчаса, и значит, Слишко гораздо раньше мог попасть в дом к тете Паше — когда она еще жива была.

— Ах! — Моя реакция испугала Надежду. — Те же часы неисправные сроду. И отставать могут и спешить.

Я терпеливо ждал, когда Надежда хоть одним словом упомянет о Елышеве, но ожидание затягивалось. Наконец, словно угадав мои мысли, Надежда вскинула круглые плечи и спросила:

— Кто ж то приходил? Вы бы ничего не знали без него. Так что вы знаете, кто ж то был?

— Могла прийти любая из сестер. Люба, например.

— В такой час?

Наивный вопрос: ведь в такой час Софья бежала из больницы на Микитовку через старый город, а Вера по всему городу искала Любу. Я-то знал, кто приходил, но пусть Надежда сама догадается.

— Некому было, — сказала она. — И тетя Паша не пошла бы в такой час.

Вдруг Надежда покраснела, и сразу еще привлекательней стало ее лицо: чересчур бледное до этого, оно теперь украсилось румянцем на щеках с ямочками. Догадка, прятанная где-то, прорвалась наружу — так мне в ту минуту показалось.

— Вы знаете, что это был он?

— Если вы имеете в виду Елышева, то почему он не мог быть?

— Зачем ему? Совесть заговорила? Он передо мной не ответчик, ни в чем он передо мной не повинен.

— А вы любили его?

— Я? Любила? Его? — Можно было подумать, что она возмущена. — Нет, не любила я его.

— Но и расстаться не хотели.

— То разные вещи. Я сразу увидела, что на него никакой надежды нельзя держать. Да я и не хотела бы с ним жить. Не такую, как я, он ищет. И та врачиха, с которой он сейчас, пожалует.

— Она совсем ни при чем. Так... значит — разные вещи?

— И когда он с Сонькой... когда он позарился на хату... я даже рада была, что избавилась от него.

— Простите, — сказал я, — но ни на какую хату он не позарился. Однако очень важно, каким образом вы узнали об этом?

— О чем? Что он с Сонькой? Так она сама утром мне и рассказала. В больнице. Со злорадством. Только не добились она своего. Не видать ей больше его, как прошлогоднего лета. Потому что его посадить надо!

Вот теперь мы только и подошли к самому главному — хотела того она поначалу или нет.

И Надежда, как-то странно сжавшись в комочек и всхлипывая, рассказала мне все, что видела она в ту ночь в Крутом переулке...

14

Теперь я знал, что были еще по крайней мере два участника событий той ночи, с которыми мне пока беседовать не довелось. Как только всхлипывавшая Надежда ушла, я позвонил Привалову. Однако для себя я уже решил: будь эти парни хоть сто раз виноваты, у меня не поднялась бы рука подписать обвинительное заключение.

— Слушаю, — прогудел Привалов.

— Визиты, думаю, исчерпаны. Петрушин ко мне прийти не может, а больше некому. Осталось мне самому нанести последний визит. А вас я сейчас познакомлю еще с одним звеном в цепи этого дела. Звено не последнее, но едва ли не решающее. Скажем так — предпоследнее.

И я рассказал ему все, что узнал от Малыхи, Елышева и Надежды. А потом позвонил Чергинцу. Он готовился к лабораторной работе, которая предстояла в вечернем институте, и потому сидел дома. Я попросил его свести меня с Бизяевым.

— Приезжайте, — ответил Сергей. — Он у меня. Спит.

Но я не хотел беседовать с Бизяевым в присутствии Сергея.

— Видишь ли, мне с ним надо с глазу на глаз.

— Вижу. И не буду вам мешать, — откликнулся Сергей.

Когда я принес в его жарко натопленный дом холод осеннего дождя, он даже не полюбопытствовал, как идет расследование. Только сказал:

— Идите в мою комнату — он там спит.

Володя Бизяев крепко спал в комнатке за кухней. Комнатке, которую Сергей до сих пор называл своей, хотя ему принадлежал уже весь дом. Она стала его комнатой, когда родители ее выделили ему. Своему старшему сыну в день окончания семилетки. Ее никто не занимал, пока он был в армии. И когда он остался совсем один, Сергей долго не мог заходить в большие комнаты, где все напоминало об отце с матерью, о младшем брате, чью гибель старики не смогли пережить. Конечно, именно эту комнатку он всегда представлял Володе, если тому приходилось заночевать или просто надо было позаниматься в тишине у старшего друга.

— Володя, — позвал я.

Он узнал меня и протянул глуховатым, низким голосом:

— Добрый вечер. Добрались, значит, до меня...

— Значит, до тебя.

— Долго вы добирались, можно было и побыстрее.

— Могу бы и пораньше, да тогда я многого не знал. Того, чего и ты не знаешь. Ты мне только скажи: что ты делал в тот вечер и в ту ночь в Крутом?

— Вы уверены, что я там был?

— Я знаю об этом. Тебя видел Малыха.

— И я его видел.

— Вот и скажи, что ты там делал?

Бизяев ответил не сразу. Провел крупными пальцами по высокому лбу, откинул назад длинные гладкие волосы цвета воронова крыла, по контрасту с ними еще ярче блеснули белоснежные зубы. Он как будто усмехнулся. Вот именно — как будто. По правде — боль подавил.

— Любу ждал, — сказал наконец он.

— Дождался? — не нашел я другого слова.

И снова сверкнули его зубы.

— Нет. Она перед сменой домой не заходила.

— А где ты ждал? В каком месте? Не ходил же по переулку взад-вперед?

— На пустыре ждал. Не совсем на пустыре, а у стены. Там раньше ворота были, теперь завал. Вот там и ждал.

Я представил себе его позицию: обзор был не из лучших, он мог видеть лишь угол дома и два окна большой комнаты. Я спросил:

— В тех окнах, что ты мог видеть, свет горел?

— То горел, а то нет.

— Но как бы ты узнал, что она пришла домой?

— Там в большой комнате гардероб. В окно видно.

Если б она пришла, стала бы переодеваться.

И в третий раз сверкнули его зубы. Сомнений у меня уже не осталось: слезу он удержал бы, гримасу боли — не мог.

Я не имел права спрашивать, для чего он ждал Любу. Это его тайна, дело его совести. И с тем ему теперь жить. Теперь уж навсегда без нее.

Но я должен был его спрашивать. И спрашивал о другом.

— На руке у тебя были часы?

— Были. Но я на них посмотрел последний раз без десяти одиннадцать.

— А потом?

— А потом некогда было.

Он произнес эту фразу вовсе не устало, что не удивило бы меня, а напротив — с тайным вызовом, по-юношески опрометчивым, но и решительным.

— Понимаете, я подождал еще минут десять... Нет, не после того, как посмотрел на часы, а после того, как выкурил папиросу. И решил идти домой. Спрыгнул с кирпичей. И вижу: из хаты выбежал человек. Когда прыгивал, я прыгнул не вниз, а в сторону и потому увидел крыльцо. Я его увидел сбоку и видел, что за ним, за крыльцом, в окне горит свет. Человек — я его сразу узнал — побежал в сторону Микитовской. Побежал, словно испугался чего-то. И свет из двери. Понимаете? Я — туда.

— Зачем?

Володя пригладил волосы.

— Даже не знаю, чего я туда полез. Разве я думал об опасности? А увидел я...

Голос его звучал спокойно, но он волновался, я это видел. Он словно заново все переживал и не был убежден в том, что сам был только наблюдателем. Свидетелем, как сказал бы любой следователь.

Войдя в дом, Бизяев не мог не увидеть постель тети Паши. Из кухни, которая одновременно служила и прихожей и столовой, был ход в ее комнату, а ее постель стояла прямо против дверного проема без петель и потому, естественно, без дверей. Поскольку именно в комнате тети Паши горел свет, Володя прежде всего и глянул в дверной проем. Он тоже узнал хозяйку дома. И так же, как и Малыха, сдернуть с лица подушку не осмелился.

Но в ту же секунду он услышал хлопанье воды за стеной — шаги. И понял, что кто-то идет, обходя дом со двора, а не с улицы. Размышлять было некогда, хотя он успел сообразить: грязные следы на полу могут выдать его, так что путь в дом отпадал.

Бизяев отпрыгнул назад, на тесную веранду, служившую сенями. Он надеялся опередить того, кто шел в дом, но понял, что не успеет. В беспомощности спрятался за раскрытой дверью. Если человек войдет в дом и закроет за собой дверь, Володя один останется на веранде.

Уже не страх руководил им, а решимость понять, что здесь произошло. По молодости он не думал об опасности всерьез. К тому же он не видел вошедшего человека. А тот плотно затворил за собой обе двери: и входную и из сеней в кухню-прихожую.

Володя не собирался покидать Крутой переулочек. Он лишь выскочил во двор и, пригнувшись, пробежал под окнами в глубь двора, за курятник, ожидая, когда этот человек выйдет из дома: крыльцо теперь Володя видел хорошо.

И в ту же минуту в большой комнате вспыхнул свет. Даже двор осветился, ведь в большой комнате висела люстра, а в комнате тети Паши, где свет так и продолжал гореть, — небольшой красный абажур.

Тогда же Володя подумал: не мог убийца убивать тетю Пашу при свете. Почему же тот человек, который выбежал раньше из дома, оставил за собой и свет в ее комнате и двери раскрытыми? Значит, убийца — не он?

Володя и не хотел того человека даже в мыслях называть убийцей. Он узнал ведь его сразу, несмотря на дождь и темноту. То был Малыха.

Узнал Володя и второго, того, кто только сейчас вошел в дом. Он отчетливо увидел, кто это, когда тот зажег свет еще и в Софьиной комнате. Убийцу, говорят, тянет на место преступления. Но даже если это так, не станет же он возвращаться на это место сразу же, так быстро после совершенного? Логика, конечно, такова, но все равно, по мнению юноши, убийцей мог быть только этот человек — только этот самый Слишко, который, как показалось Володе, уже потрошил Софьюн шифонер.

Володя глянул по сторонам и вдруг увидел, как вдоль стены, выходящей в садик, и именно с той стороны, откуда пришел Слишко, крадется человек в ватнике. Если бы не труп в доме, все это походило бы на приключение и Володя бы наблюдал с любопытством. Однако в доме лежала мертвая тетя Паша, и потому Володе уже бил озноб.

Вдруг погас свет в Софьиной комнате. Затем тут же погас и в большой.

Человек в ватнике пробежал к крыльцу. Володя отчетливо видел в его руке молоток.

15

Действительно, до этой минуты события развивались именно так, как рассказывал Бизяев. Вернее, как ему все виделось, а так до известной степени и было на самом деле. Володя видел, когда спрыгнул с кирпичей, решив идти домой, что из дома выбежал Малыха. Но он не знал, куда исчез Малыха и исчез ли он, не был ли и в последующие три четверти часа в Крутом переулке. Более того, Володя не знал, что Малыха входил в дом дважды...

Я раньше считал, что все можно узнать, внимательно выслушав человека. Эта же история, в которую меня втянул Привалов, сперва заставила понять, что важно уметь не только слушать, но и спрашивать: ведь ответы мы получаем на те вопросы, какие задаем. А потом я пришел к выводу, что, даже получив ответы и выслушав искренние признания людей, все-таки невозможно порой разобраться в происшедшем. Для этого нужны способности аналитика, а у меня их, очевидно, не хватало.

Четыре человека, участники ночных событий в Крутом переулке, рассказали мне о том, что они видели. Что каждый из них видел. Малыха, Елышев, Надежда, Бизяев. Видели они, вероятно, все или почти все происходившее в доме. Но каждый из них в отдельности всего не мог видеть, каждый видел что-то и это что-то по-своему воспринимал. Я же, как ни старался, так и не мог нарисовать для себя цельную, без белых пятен картину. Брал лист бумаги, чертил на нем путь каждого, отмечал время и... все равно сбивался. Нет, безусловно, жизнь сложнее самого запутанного сюжета.

В это просто нельзя поверить: столько в доме народу за какой-то час перебивало. Порой и не желая того, каждый из них словно нарочно запутывал ситуацию. Так что я могу либо пересказать прокурору все услышанное (это я поначалу и сделал, еще до разговора с Бизяевым), либо попытаться расположить все в определенной последовательности, заполнить белые пятна собственными логичными, как мне казалось, предположениями (это я сделал после разговора с Бизяевым, готовясь к последней, как я полагал, беседе с Приваловым).

Итак, от Малыхи я узнал, что он побывал в доме дважды.

В первый раз он вошел в дом, когда ничего не подозревал и когда по неловкой позе тети Паши понял, что она мертва. А вторично он побывал в доме после того, как там — уже после Малыхи — побывал еще один человек, с которым Малыха прежде никогда не сталкивался.

Увидев тетю Пашу в неловкой позе в постели, Малыха испугался и выскочил из дома. Сперва он пустился бежать, но по дороге опять поскользнулся, упал, а поднявшись, уже рассудил и поступил хладнокровно и, как ему казалось, разумно. Он вернулся, укрылся в кустах, буквально в десяти метрах от крыльца, и вновь испытал свое недавнее чувство, будто рядом присутствует еще кто-то. Бежавшую женщину он не узнал и не мог узнать в такой темноте да под дождем. Но когда он первый раз поскользнулся, ему почудилось, что он кого-то спугнул. И теперь ему чудилось то же. Потому он и заставил себя терпеть холод и воду, насквозь промочившую его одежду, пока ему пришлось сидеть в кустах. Но все-таки он дождался. Чувство не обмануло его: где-то рядом все это время был человек, и этот человек, решив, что никого поблизости больше нет, пошел к дому.

Свет из открытой двери позволил Малыхе разглядеть, хоть и мельком, лицо этого человека. Малыха клятву мог дать, что никогда прежде не встречался с ним. Незнакомец между тем, войдя в дом, погасил свет, а уходя, плотно прикрыл за собой двери. Двор и все вокруг дома погрузилось в кромешную тьму. И вдруг кто-то, скорее всего этот самый незнакомец, плюхнулся в грязь, выматерился, захлопала вода. И человек простонал так, как стонет от нестерпимой боли. Опять выматерился, опять застонал, да так, будто кто-то душил его. И, наконец, стало тихо. Ушел этот человек или спрятался где-то рядом? Тот ли это действительно был незнакомец, который в дом заходил?

Выжидая, Малыха задавал себе эти вопросы. А потом поскользнулся все же в дом, зажег свет в комнате тети Паши. Его поразило, что подушка с ее лица была снята и теперь покоилась за ее головой у стены. Малыха вернул подушку на прежнее место. Снова выскочив из дома, чтобы вернуться в свое укрытие, он оставил дверь открытой: ветер придул ее к порогу, но плотно прижать не сумел, и она колыхалась.

Проще всего было пуститься бегом к Октябрьской площади и позвать милиционера, но Малыха решил, что еще успеет это сделать, когда поймет, кто здесь стонет и прячется.

Спрыгивая с кирпичей, Володя Бизяев как раз и увидел, что Малыха выбежал из дома. Володя, повторяя, не знал, что Малыха побывал в доме второй раз. Кроме того, Володе показалось, что Малыха побежал в сторону Микитовской, а тот ведь скользнул в укрытие. Узнав Малыху, Володя испугался — не за себя, за Гришку.

(Бизяев говорил мне: «Разве я мог его оставить? Я и о себе не думал. Почему он тут? — вот какой вопрос меня мучил. Но еще я подумал, что не имею права ему мешать. Может, происходит что-то такое, чего мне и не понять. А может, я чувствовал беду?»)

Малыха из своего укрытия узнал Бизяева и был этим потрясен. Получалось, что Володя тоже прятался. Значит, он узнал обо всем до того, как узнал Малыха?

(Малыха говорил мне: «У меня в голове все так смешалось, будто ночь напролет со штормом боролись. А тут одна мысль засверлила: чего Володька тут? Я уж в дом за ним собрался, я уже и ногу из куста высвободил, чтоб за ним...»)

Но тут Малыха увидел, как по двору — напрямик, со стороны сада — идет, нисколько не боясь — так это выглядело со стороны, — здоровенный мужчина. Узнать Прокопа Сличко — то был он, собственной персоной — Малыха не мог: как и того незнакомца, Малыха никогда отца своей Веры не видел, дороги их впервые сошлись только в этот вечер. Но хоть и не знал Малыха, что это Сличко, а значит, и Любкин отец, — хоть и не знал Малыха этого Прокопа в лицо, зато узнал, что Володька в дом забежал. Малыха распрягнулся в своем укрытии, готовый к прыжку, готовый прийти на помощь.

(Малыха говорил мне: «Если б тот поднял руку на Володьку, я за себя бы не отвечал. Честное слово, разозлился бы ему голову на месте.»)

Но Володя обошелся без помощи. В доме он спрятался за дверью, а когда выскочил из дома, укрылся за курятником. Малыха рванулся было к парню, за курятник, да вовремя присел. Для обзора его укрытие в кустах было более выгодным, чем укрытие Володи. Малыха видел весь двор и сад за ним, Володя же — только двор. Малыха и остался в кустах, потому что увидел, как в саду — от дерева к дереву — заматалась серая тень.

(«У меня снова дух перехватывало, — рассказывал мне Малыха. — Как в кино — с такой скоростью все менялось. Убийство... какие-то люди... сперва женщина пробежала, потом тот незнакомец и стоны — его или нет, так ведь и не знаю, может, еще кто там был...»)

потом Володька... и за ним — тот мужик огромный... и теперь этот, в сером ватнике, в саду...»)

Малыха тоже заметил молоток в руке, хотя и не узнал Павла Ивановича. Но он правильно решил, что второй (Петрушин) преследует первого (Сличко) вовсе не для праздного свидания.

Между тем этот второй (Петрушин) подбежал к двери. А в доме вдруг стало темно. Сперва погас свет в Софьиной комнате, затем тут же — и в большой. Перестало светиться и окно той комнаты, в которой лежала тетя Паша.

(«Когда он наклонил голову и ухо приложил к двери, — рассказывал мне Бизяев, — я только тогда его узнал. Кто же не знает этого придурка Петрушина? И я захотел, чтобы он прикончил Сличко. Чтоб мне не пришлось пачкать руки об этого гада. Чтоб гад — гада. Понимаете?»)

Но ни Гриша Малыха, ни Володя Бизяев не знали, что за этими двумя — для Малыхи они были просто первый и второй, а для Бизяева — Сличко и Петрушин, — что за этими двумя шли еще двое.

Я же об этом узнал от самих Надежды и Елышева. Надежда, послешившая вслед за отцом и Павлом Ивановичем, просто-напросто увязла в каком-то раскисшем переулке и потому вынуждена была идти в обход. Не прямой дорогой, которой, по ее предположению, пошли те двое.

Перед Елышевым же, шедшим в тридцати метрах за ней, встал вопрос, по чьим теперь следам идти, — за обоими мужчинами или за Надеждой? Его подмывало, конечно, пойти за ней, но, рассудив по-мужски, он решил пойти за ее отцом и ее новым мужем — не потому, пожалуй, что мысленно он именно так называл Сличко и Петрушина, а потому, что понимал — их ночное путешествие может окончиться совсем небезопасно.

Однако Елышев потерял их след и заблудился. К тому же его внимание на время отвлеклось на какого-то мужчину. Весь грязный с головы до ног, тот стоял, обхватив ствол дерева, как обычно стоят пьяные. И то стонал, то взывал, когда пытался продвинуться дальше. Сперва Елышев даже пошел к нему, хоть для этого и пришлось свернуть в сторону, но, уже подойдя к мужчине, вдруг решил, что связываться с пьяным на ночь да еще в такую погоду не стоит: если тот здешний, кто-нибудь из микитовцев подберет и без него, без чужака, а если не здешний, то куда ему, Елышеву, деваться ночью с пьяным, раз и без пьяного он заблудился.

Надежде же, лучше Елышева знавшей Микитовку, не хотелось идти по освещенной Микитовской улице, где ее могли увидеть и узнать. Потому она то и дело ныряла с Микитовской в переулки. И только она приготовилась в очередной раз свернуть с освещенного тротуара в темный проулок, как навстречу ей вывалился перепачканный мокрой глиной пьяный. Надежда отпрыгнула назад, выскочила на проезжую часть, а потом уж ноги сами понесли ее дальше. Пьяный же за ее спиной издавал странные звуки, в шуме дождя они пугали ее еще больше, и хотя Надежда удалилась от перекрестка, вой пьяного преследовал ее.

Елышева же какой-то переулком вывел не в конец Крутого, куда он шел, а в начало, почти в Микитовской улице. И здесь его увидела Надежда.

(«Меньше всего я хотела его тогда увидеть, — рассказывала она мне, — вообще не хотела его видеть, я ведь думала, что он идет от Соньки. Как я его ненавидела в ту минуту!»)

Елышев ее не видел. Он довольно быстро понял свою ошибку, понял, что попал не в конец Крутого, а в начало. Постоял посреди переулочка и повернул обратно, пошел прямо по переулку, по раскисшей, немощной проезжей части.

А Надежда сперва струсилась идти за ним и долго не решалась ступить в переулок, где прожила большую часть жизни. Но страх за тех двоих — за Сличко и Петрушина, за отца и мужа, которые могли натворить бед, пересилил все — даже ненависть к Елышеву. И она, прижимаясь к садовым заборчикам, поспешила к дому.

Так объясняла она сама, но я думаю, что тайная мысль, которая привела ее в дом к Петрушину, — надежда на ховашку, на богатство, — та же тайная мысль вела ее и дождливой ночью по Крутому переулку. Впрочем, это ее право — объяснять иначе. Спорить незачем.

Елышев же, хоть и пошел за двумя мужчинами, всю дорогу размышлял о Надежде. Вмешиваться в чужую ссору он не хотел. А вот хотел он — действительно хотел — узнать, как поведет себя Надежда.

(«Что мне те двое? — говорил он мне. — Их дело — их забота. А до конца раскусить Надю не мешало. Вдруг она в какой темной сети запуталась? Или сама других запутывает? Она могла, чего уж теперь скрывать.»)

Однако — и это очень важно — оказалось, что, плутая по переулкам, Елышев вовсе не опоздал: те двое, выходит, не слишком спешили. Но старшина проявил неосторожность. Он появился во дворе в тот момент, когда Петрушин был на крыльце. Павел Иванович

увидел его и с перепугу выронил молоток, который громко стукнул о бетонную отставку. Павел Иванович соскочил с крыльца, поскользнулся и упал на четвереньки.

(Малыха говорил мне: «Я ждал, когда выскочит тот, который в доме». Бизяев говорил мне: «Я ждал, когда выскочит из хаты тот гад. Я б ему взрезал». Елышев говорил мне: «Ничего я не ждал. Свалял дурака — вот что я о себе подумал.»)

Упав на четвереньки, Павел Иванович быстро учуял опасность. Вскочил, бросился, словно молодой, к калитке и исчез в темноте переулочка. Надежда, крашась за Елышевым, столкнулась с Петрушиным в переулке, подходя к калитке, и он увлек ее с собой. Она, конечно, не сопротивлялась, более того — была рада, что именно Павел Иванович уцелел. А Елышев, как она твердо знала, остался у дома или, считала она, уже в дом вошел. Услышав утром о смерти тетки и отца, она без колебаний решила, что Елышев — в том участник, может, не сам на преступление пошел — по наущению Софьи, пожалуй. Ненависть подсказывала Надежде такие мысли. И еще больше радовалась она, что Павла Ивановича Елышев спугнул.

(Елышев верно потом рассуждал в разговоре со мной: «Он не меня испугался, а моей формы. Меня в темноте да издаля он бы и не узнал. А по форме принял за милиционера. Вот что он подумал? Что милиционер пришел Сличко забирать?»)

Шум во дворе должен был привлечь внимание человека, находившегося в доме. Но его давно научили осторожности, он слишком хорошо знал о своем положении в этом городе, чтобы выскочить во двор. Вероятно, он глянул в окно, увидел шинель с погонами и поблескивавшие под дождем пуговицы...

(Бизяев говорил мне: «Я ждал, когда кто-нибудь из нас сдвинется с места». Малыха говорил мне: «Я ждал Володьку Бизяева. Без него не хотел уходить, не хотел его оставлять тут». Елышев говорил мне: «Я стоял, как дурак, не мог с места двинуться, ноги словно примерзли к месту. Такая тьма, ничего не разберу, ничего не вижу.»)

Дальше — это уже по моей версии — все было просто. По моей версии, подчеркиваю.

Если бы в доме не находилась мертвая тетя Паша, Сличко, видимо, нашел бы какое-то иное решение. Но понимая, что ее смерть не только утяжелит его долю, а сперва удесятерит усилия тех, кто обязан поймать его, он открыл окно, выходящее на пустырь, бесшумно выбрался и через пустырь побежал к кирпичной стене, к тому месту, где она, разрушенная временем, сходила на нет.

Елышев не увидел Сличко, потому что пошел прочь от этого дома сразу же после бегства Петрушина. Старшина так и не узнал в тот вечер, что же произошло там, где он побывал.

(«Если бы я знал, что там Малыха и Володька, я бы не ушел, ни за что не ушел, — признался он мне. — Но Петрушин исчез, Надя, как я понимаю, уже не придет, раз до сих пор не пришла — я ж долго блуждал. А ждаль, пока ее отец из дома выйдет, чтоб снова схлестнуться с ним, мне было лишним.»)

Бизяев ничего не услышал: курятник ведь совсем с другой стороны дома, нежели пустырь.

Но Малыхе, привыкшему по ночам вслушиваться в голоса реки, показалось, что за домом что-то хлопнуло — и не раз. Ему еще долго слышался какой-то топот и глухой шум, словно из-под земли.

Бизяев и Малыха не сразу покинули свои укрытия. Это было рискованно, оба опасались привлечь внимание человека, скрывавшегося в доме, ведь они не знали о том, что Сличко через окно покинул дом. Малыха, который слышал что-то — или ему казалось, что слышал, — не связал это с бегством человека из дома: шум доносился вроде издали, с пустыря ли, из оврага ли...

Первым все-таки покинул двор Бизяев.

(«Не видел я Малыхи, — признался он мне с огорчением. — Если б я знал, что он там, мы бы вместе... Но я думал, он давно ушел. Потому поплелся домой. По задум, по огородам. Я ж там все помню, с детства. Но если б знал — все бы сделал не так!»)

Малыха в конце концов поскользнулся за курятник. Но Володя там уже не было.

(«Вот тогда меня одолел страх, — признался он мне. — Аж затрясло. Не помню, как пробрался через двор на улицу. Помню — бежал по Микитовской. Будто очумелый.»)

Выслушав Володю Бизяева и расправившись мысленно с белыми пятнами, я проникся уверенностью, что моя версия безобидна. Да, она проста, как водоворот. И так же страшна.

Однако, покинув Чергинца и Бизяева — Володя уже отоспался после ночной и занялся во дворе заготовкой дровишек для вечерней топки, чтобы Сергей мог спокойно посидеть за учебником химии, — я отправился вовсе не в прокуратуру, а в больницу. Я рассудил, что Привалову ни я, ни моя окончательная версия

сейчас не нужны. Перед походом к Чергинцу для беседы с Бизяевым я ведь Привалову звонил и рассказал все, что узнал от Малыхи, Елышева и Надежды Осмачко. Так что прокурор мог проверить то, в чем усомнился, и уточнить то, на что его навела моя информация.

По пути на Яруговку я заглянул в горздрав. Как секретарю парторганизации лучшей в городе, показательной больницы, причем секретарю молодому, по райкомовским меркам, недостаточно опытному и потому излишне самостоятельному, мне приходилось бывать в горздраве часто. Я уже, кажется, говорил, что переехал он в новое административное здание, расположился рядом с горкомом партии, где я, признаюсь, любил бывать — там мою самостоятельность поощряли, разумно полагая, что самый полезный опыт всегда — свой собственный.

Первый секретарь горкома, с которым я случайно встретился в лифте, предложил подождать его несколько минут в вестибюле: он едет на «Южсталь» и подбросит меня в больницу. Конечно, в дороге снова будет уговаривать перейти на работу в горздрав. Ну, как доказать, что противопоказана мне должность администратора?

В просторном холле вестибюля, наискосок от гардероба, вот уже второй месяц стоял макет застройки Новоднепровска. Проект разработали молодые киевские архитекторы и получили за него премию на всесоюзном конкурсе. Все недосуг мне было раньше рассмотреть макет, а сейчас я первым делом отыскал на нем Микитовскую улицу. Насколько шире она, оказывается, станет. И пойдет прямо... через нынешний овраг. Вот интересно: там, где сейчас овраг, будет виадук, а Крутой переулочек пройдет под этим виадуком и выйдет к Днепру. Несколько пяти- и девятиэтажек как бы окружают нынешний одноэтажный микрорайон. Микитовка добротнее отстроена, так что архитекторы только вписывают ее в новый проект. За теперешним кирпичным разваливающимся забором, на месте разрушенного в войну железнодорожного заводика вырастет здание металлургического техникума. С собственными мастерскими из стекла и стали. Просто не верится, что уже в следующей пятилетке так изменится город!

Глядя на тщательно сработанные на макете фонарные столбики — не поленились, надо же, в проектной мастерской сделать их не меньше тысячи штук, — я подумал о том, как светло станет в переулках Микитовки, в том числе и в Крутом. А где светло, там и чисто: асфальтом их покроют, тротуары выложат. И напрямик из переулков на пляж — так и смотрят они стрелочками на Днепр...

— Красотица, правда? — Секретарь горкома положил мне руку на плечо. — Даже в таком игрушечном городке неплохо бы пожить. А в настоящем каково будет? Здорово, а? Ты посмотри, сколько всего добавится по твоей профессии: поликлиника, еще одна, еще... А вот больница, вдвое больше вашей нынешней... А сюда посмотри! Ты только подумай, какое медицинское хозяйство...

И всю дорогу, как я и предполагал, он уговаривал меня перейти в горздрав.

— Не согласишься — сами переведем, — сказал он мне, высаживая у яруговской больницы. — Ладно, ладно, время есть еще. Хорошенько подумай — согласишься...

Мысли о будущем Новоднепровска и о своем собственном будущем — решимость секретаря горкома прояснила мне все, — мысли эти увели меня далеко от того дела, в которое втравил меня Привалов. И решил я под свежими впечатлениями взгляда в будущее категорически отказаться от копания в мрачном прошлом Крутого переулка. Сейчас же позвоню прокурору и завершу на том свою карьеру его внештатного помощника.

Но, к моему удивлению, Привалов уже был в больнице, достаточно терпеливо, как он подчеркнул, поджидая меня. И еще раз он удивил меня, сообщив:

— Жду разрешения врачей побеседовать с вашим знакомцем. Сажу и жду. Перелом ноги у него оказался очень сложный, к тому же он много крови потерял.

Не сразу сообразив, о ком говорит прокурор, я спросил:

— Кто же это? — но тут же выразился более профессионально: — Личность установлена?

Привалов, стоявший у окна и куривший папиросу, бросил окурок в форточку.

— Установлена, — усмехнулся он, — но фамилия и прочие титулы вам совершенно ничего не скажут. В общем, это человек, за которого не так давно вышла замуж Галина Курань.

Пришел и мой черед присвистнуть по-новоднепровски. Там, где мне приходилось напрягать фантазию, прокурор все узнает наверняка.

— А ее вы задержали? — спросил я.

— Пока в этом нет необходимости. — Прокурор с минуту помолчал, а затем спросил в раздумье: — Как вы думаете, он станет ее выгораживать или расскажет, что знает?

— По-моему, он не должен простить ей, что она

встречалась со Сличко. Если он, конечно, знает про то что-нибудь.

— Он все знает.

И прокурор сообщил мне то, что успел узнать у Чергинца, когда Сергей забежал к нему сообщить о Петрушине. Тогда-то Привалов и расспросил его подробно о Галине, но до моего последнего звонка, конечно, не связал собранную информацию о ее новом семейном положении в одну цепочку с ночными событиями в Крутом.

Итак, по словам Чергинца, новый муж Галины без ума от нее. Едва успел похоронить жену, как женился на Галине. Не исключают на Микитовке, что их, с позволения сказать, роман начинался при жизни его жены. Впрочем, это малоинтересно. Интереснее другое. Вероятно, он заподозрил что-то неладное. Стал следить за Галиной. Может быть, чье-то слово сыграло свою роль. Особенно он стал следить за ней как раз в последние дни, когда уже совсем не верил ей.

— Трудно предположить, что она не понимала, чем рисковала, встречаясь со Сличко.

— Свой риск, — решительно начал я, — она ставила на одну доску с надеждой урвать что-либо из того, чем владеет Сличко. Вероятно, речь шла о золоте, а на золото все падки. И людям почище Галины оно души травит и жизни губит. Такие же, как Галина, ради золота способны на все. В тот вечер муж решил наконец выследить ее и обманул — сказал, что едет к сыну. Сейчас она, конечно, знает, что он ее обманул, и, видимо, знает, где он находится. Но тогда поверила, а он тайком следил за ней. И дорога в конце концов привела его в известный нам дом. Как вы мне только что объяснили, ему этот дом тоже известен, раз он двоюродный брат тетки Павлины и, значит, умершей матери четырех сестер. Конечно, его удивило, что нужно Галине в такую слякоть в Крутом переулочке. Сперва-то он подумал, что она идет в свой старый дом, тот самый, который она оставила сыну, выйдя замуж, и в котором, как мы предполагаем, проводил время и Прокоп Сличко. Но затем он увидел, что Галина направилась в дом тети Паши. Подозрения его вроде бы рухнули, так как он знал: мужчины в том доме не живут. Он ждал терпеливо, успокоился, взял себя в руки и не выдал своего присутствия в переулочке. Даже тогда, когда в доме погас свет, а из двери выскочила его Галина. Он не побоялся за ней. Он пошел к своей двоюродной сестре — выяснить причину столь позднего и такого таинственного визита жены на окраину Микитовки. Он дернул дверь — та поддалась. Он прошел дальше. Темно. Нащупал выключатель, зажег свет. И увидел...

— Вы хотите сказать: увидел, что Павлина убита его женой? — спросил Привалов. — Может быть, вы и правы.

Вдохновленный похвалой, я продолжал, совершенно забыв о том, как сам настаивал на доверии к показаниям экспертизы, утверждавшей, что тетя Паша не была убита, а умерла своей смертью. Ведь это прокурор именно тогда предложил в интересах следствия считать, что тетю Пашу убили. Впрочем, Галина, как я теперь был твердо убежден, убившая тетю Пашу, могла это сделать просто: поскандалила с ней, а когда старухе стало плохо с сердцем, вместо помощи положила ей подушку на лицо.

— Галининого мужа, — пошел я дальше развивать свою новую версию, — естественно, охватил страх, и он не помня себя выскочил из дома и бросился вдогонку за женой. Сперва страх заставил его бежать в глубь Микитовки, в переулочки, а потом тот же страх вернул его к дому. Но пока он бежал, в доме побывал еще один человек — Малыха. У парня хватало ума не сбежать, а ждать. Муж Галины вернулся в дом и не только выключил свет, но и снял подушку с лица кузины, выправил тело. А затем случилось то, что, собственно, и привело его в больницу: в темноте он оступился, упал и сломал ногу. Но не мог же он оставаться на месте? На месте преступления, да еще чужого. Из последних сил он стал оттуда выбираться. Нельзя осуждать Малыху: он в темноте что-то слышал, но не представлял себе, что неповинный ни в чем человек сломал ногу. К тому же и внимание Малыхи отвлекли вновь пришедшие, что и позволило, кстати, этому — Прохору, говорите, его зовут? — со сломанной ногой выбраться со двора. Потом, в переулочке, Елышев принял его за пьяного. И Надежда не узнала своего двоюродного дядьку — тем более что, по вашим словам, точнее, по словам Чергинца, он редко бывал в их доме с тех пор, как, вернувшись с фронта, узнал, за кем, оказывается, была замужем его младшая двоюродная сестра, мать четырех девочек. Если бы, выходит, не эта поздняя любовь к Галине, этот человек никогда бы и не попал на орбиту, столь близкую к Сличко. А из-за этой любви, говорите, уважения многих друзей лишился? Это вам тоже Чергинец рассказал? В общем, и Надежда приняла его за пьяного. Днем, когда она нанесла мне так точно рассчитанный вами визит и рассказала об этом пьяном, я еле дождался ее ухода, чтобы позвонить вам: ведь про него же упоминал и Елышев.

Окончание следует.

Бердия БЕРИАШВИЛИ

Весеннее

*Розы и солнце в апреле пришедшем
Простятся в песню весеннего дня.
Лягу под персиком, нежно расцветшим,
Пусть укрывает цветами меня.*

*Туча над миром раскинута сельским,
Хочет, как вымя, пролиться она.
Пусть пропитаюсь я ливнем апрельским.
Свежесть и сердцу и слову нужна.*

Война нас научила

*Никто не скажет, даже ненароком,
Слов похвалы о том жестоком дне.
Есть пятна крови, что прильнули к строкам
На треугольном памятном письме.
Война, сирот рождая и героев,
Как седина, за мной идет вослед.
Война, что, возраст юношам утроив,
Цвет белый красит в самый черный цвет.
У нас в сердцах теперь такая сила,
Хоть мы такие помним холода!
Земных людей, война нас научила
Людских потерь бояться навсегда.
И я, как будто раны пулевые,
Залечиваю тягостные дни.
На лицах тех, кто был там не впервые,
Следы войны я вижу! Вот они!
Но шелестит в душе росток надежды,
И он цветет: не будет войн вовек!
Смотрите — и под снегом есть подснежник...
Есть на земле еще и Человек.*

Ветер в Боржоме

*Что-то вновь волнует меня,
Огнем обжигает.
Да и верно,
Бывает ли так, чтобы мы не пели!*

*Вот и ветер опять
Игру свою затеивает,
Заставляя запеть
Твои боржомские ели.*

*Нынче жажду я шума, волненья,
Совсем не славы,
Но на склонах так робко
Замерли синие травы.*

*Под зеленым небом ветвей
Я укрыт, как в сказке,
Там пишу
И откуда-то слышу опять подсказки.*

*Сердце тянется шепотом к сердцу
На самом деле,
Погляди на меня,
Твои очи — свет плодоносный.*

*И прочту я тебе под шуршанье
Боржомских елей
Те стихи, что мне подсказали
Боржомские сосны.*

У нас все общее

*Все поровну делить нам суждено,
Все наши радости, мой друг сердечный,
У нас с тобою, как заведено,
Все общее отныне и навечно.*

*У нас все общее... но одиноко
На тот подъем пойду сегодня я,
Чтоб грусть свою,
Что так томит жестоко,
Вдали от всех, задумавшись глубоко,
Там победить, там расхотить — до срока,
Когда улыбка вновь придет ко мне моя.*

*Пусть эту глыбу грусти,
Друг родной мой,
Переворачивают руки...
У нас все общее, я все делю с тобой,
За исключением горечи и муки.*

Перевел с грузинского
Владимир СОКОЛОВ.

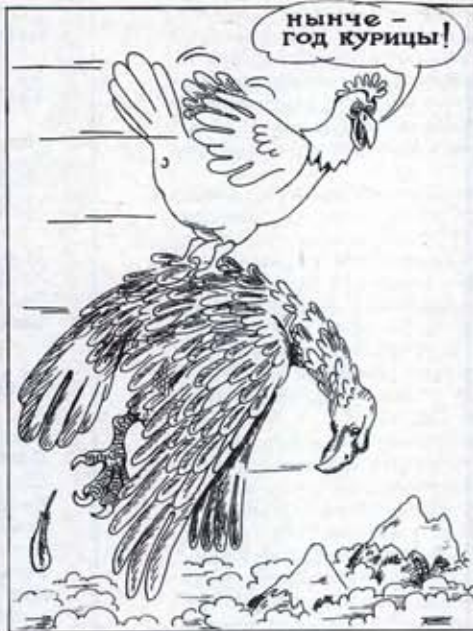

Рисунок Константина РЫБАЛКО

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

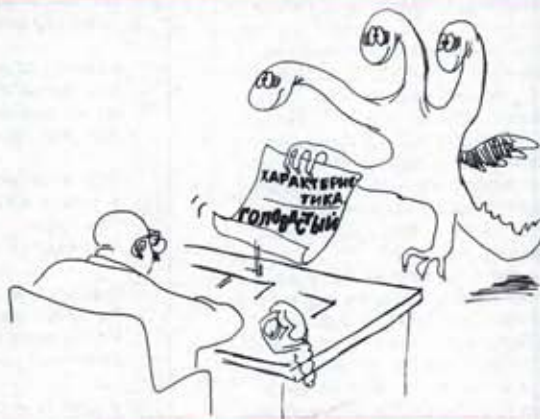

Рисунок ЮНАКА

Рисунок Ильи ПЕЙДЫ

(Продолжение. Начало см. в №№ 11—13 журнала).

Четвертый тур

Белые начинают и дают мат в два хода.

Белые начинают и дают мат в три хода.

Белые начинают и делают ничью.

Ход черных. Каким способом они достигают победы?

Ответ на каждое из четырех заданий не забывайте сообщать нам на отдельной открытке, пользуясь только сокращенной шахматной нотацией. Письма на четвертый тур отправляются не позднее 25 сентября 1981 года. Уточняем, что в третьем задании первого тура этого конкурса черный король стоит на поле «h8». Решение данной позиции можно посылать до 10 сентября с. г.

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Немало советских шахматистов порадовали успешными выступлениями на международной арене в

нынешнем году. В этой подборке читателям «Смены» предлагаются запоминающиеся творческие фрагменты из партий Михаила Талья и Людмилы Зайцевой. Экс-чемпион мира одержал уверенную победу на традиционном международном турнире «Таллин-81». В 15 поединках рижанин не потерпел ни одного поражения и вписал в свой актив 10 очков. Молодая москвичка стала первым призером международного женского турнира в Белграде с отменным показателем — 7,5 из 10!

Перед вами положение фигур, создавшееся после 24-го хода белых во встрече М. Талья с эстонским мастером Гуннаром Ууси. Неожиданной комбинацией, связанной с эффектной жертвой ферзя, черные, которыми играл гроссмейстер, максимально обостряют борьбу.

24...Kc4:d2! 25. Kf5—h6+ g7:h6 26. Ch3:e6 Kd2—e4 27. Fc3—e5 f7:e6 28. Fe5:e6+ Kpg8—g7 29. Fe6—e7+ Kpg7—g6 30. h2—h4 Ld8—d5!

Выдержка и бдительность — крайне необходимые качества хорошего шахматного бойца. Вот сейчас стоило черным поспешить с естественным движением своей проходной пешки на центральной вертикали, и победа форсированно «уплывала» — 30...d2? 31. h5+! Kр:h5 32. Ff7+ Kpg4 33. Fe6+ Kpg3 34. Fe5+ и т. д. Теперь же ферзь белых не совладает с объединенными усилиями нескольких неприятельских фигур.

31. g3—g4 Ld8—g8! 32. Kpg1—g2 d3—d2 33. h4—h5+ Kpg6—g5 34. Kpg2—h3 d2—d1 35. Lf1:d1 Ke4—f2+ 36. Kph3—g3 Kf2:d1 37. e3—e4 Ld5—d3+, и белые капитулировали.

На этой диаграмме вы видите позицию, к которой после 18-го хода белых пришли Л. Зайцева (у нее были черные фигуры) и югославская шахматистка Сузанна Максимиович.

Энергичным движением пешки на королевском фланге черные захватывают инициативу и ход за ходом нагнетают давление, все более стесняя неприятельские силы.

18...f7—f5! 19. Lf1—e1 Kd7—c5 20. Ke2—1 e5—e4 21. d3:e4 d5:e4 22. Kd2—f1 La8—d8 23. Ld1—d2 Kf8—g6 24. Le1—d1 Kg6—e5 25. Fa1—b1 Kc5—d3 26. Kc1:d3 Ke5:d3 27. Cb2—d4 c6—c5 28. Cd4—e1 Ld8—d7 29. Kf1—h2.

Белые скваны буквально «по рукам и ногам» и вынуждены лишь «копшиться» в собственном тылу. В подобной обстановке продержаться можно очень недолго, особенно если соперник настроен решительно.

29... Le8—d8 30. Cg2—f1 Fe7—g5 31. Kh2—f3 e4:f3 32. Ld2:d3 Cd6:g3! 33. e3—e4 Cg3—h4!, и белые признали свое поражение.

Музыка Владимира ЗУЕВА Стихи Вадима КУЗНЕЦОВА

Под нами планета в серебряной мгле,
Над нами холодные звезды.
Всегда самолеты стремятся к земле,
Как птицы весной,
Как птицы весной
В родимые гнезда.

Припев:
Пусть снова тревоги,
Пусть снова борьба,
Но хочется сердцу полета.
Такое призванье,
Такая судьба,
Такая мужская работа. } 2 раза

Нас бури трепали, нас грозы секли,
Нам было в полете несладко.
Огнями внизу города расцвели,
Ночная посадка,
Ночная посадка,
Ночная посадка.

Припев.
Кто с нами пробился
сквозь штормы и лед
К знакомому аэродрому,
Кто с нами летал, тот, конечно, поймет,
Как летчик тоскует,
Как летчик тоскует
По милому дому.

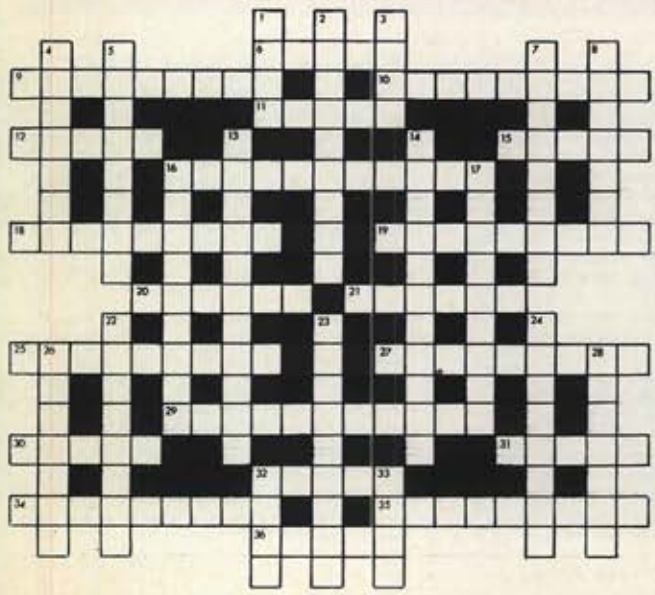
Припев.
Веселой улыбкой
ты встретишь меня,
А после поплачешь украдкой.
Уснула земля, и вокруг ни огня,—
Ночная посадка,
Ночная посадка,
Ночная посадка.

Припев.

ХОЧЕТСЯ СЕРДЦУ ПОЛЕТА

КРОССВОРД

Составил А. ФРОЛОВСКИЙ, Москва

- По горизонтали:
- Город в Эстонии.
  - Коллекционирование марок.
  - Отражательный телескоп.
  - Разновидность каменного угля, поделочный камень.
  - Прозрачный слоистый минерал.
  - Оптический квантовый генератор.
  - Текстильщица, инициатор стахановского движения, Герой Социалистического Труда.
  - Овощная культура.
  - Композитор, автор мелодии песни «Одинокая гармонь».
  - Большая редкость, единственный в своем роде экземпляр.
  - Древко смычка.
  - Специалист в области развития производительных сил общества.
  - Город в Львовской области.
  - Основоположник современной космонавтики.
  - Система озер на юго-востоке Финляндии.
  - Опера С. С. Прокофьева.
  - Стихотворение С. А. Есенина.
  - Горный цветок.
  - Советский журнал для женщин.
  - Приток Терека.
- По вертикали:
- Знамя.
  - Народный художник СССР, автор картины «Прием в комсомол».
  - Гоночный микролитражный автомобиль.
  - Река в Латвии.
  - Картина А. А. Дейнеки.
  - Сосуд для содержания и разведения водных животных и растений.
  - Герой гражданской войны, соратник Н. А. Щорса.
  - Наименование искусственного спутника Земли, запускаемого по совместной программе социалистических стран.
  - Стихотворение Я. В. Смелякова.
  - Представитель коренного населения социалистической республики в Юго-Восточной Азии.
  - Скульптурное украшение по углам фронтона здания.
  - Коллектив музыкантов-исполнителей.
  - Древнерусская повесть о Куликовской битве.
  - Город в Белоруссии.
  - Спортивный коллектив.
  - Коренное население союзной советской республики.
  - Город в Румынии.
  - Административно-территориальная единица в СССР.
- ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13
- По горизонтали:
- Баратынский
  - Рапира
  - Аризль
  - Киров
  - Кождуб
  - Комедия
  - Сальников
  - Осетр
  - «Стоик»
  - Аорта
  - Пульт
  - Грамм
  - Ротор
  - Петит
  - Кукша
  - Скула
  - Запад
  - Воронихин
  - Ноктюрн
  - «Валерик»
  - Кабан
  - Анабар
  - Ачинск
  - Планиметрия
- По вертикали:
- Папирус
  - «Казак»
  - «Выбор»
  - Устав
  - Чичиков
  - Патент
  - Клиент
  - Конструктор
  - Иньва
  - Олимп
  - Визирование
  - Багратион
  - Коллектив
  - Раппа
  - Страз
  - Тропа
  - «Книга»
  - Латунь
  - Алейск
  - Врубель
  - Нагибин
  - Крона
  - Брамс
  - Нарта

О ЛЮДЯХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Пожалуй, именно в портретах Николая Бурейченко наиболее сильно отразилась природа его творчества. Они очень разные, эти портреты. Скромное полотно — мягкий женский силуэт, едва прорисованный нечеткими черными штрихами на сером фоне, но какой запоминающийся образ, какая нелегкая судьба угадывается в нем. А вот другой — «Женский портрет», яркий, наполненный светом, силой, красотой, молодостью. И целая серия исторических персонажей: «Сократ», «Эдип», «Джордано Бруно». В них ясно прослеживается обостренное внимание к человеку, к характеру. Художник как бы ищет идеал героя, основой для которого служат наиболее значительные черты характера.

Интерес к типическому дает Бурейченко возможность подняться над единичным и случайным, но не пренебрегать при этом существенными деталями быта и среды. Каждый его герой — это обобщенный программный образ определенного человеческого типа, и свое внимание художник неизменно сосредоточивает на внутреннем состоянии ге-

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

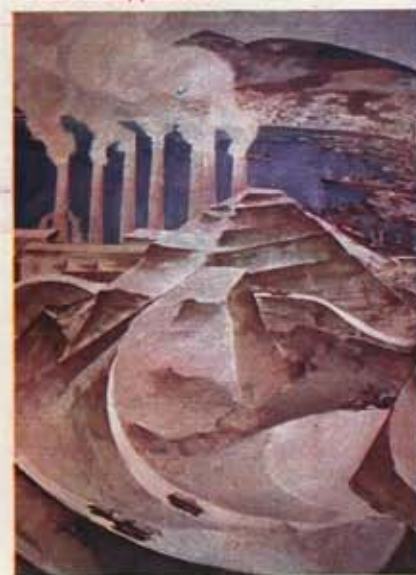
роя, на поисках психологического смысла данной натуры.

В портретах, пейзажах, сюжетных композициях Бурейченко стремится к одной цели — овладеть реальностью во всем ее многообразии. Он далек от формальных исканий, чисто внешних выразительных эффектов. Прежде всего художник старается углубить, прочувствовать, пережить каждое свое полотно, возвысить его своей болью или радостью, насытить эмоциональным накалом собственной души.

Любовь к рисованию. Преклонение перед миром красок и великими творениями мастеров прошлого. Интерес к искусству. Когда запали они в сердце, стали неотъемлемой частью его жизни? Воспоминания детства связаны для Николая Бурейченко с суровыми военными лишениями и невзгодами и радостью первых творческих открытий. «Сколько себя помню, столько и вижу

ОСВОБОЖДЕНИЕ.

ЦЕМЕНТ.

себя с карандашами, красками и кистью в руке — говорит художник. — Такое чувство, что рисовал всегда, всю жизнь». Но первые «картины» родились как раз в войну. Вернулся с фронта отец, раненный под Орлом, под Ростовом и в Сталинграде, как и до войны, возглавил колхоз на Ставрополье. С этим возвращением в творчество Николая на долгие годы вошла новая тема — военно-патриотическая, тема защиты Отечества, навеянная рассказами, воспоминаниями и образом отца. Он продолжал ее разрабатывать в художественном училище, не изменил ей и в художественном институте имени И. Е. Репина при Академии художеств СССР, где учился в мастерской профессора Юрия Михайловича Непринцева, создавшего в изобразительном искусстве образ известного литературного героя Василия Теркина.

Одно из последних полотен Бурейчен-

ко — «Освобождение» — поражает не только яркой живописной манерой, но и углубленной психологической проникновенностью, острой политической направленностью, гневным протестом против разрушительной силы фашизма и войны. Символически преломляются в этом масштабном и глубоком произведении две идеи, две философские концепции. Первая связана с утверждением ценности человеческой жизни, с осуждением жестокой беспощадности войны, несущей страдание, разрушение, смерть. Вторая определяет нравственные критерии личности, истоки бесстрашия, мужества, героизма, ведущего к бессмертию.

Каждая картина Бурейченко раскрывает гармоничность и цельность самого художника. В его творчестве нет ничего случайного, чуждого, привнесенного различными художественными течениями, нет ничего, что бы не вытекало из особенностей и склада его творческой индивидуальности.

ЮНОСТЬ.

НА ОКЕ.

Живопись для него — выражение прежде всего своего мироощущения, своего понимания людей, природы, мироздания. Он умеет неуловимо, но очень точно передать настроение, характер, состояние души, что нашло отражение в таких произведениях, как «Портрет матери», «Однажды», «Автопортрет». Его кисти подвластны скорость и пространство. И все же наиболее характерной чертой его творчества является целеустремленность. Идея определяет выбор тех или иных выразительных и художественных средств, диктует не только содержание, но и колорит, форму, композицию. Поэтому картины Николая Ивановича Бурейченко всегда художественная характеристика, всегда художественный образ, несущий отточенно ясную мысль и окрашенный глубоким чувством жизни с пониманием времени.

ГОЛУБОЙ КОНЬ.

Татьяна ЯССОН.